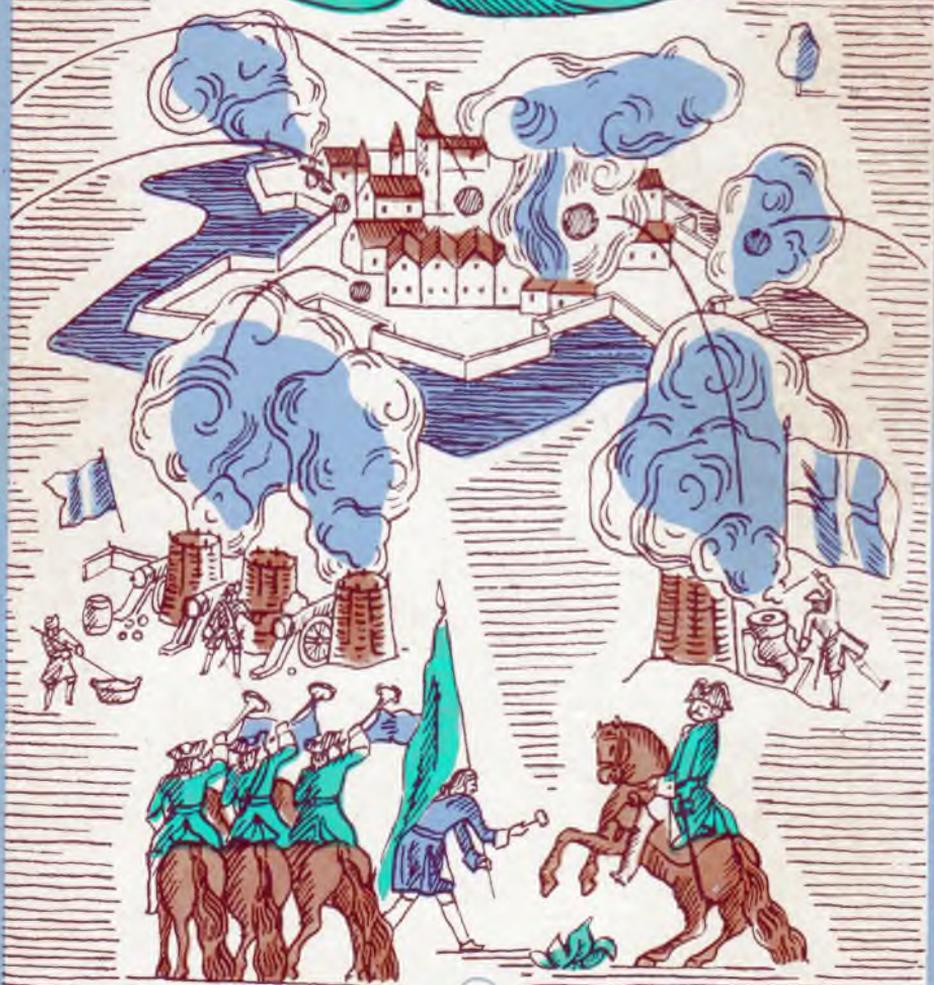
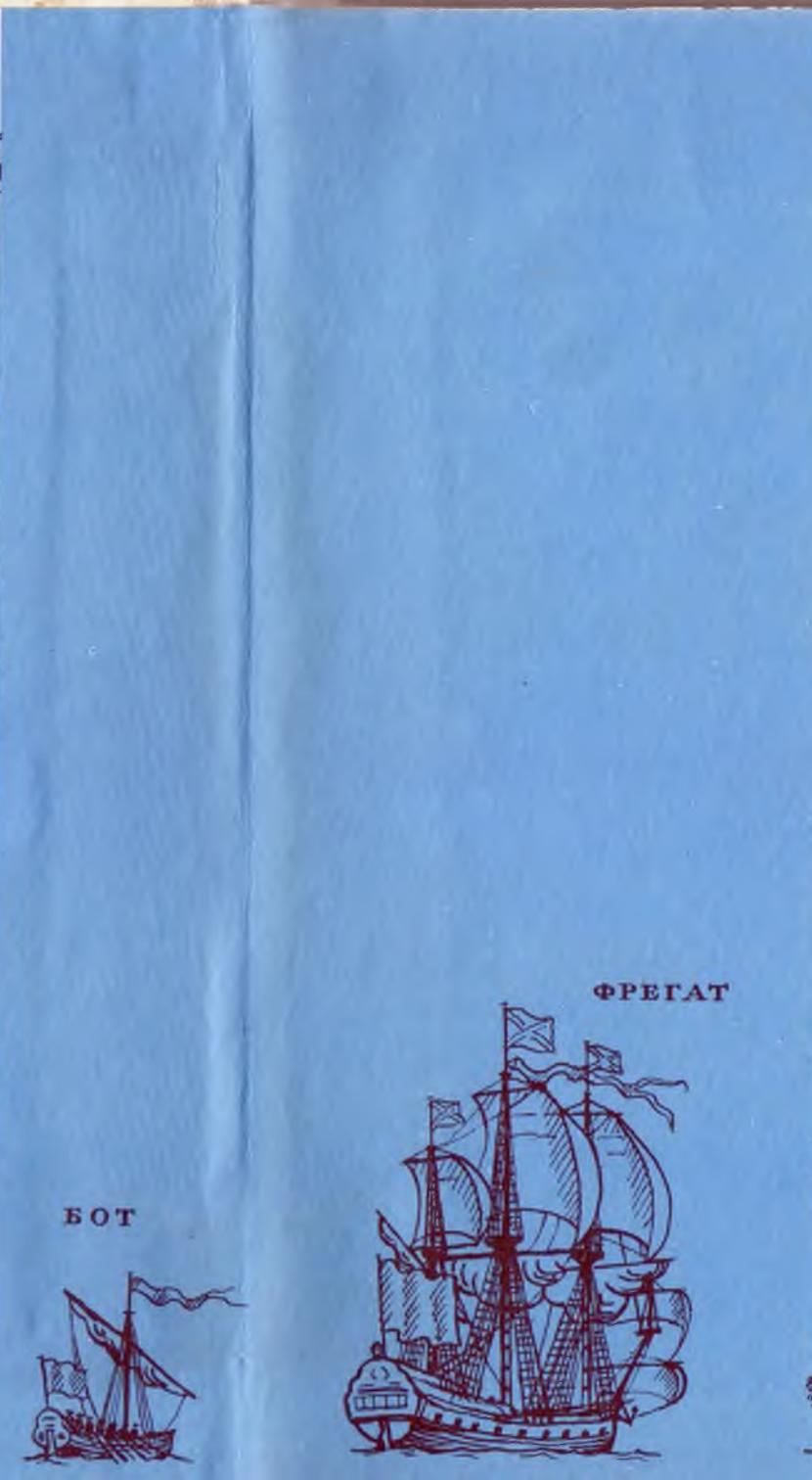
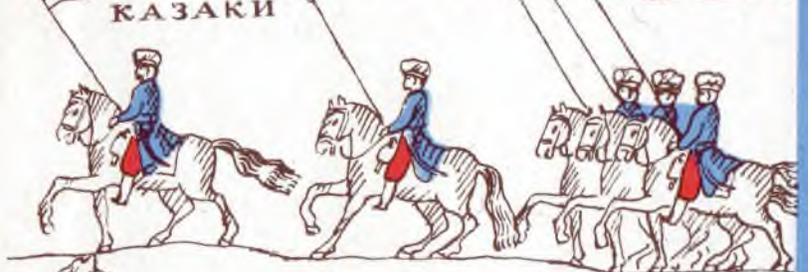
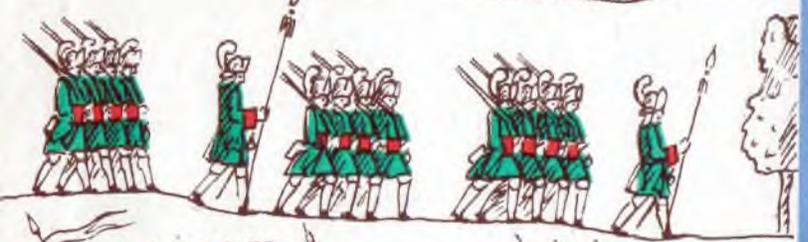
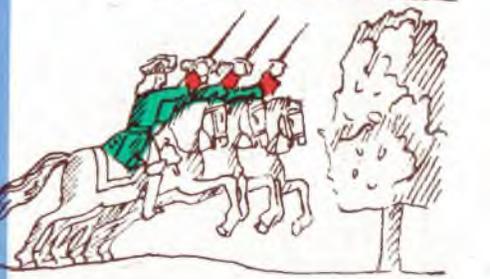
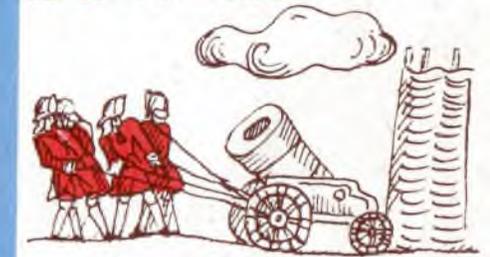

Я. ГОРДИН
ПУСТЬ КАЖДЫЙ
ИСПОЛНИТ СВОЙ
ДОЛГ

БОТ

Я. ГОРДИН

*Повесть
о Северной войне*

МОСКВА
"Детская литература"
1979

Это книга о Великой Северной войне. Молодая петровская Россия вступила тогда в смертельную борьбу с воинственной Швецией, чтобы отстоять свое право на жизнь.

Это была трудная война. Бои шли двадцать один год — на суше и на море, в России и в Европе.

Месяц за месяцем, год за годом рассказан в книге ход военных действий: крупные сражения и кавалерийские рейды, осады крепостей и абордажные схватки, подвиги офицеров и солдат.

В книге нет вымысла. Все, о чем в ней рассказано, было на самом деле.

Ведь подлинная история гораздо интереснее любого вымысла.

Оформление Н. ГРИГОРЬЕВОЙ

Г 70803—467 322—79
М101(03)79

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979 г.

БАЛТИКА — ЭТО ЖИЗНЬ

Борьба за Балтику шла столетиями.

На суше и на воде новгородские и псковские рати многократно сражались с ливонскими рыцарями и со шведами за побережье Финского залива и берега Невы — свои древние владения. Много русской, немецкой и шведской крови было пролито на Балтике.

В середине XVI века в Прибалтийский край вступили войска Ивана Грозного. Первое время русская армия действовала успешно. Воевода Алексей Басманов занял город Нарву — сильную крепость и порт на Балтийском море. За Нарву недаром шла жестокая борьба — это был настоящий торговый город. Больше ста заграничных кораблей в год принимала Нарва. Здесь бывали суда из Дании, Англии, Шотландии, Голландии, Франции...

Постепенно военное счастье изменило царским воеводам. Разоренное многолетней войной и бесчинствами опричников Русское государство не смогло противостоять многочисленным и сильным врагам. Польский король Стефан Баторий осадил Псков. Воспользовавшись походом Батория, шведы взяли Нарву. И не только Нарву, но и земли по Неве и заливу — древние новгородские владения. Выход на Балтику был для России закрыт.

Когда молодой царь Петр утвердился на престоле, он стал искать выход к морям. Он понимал, что Россия должна свободно торговать с Европой, принимать гостей, посылать своих людей учиться в Европу, наблюдать европейскую жизнь, перенять лучшее, что можно в Европе найти.

Пути сухопутные были дорогими и ненадежными — любое пограничное государство в случае войны или просто неудовольствия могло закрыть доступ в Россию. Морские пути были дешевыми, и перекрыть их было не так-то легко.

В начале своего царствования, не рискуя ссориться с сильной Швецией, Петр отвоевал у Турции крепость Азов и утвердился на Азовском море. Но эта победа мало что дала России. Черное море и выход из него в море Средиземное оставались в руках султана и его вассала — крымского хана.

Для того чтобы развиваться, России необходим был выход на Балтику. Надо было воевать со Швецией.

За семнадцатое столетие Швеция стала одной из самых сильных европейских держав. Шведские армии, благодаря талантам их королей-полководцев и храбрости солдат, считались непобедимыми. Швеция владела обширными землями вдоль балтийских берегов — Лифляндией, Эстляндией, Ингрией, Финляндией, Померанией.

Молодой шведский король Карл XII, вступивший на престол в 1697 году, был прирожденным воином и мечтал еще больше расширить свои владения.

Прежде чем начинать войну, Петр заключал военный союз с Датским королевством и с Польшей. Обе эти страны боялись могучего соседа — Швеции — и не прочь были, воспользовавшись русской помощью, ослабить его и захватить часть его владений.

Королем польским был в то время саксонский владетель Август II. Польская шляхта выбрала его королем, и он объединил под своей властью две страны. Саксония была богата и развита. Август располагал большой и хорошо вооруженной саксонской армией и польскими отрядами.

Датчане начали действовать в Скандинавии. Август осадил столицу Лифляндии — Ригу. Русская армия выступила к Нарве. Стояло лето 1700 года.

НАРВСКИЙ УРОК

1. ВПЕРЕДИ — НАРВА

очь на 31 августа Петр провел в Новгороде.

Проснувшись на рассвете и наскоро умывшись, он распечатал письмо адмирала Федора Головина, только что доставленное.

«Изволь, государь, благовременно выслушать. Все пишут о мире короля датского», — сообщал Головин.

Теперь уже не было сомнений — король датский, разбитый молодым шведским властителем Карлом XII, не решился продолжать войну и заключил мир со шведами. Печальная это была новость — союзники остались без датского флота.

Теперь Петру и Августу одним предстояло меряться силами с грозной армией «шведских викингов», перед которой трепетала Европа.

Петр долго сидел над письмом Головина. Несколько дней назад, получив от Августа известие, что Карл XII с восемнадцатью тысячами солдат двинулся в Лифляндию, он заколебался. Он тогда уже заподозрил, что датчане нарушили договор и вышли из войны. Но теперь, хоть догадка его и подтвердилась, он снова был тверд. У России не было другого пути — надо было воевать.

«Пойдем под Нарву и будем долг свой исполнять!» — сказал он себе.

Тут ему доложили, что прибыл от короля Августа герцог Карл Евгений фон Крои. Петр познакомился с герцогом еще два года назад в Амстердаме, и герцог пожелал вступить в русскую службу. Он был опытным генералом и царю понравился. Теперь Петр был герцогу рад — армия в надежных руках!

Герцог был высок, сухощав и надменен.

— Ваше величество, — сказал он, — я спешил. У меня срочное поручение от его величества короля польского. Король польский настоятельно просит ваше величество срочно прислать

к Риге 20 000 хорошей пехоты с артиллерией и амуницией. Срочно, ваше величество! Времени у нас мало — Ригу надо брать. А как только Рига будет покорена, его величество король польский со всеми своими силами и собственной персоной присоединится к армии вашего величества для содействия во всех ваших завоеваниях!

— У брата моего Августа Рига перед очами, а у меня — Нарва! — улыбаясь, сказал Петр.

Нет, послать Августу 20 000 он никак не мог. Впереди была Нарва. И сам Карл Шведский шел к ней на помощь. Армию делить было сейчас нельзя.

Петр встал и отправился вместе с герцогом смотреть вновь прибывших иноземных офицеров...

Русская армия шла к Нарве.

Всего двигалось до 40 000 штыков и сабель. При армии был обоз в 10 000 подвод.

Сила была бы большая, если бы все полки были такими, как два гвардейских. Но полки стрелецкие обучены были плохо, дисциплины не любили. Да и не все полки солдатского строя отличались выучкой. Большинство солдат пороху не нюхало.

Русская армия шла к Нарве.

2. ПОД НАРВОЙ

23 сентября гвардейский авангард вышел к реке Нарове ниже города. К вечеру подтянулись остальные части. Переправились через реку и разбили лагерь.

Петр с бомбардирами встал на острове Кампергольм — посреди Наровы. Солдаты построили ему легкий деревянный домик возле старой мельницы. Меншиков поселился вместе с царем.

На другой день Петр принялся за дела. Он осмотрел лагерь. Проверил караулы. Узнав, что один капитан заставил солдат устраивать себе удобное жилище, велел привязать этого капитана на три часа к пушке — чтоб подумал, как офицеру должно распоряжаться своими солдатами.

Потом Петр уединился с саксонским инженерным генералом Аллартом, вступившим в русскую службу, и долго обсуждал с ним будущие осадные действия.

Подвод для доставки снарядов не хватало. Лошади дохли под непосильными тяжестями. Шли дожди, была распутица. Артиллерия увязла за много верст от лагеря.

Вместе с Аллартом стали они рассматривать план нарвских укреплений, искать слабые места крепости.

— Вот здесь,— сказал Петр, отчеркнув карандашом два бастиона, Кристервал и Триомф,— вот здесь надобно атаковать... А чтоб не ошибиться, поедем после обеда на рекогносцировку.

Когда отдохнувший после обеда Алларт выехал из лагеря, он, к своему удивлению, увидел недалеко от крепостных стен царя с карандашом и бумагой в руках, уже зарисовывающего укрепления.

Постепенно подходили все новые и новые части. Собиралась армия.

Только артиллерия отставала. Петр писал адмиралу Головину грозные письма. Тот оправдывался: «Поход зело не спор от недостатка подвод. Ей-ей, все силы употребляю». А через несколько дней снова: «Зело тяжко стало от превеликих дождей и разбитых дорог».

Часть артиллерии и припасов к ней стали сплавлять по рекам. Тут дело пошло веселее. Но многие орудия прибывали неисправными.

Русские полки расположились верстах в двух от крепости, охватив ее широкой семиверстной дугой. Оба фланга осаждающих примыкали к реке. Нарва была полностью блокирована.

Петр приказал генералу Алларту принять начальство над всеми осадными работами и возводить батареи для бомбардировки нарвских укреплений.

Солдаты работали в дождь и в холод — осень была суровая. Шведы били по осаждающим со стен. В русской армии не хватало продовольствия. Работали впроголодь.

3. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

В домике Петра шел военный совет. Царь сидел мрачный. Все получалось не так, как он рассчитывал. Высланные в разведку кавалеристы Шереметева разбили передовой отряд армии Карла и взяли пленных. Пленные сообщили, что король идет к Нарве с тридцатитысячной армией... Не сумели датчане задержать Карла...

Нарву обстреливали день и ночь. Но пушки оказались слабые — от выстрелов лопались стволы, ломались лафеты и колеса. Порох был скверного качества. Да и он подходил к концу. Оboзы застряли в пути.

Шведы устраивали вылазки. А стрельцы, занимавшие пере-

довые позиции, каждый раз не выдерживали натиска. А их в армии было немало...

Приближался Карл XII, только что разгромивший хорошо обученную датскую армию, приближался во главе полков, считавшихся лучшими в Европе...

И Петр на военном совете внимательно слушал опытного генерала Алларта, предлагавшего обнести русский лагерь рвом и валом, а вал через каждые триста шагов укрепить бастионами. В укрепленном лагере армия могла не опасаться внезапного нападения. Опираясь на лагерные укрепления, можно было отражать атаки сильного противника.

Петр любил учиться. А у Алларта было чему поучиться.

Военный совет решил поручить Алларту возвести укрепления, выделить для этого несколько полков, а остальной армии продолжать осаду.

Петр не мог более оставаться при армии. Многочисленные дела, государственные и дипломатические, требовали его отъезда в Москву.

Командование армией он доверил герцогу фон Крои.

А на следующее утро после его отъезда — 18 ноября — к лагерю прискакали конные отряды Шереметева. Шведский авангард двигался за ними в нескольких верстах.

Армию поставили под ружье. Фон Крои издал приказ, в котором говорилось, чтобы всю ночь вокруг лагеря патрулировали полковые дозоры, чтобы солдатам был выдан запас патронов, чтобы артиллерийские офицеры находились на своих местах неотлучно.

Однако, когда наступила ночь, полковые командиры послушались приказа и дозоры высланы не были.

Шведский генерал Рибинг с несколькими офицерами спокойно подобрался в темноте к русскому лагерю и измерил глубину рва. Для будущей атаки это было очень важно: теперь шведы точно знали, сколько фашин им понадобится для перехода через ров, в каких местах ров легче перейти.

Герцог фон Крои не предполагал, что шведский король в своем стремительном броске к Нарве чрезвычайно растянул армию и мог теперь послать в бой только 5300 пехотинцев и 3130 конников. Фон Крои был уверен, что перед ним тридцатитысячная армия, которая может атаковать одновременно во многих пунктах, — соответственно он и расположил полки.

Русские укрепления раскинулись на семь верст. Для того чтобы равномерно оборонять их по всей длине, сил не хватало.

Вал защищала редкая цепь солдат. Прорвать ее было нетрудно. В таких случаях решающую роль играют резервы, которые полководец может бросить в прорыв. Но большинство офицеров-иностранцев не знали русского языка и не могли успешно управлять плохо обученными, неопытными новобранцами.

Быстрые и решительные перемещения войск в таком положении были невозможны...

Фон Крон это знал. Знал он и то, что его солдаты изнурены стужей и больше суток не ели — обозы с провиантом застряли в пути.

4. РАЗГРОМ

В одиннадцать часов утра 19 ноября шведская армия выстроилась перед русскими укреплениями.

Сам Карл с пешей и конной гвардией находился на правом фланге. Выстроившись, шведы открыли артиллерийский огонь.

Русские батареи ответили. Перестрелка продолжалась два часа. Карл хотел, чтобы русская армия вышла из-за укреплений. Но фон Крои понимал, что единственная его надежда — высокие валы.

Около двух часов пополудни Карл отдал приказ атаковать.

В это время начался снегопад. Сильный ветер нес мокрый снег в лицо солдатам на валу. За пеленой крутящегося, слепящего снега атакующие шведы невидимые подошли вплотную к лагерю. Колонны рослых солдат в синих мундирах вынырнули из бурана возле самого рва, ошеломив противника. Быстро забросав ров фашинами, шведы ринулись на вал и опрокинули немногочисленных защитников. Резервные колонны русских войск оставались в бездействии. Команды, отдаваемые на незнакомом языке, не доходили до сознания солдат. До их сознания дошло другое. Когда они обнаружили, что вал и бастионы в руках шведов, они решили, что иноземцы-офицеры продали их. И бросились на своих офицеров.

Фон Крои видел, как разъяренные, не слушающие команд солдаты убили его секретаря, трех адъютантов генерала Алларта... Привыкший командовать послушными австрийцами, он пришел в ужас.

— Пусть черт воюет с такими солдатами! — закричал он и, перемахнув на коне через заваленный фашинами ров, поскакал к шведам сдаваться.

Алларт, вне себя от стыда и отчаяния, поскакал за ним...

СРАЖЕНИЕ
ПРИ НАРВЕ
1700 Г.

Среди слепящего бурана, всеобщей паники и неразберихи Алларту показалось, что все потеряно. И в самом деле, положение было тяжелым. Первый удар шведов пришелся на стрелческие полки. Полки эти и на сей раз побежали. Дворянская конница Шереметева, смешав ряды, поскакала в тыл, даже не соприкоснувшись с атакующими. Пять тысяч всадников бросились вплавь через Нарову. Тысяча из них утонула при этом. Беспорядочно скачущая лавина увлекла за собой и Шереметева...

Но битва еще не была проиграна.

Левое крыло шведов столкнулось с Преображенским и Семеновским гвардейскими полками. Здесь не было никакой паники. Хорошо обученные, обстрелянные в походах на Азов, гвардейцы встретили удар плотными залпами и отбросили шведов.

Карл XII, который шел со своей гвардией ближе к центру, по характеру стрельбы понял, что самое жаркое дело сейчас на левом фланге, бросился туда с одним адъютантом. Он поскакал напрямик, через болото и увяз в нем. Подоспевшие солдаты вытащили своего короля, но ботфорт и шпага Карла остались в трясине. Спешив скакавшего мимо драгуна, Карл сел на его лошадь, вооружился его саблей и в одном ботфорте поскакал дальше.

Он сам повел солдат во вторую атаку на русскую гвардию. Но преображенцы и семеновцы огородили свою позицию повозками артиллерийского парка и снова отбросили шведов штыками и залпами.

Дивизия генерала Вейде, отрезанная от остальной армии, тоже дралась храбро. Раненый Вейде остался в строю. Видя бегство соседних полков, он успел перестроить дивизию и хладнокровно встретил атаку шведского генерала Веллинга. Веллинг отступил.

В центре русских укреплений пять пехотных полков солдатского строя оставались на своей позиции.

Гвардия, дивизия Вейде и центральное укрепление сражались до вечера. С темнотой шведы прекратили атаки.

Шведские генералы окружили короля. Они поздравляли его с победой, но многие были смущены. Победа не была такой полной и окончательной, как они надеялись. Они знали реальную численность своей армии и опасались завтрашнего боя.

— Ваше величество! — сказал один из них Карлу. — Перед нами остались значительные силы русских. Наши солдаты изно-

рены переходами и тяжелым боем. Нас мало. Если русские генералы решатся ударить на нас всеми оставшимися силами, мы не сможем отразить их атаку...

Восемнадцатилетний Карл даже не взглянул на говорящего...

5. «НАДО СПАСАТЬ АРМИЮ...»

В расположении русской гвардии, в землянке, освещенной несколькими свечами, совещались русские генералы — князь Яков Долгорукий, царевич Александр Имеретинский, который командовал артиллерией, генерал Автоном Головин и генерал Бутурлин. Они были в растерянности. Они твердо знали только то, что гвардейские полки и солдатские полки Головина готовы продолжать бой. Но их — всех вместе — не более 10 000. Судя по стрельбе, которая доносилась днем, Вейде тоже держался. Но в каком состоянии его дивизия, может ли он с утра возобновить бой?

Генералы, как известно, считали, что шведов 30 000. Если бы они знали, что им противостоят 8000 усталых солдат, то, быть может, все было бы по-другому.

— Надо спасти армию, — сказал Бутурлин. — Завтра нам со шведом не совладать... Если не уйдем — завтра армии конец...

И генералы поручили ему отправиться для переговоров в лагерь Карла.

Шведские генералы обещали Бутурлину, что русские полки получат возможность отступить с оружием и знаменами.

Бутурлин вызвал Долгорукова, Головина и Александра Имеретинского.

Их повели по шведскому лагерю к шатру короля. Мокрый снег, выпавший днем, растаял. Ледяная грязь хлюпала под сапогами. Было темно. Горевшие кое-где костры не могли рассеять мрака этой сырой ноябрьской ночи.

У королевского шатра стояли гвардейцы с пылавшими факелами. Ветер разносил искры, и они с шипением падали в грязь.

Карл вышел из шатра навстречу русским генералам.

Он стоял перед ними, освещенный светом факелов, худой, с непокрытой коротко остриженной головой.

Он не ответил на поклон и молча смотрел на побежденных, продлевая их унижение. Наконец губы его разжались.

— Я знаю условия, — резко сказал он. — Я согласен. Утром вы уйдете.

Его слова тотчас перевели русским генералам.

Александр Имеретинский выступил вперед.

— Ваше величество!— сказал он.— В условиях не было речи об артиллерии...

Карлу перевели. Он махнул рукой.

— Вы потеряли вашу артиллерию. Забудьте о ней!

После этого шведский генерал Веллинг послал парламентариев к Вейде с сообщением о договоре. Вейде не поверил. Он был готов наутро возобновить сражение. Тогда ему передали письмо от Бутурлина.

Делать было нечего. Сражаться в одиночку, когда вся армия отходила, Вейде не мог. Он написал Веллингу: «Отделенные от армии, мы готовы биться до последней капли крови; но можем заключить договор, и, если условия будут приемлемы, я согласен».

Карл прекрасно понимал, что произойдет, если утром русские генералы поймут истинное положение дел. И он приказал своим саперам срочно, в темноте, восстановить разрушенный мост через Нарову, чтобы противник мог отступить.

На рассвете гвардейские полки и дивизия Головина в полном порядке, с оружием отступили за Нарову и двинулись к Новгороду.

Но когда к мосту подошла дивизия Вейде, шведы окружили ее, заставили сдать оружие, ограбили солдат. Спротивляться Вейде не мог: стоящие в плотных колоннах под стволами шведских орудий его полки были бы немедленно уничтожены.

Дивизия Вейде ушла без оружия и знамен.

Но шведы и дальше нарушили договор. Всех русских генералов, которые еще оставались в шведском лагере, они объявили военнопленными...

Через несколько дней в Новгород из-под Нарвы стали прибывать уцелевшие части, и Петр узнал о размерах катастрофы.

6. СРАЖЕНИЕ ПРОИГРАНО — ВОЙНА НЕ КОНЧЕНА

Вести о нарвском поражении не были для Петра неожиданны. Он понимал, чего можно ожидать при столкновении испытанной, обученной, уверенной в себе шведской армии с наспех собранными русскими полками. Удивительно было не то, что шведы победили, удивительно было то, что русские так долго и ожесточенно сопротивлялись.

Ведь армия, пришедшая под Нарву, вовсе не была рассчитана

на генеральное сражение. Она предназначалась для осады небольшой крепости и движения на помощь Августу. Никто не ожидал, что Карл так быстро расправится с датчанами и явится на театр военных действий.

Петр сразу понял, что нарвское сражение — это не конец борьбы, а ее начало.

Немедленно генералу князю Никите Репнину велено было привести в порядок отступившие в Новгород разбитые и уцелевшие полки.

Генералу князю Борису Голицыну велено было приступить к формированию драгунских полков. Под Нарвой стало ясно, что старая дворянская конница, плохо обученная и недисциплинированная, для современной войны не годится. Регулярные драгунские полки должны были стать важной частью армии. В драгуны было «приказано принимать всякого чина людей, не исключая и крепостных, если они хотели, от 17 до 30 лет».

Особое внимание обращалось на артиллерию. Был назначен специальный надзиратель артиллерии — думный дьяк Виниус. Петр отдал приказ, потрясший страну: «Со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей, собрать часть колоколов на пушки и мортиры». Виниус оказался настойчивым и деятельным исполнителем царской воли. В мае 1701 года — через шесть месяцев после поражения — в Москву свезено было до 90 000 пудов меди. А к годовщине Нарвы было уже отлито 300 орудий. Русская армия получила новую артиллерию.

России все это обходилось куда как дорого, ведь добровольно явившихся служить в армии было недостаточно и по стране пошли рекрутские наборы. Молодых здоровых людей забирали в солдаты. Набор шел за набором. Вооружение и обучение армии требовало больших денег, стало быть, увеличивались налоги.

Солдат, и конных и пеших, тоже надо было кормить, добывать для них припасы. На крестьян ложилось новое тяжкое бремя. Местности, в которых стояла армия, разорялись.

Петр все это знал, но выбора у него не было. Армия была необходима для существования государства. Чтобы создать боеспособную армию, он готов был пожертвовать чем угодно.

Страна жаждала передышки, и Петр попытался с помощью Англии и Голландии заключить перемирие со Швецией. Из этого ничего не вышло.

Стали доходить упорные вести, что Турция, узнав о нарвском поражении, готовится напасть на Россию с юга.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

1. ШВЕДЫ ГРОЗЯТ АРХАНГЕЛЬСКУ

июне 1701 года из шведского порта Готенбург вышли в море две шнявы и четыре галиота. Было объявлено, что корабли эти идут для промысла китов к берегам Гренландии. И только капитаны знали, что идут они в Белое море, к Архангельску.

Карл решил пресечь русскую торговлю. Закрыть даже те длинные и неудобные морские пути в Европу, которые у России были...

24 июня в устье холодной, прозрачной реки Двинки ловили рыбу Иван Рябов, монастырский работник, и Дмитрий Борисов, переводчик при военной заставе.

Они выехали еще ночью, но рыба ловилась плохо. Рыбаки замерзли и собирались домой. Но тут заметили заросшую водорослями бухту — в Двинку впадал ручей. Рябов и Борисов решили пройти бухту с бреднем. Рябов пошел, по пояс в ледяной воде, вдоль берега, держа один конец сети, а Борисов с другим концом забрался поглубже, по плечи. Они шли, шумно всплескивая и перекликаясь, стуча от холода зубами... И вдруг Рябов, случайно оглянувшись, застыл. Из-за покрытого кустами мыса к ним неслась шлюпка, полная вооруженных людей. Не успели рыбаки прийти в себя от неожиданности, как нос шлюпки вырвал бредень из их рук, а с бортов на них уставились ружья.

Сидевший на корме офицер спросил по-шведски:

— Хорошо ли ловится рыбка?

Переводчик Борисов, узнав шведскую речь, все понял.

— Беги, Иван! Это шведы! — крикнул он Рябову, который оказался по другую сторону шлюпки, ближе к берегу.

Рябов дернулся было бежать, но пули вспороли воду рядом с ним. Он остановился... Шведам нужны были лоцманы. И вскоре Борисов и Рябов оказались на палубе флагманского галиота.

— Вы проведете корабли к Архангельску, — сказал шведский капитан. — Когда мы возьмем город, наградим вас и отпустим. Если хоть один корабль сядет на мель, берегитесь!

На следующий день два вооруженных пушками галиота и шнява вошли в устье Малой Двины, подняв голландский флаг.

Полковник Григорий Животовский, охранявший подступы к Архангельску, с тринадцатью солдатами поплыл на легком

карбасе к эскадре. Поскольку суда шли под дружественными флагами, он безбоязненно приблизился к головному галиоту и закричал:

— Что за корабли? Для чего прошли устье, не известив нас?

По правилам полагалось, прежде чем войти в реку, предупредить русские власти.

Шведы, не отвечая, спустили ему трап, и он хотел уже подняться на палубу, но заметил, что стоявший на высоком носу карбаса солдат делает ему знаки. Животовский остановился.

— На палубе люди прячутся оружные!— вполголоса сказал ему солдат. Он со своего высокого места увидел их через пушечную амбразуру.

Животовский понял, что попал в ловушку. Он резко оттолкнулся от борта галиота и крикнул:

— Ребята! За корму!

Солдаты ударили веслами, и карбас оказался за кормой корабля — там не было пушек.

— К берегу!

Пока галиот разворачивался, чтобы накрыть русских пушечными выстрелами, шведские солдаты стреляли из ружей. Пятеро гребцов в карбасе были убиты, шестеро ранены. Когда ударили шведские орудия, карбас был уже у берега.

После этой стычки шведские корабли двинулись вверх по реке. На палубе флагманского галиота, окруженные охраной, стояли Рябов и Борисов.

Через некоторое время эскадра подошла к повороту, за которым стояли батареи Ново-Двинской крепости. Крепость еще только строилась, и шведы о ней не знали.

Рябов и Борисов прекрасно помнили, что у левого берега перед крепостью на небольшой глубине лежит обширная песчаная мель... Они переглянулись. Рябов показал рулевому, что за поворотом надо резко брать влево... Обогнув лесистый мыс, корабли неожиданно оказались под стволами батарейных орудий. Шведы кинулись к пушкам. Рулевой, помня указание Рябова, взял влево — и галиот с треском врезался в плотный песок подводной мели. Идущая следом шнява, чтобы не столкнуться с галиотом, повернула еще круче к берегу и тоже застряла.

Третье судно успело отвернуть вправо.

От страшного толчка на галиоте затрещали мачты, полопались снасти, многие шведы, не удержавшись на ногах, покатились по палубе. Воспользовавшись растерянностью, Рябов и

Борисов бросились в палубную надстройку и заперлись в ней. Разъяренные солдаты стали палить по надстройке из ружей — дощатые стены после нескольких залпов превратились в решето. Борисов был убит. Рябов ранен. Выломав дверь, шведы выволокли на палубу окровавленные тела лоцманов. Рябов притворился мертвым. Проверять, кто жив, кто мертв, у солдат не было времени. Бросив русских у борта, они кинулись помогать матросам, пытавшимся снять корабль с мели.

Рябов тихо перевалился через борт и, глубоко нырнув, поплыл к берегу...

Появление шведской эскадры было столь же неожиданно для русской крепости, как существование крепости для шведов. У крепостных орудий никого не было. Услышав крики караульных, строивший крепость инженер Резе и один из офицеров, Иевлев, бросились к ближайшей пушке, зарядили ее и открыли огонь по шведским кораблям, сидевшим на мели. Артиллеристы бежали на батареи. Корабли оказались под сильным огнем. Шведские орудия ответили. Убедившись, что корабли под огнем с мели не сдвинуть, шведы решили разгромить русские батареи, высадить десант и, покончив с крепостью, спокойно заняться кораблями.

Артиллерийская дуэль шла тринадцать часов без перерыва. В июне под Архангельском ночь не намного темнее дня. Начавшись в середине дня 25 июня, бой закончился только к утру 26 числа. Подавить русскую артиллерию шведам не удалось. Они бросили корабли и, сев в шлюпки, поплыли к единственному уцелевшему судну и ушли на нем в море.

Архангельск был спасен.

2. «ВОТ ОНИ, ВАШИ САКСОНЦЫ!»

После первой нарвской победы Карл XII решил, что заниматься Россией сейчас нет смысла: ей уже не оправиться от удара. Надо сперва разгромить Августа, выгнать его из Польши, а потом уже думать о Москве...

В начале июля 1701 года Карл, стоявший несколько месяцев в Лифляндии, получил подкрепления из Швеции и двинулся к Риге.

Вокруг Риги расположились саксонские полки под командованием фельдмаршала Штейнау.

Ловким маневром Карл обманул саксонцев, заставил фельдмаршала разделить свою армию, а сам внезапно появился перед

Ригой на берегу Западной Двины. На противоположном берегу выстроились полки Штейнау. Не раздумывая, Карл приказал тут-же, на глазах неприятеля, форсировать реку. Это было очень рискованное решение — саксонская артиллерия могла разгромить шведов еще на воде, а тем, кто доберется до берега, предстояло тут же встретить саксонские штыки.

Свита Карла была сильно смущена таким решением. Французский посол граф Гискар осторожно сказал королю:

— Ваше величество, ведь саксонцы не русские. Они умеют воевать.

— А хоть бы это были и французы,— ответил Карл,— я бы и тогда не колебался.

Обиженный Гискар отошел. Шведы, собрав лодки и паромы, начали переправу. Король с личной гвардией поплыл первым.

Карл рассчитал верно. Он догадался, что Штейнау не станет атаковать его на переправе, позволит шведам выйти на берег, чтобы затем, не дав им развернуться, атаковать и уничтожить. Саксонцы спокойно смотрели, как шведы — полк за полком — выходят на прибрежный песок. И только когда большая часть шведской армии была перед ними, Штейнау бросил свои части в атаку.

Но он не понял, с кем имеет дело.

Шведы отбросили саксонцев.

Штейнау забеспокоился. Еще трижды, собрав все силы, он атаковал Карла. И каждый раз без успеха. На третий раз шведы пошли в контратаку, и саксонцы не выдержали. Бросая пушки и знамена, армия Штейнау отступила. Сам фельдмаршал был ранен и еле спасся.

— Вот они, ваши саксонцы! — насмешливо сказал Карл графу Гискару, кивая на толпу пленных.

Король был упоен своими успехами. Да и не удивительно! Ему еще не было и двадцати лет, а он уже одержал несколько громких побед и собирался умножить свою славу новыми битвами.

Карл любил войну. Без войны ему было скучно. Жизнь радовала его только при свисте пуль, громе орудий и восторженных поздравлениях с победами.

И когда шведский государственный совет осторожно напомнил своему королю, что, мол, война — дело дорогое, что, мол, страна уже не может содержать такую большую армию и оплачивать действия сразу против двух стран — России и Польши, то король насмешливо ответил государственному совету, что бу-

дет воевать сколько понадобится для окончательного разгрома противника.

Воевать он умел. В декабре 1701 года он атаковал польскую армию короля Августа. У Карла было несколько сотен солдат. У его противников — несколько тысяч.

И польская армия была разгромлена...

Став хозяином Польши, разбив саксонцев, Карл объявил, что не считает больше Августа польским королем.

Полковнику Шлиппенбаху с несколькими полками он приказал устроить недалеко от Пскова — на русской границе — склады продовольствия для будущего похода на Москву.

Петр предложил Карлу мир. Шведский король ответил, что подпишет мир только в Москве и уж никак не с Петром...

Петр готовился к борьбе длительной и смертельной.

3. ЕВРОПЕ НЕ ДО РОССИИ

В Европе между тем разгорелась война, которую историки называют войной за Испанское наследство.

Война между французским королем Людовиком XIV и австрийским императором началась еще в начале 1701 года — в Северной Италии. Но только в середине 1702 года, когда на стороне Австрии выступили Англия и Голландия, война охватила всю Европу.

Дело было в том, что умер испанский король Карл II и завещал свои владения внуку Людовика XIV — Филиппу Анжуйскому, Испания в то время владела Нидерландами, Южной Италией, значительной частью Северной Италии, островами Сицилией и Сардинией и обширными территориями в Америке.

Людовик XIV, вынудив Карла II отдать Испанскую империю Филиппу Анжуйскому, фактически распространил свою и без того огромную власть и на все испанские земли. Австрия, Англия и Голландия ни за что не желали допустить такого усиления Франции, которая, объединив свою армию с испанской, стала бы хозяйкой Европы.

Армии союзников, которыми командовали замечательные полководцы принц Евгений Савойский и английский герцог Мальборо, стали теснить французскую армию. Но Франция была сильна. Война затянулась на многие годы.

Война шла и на суше, и на море. Так что сильнейшие европейские державы никак не могли вмешаться в борьбу России и Швеции ни на той, ни на другой стороне.

Петр был этим обстоятельством весьма доволен. Он опасался, что морские державы Англия и Голландия не захотят, чтобы Россия утвердилась на Балтике и стала конкурировать с ними. «Хоть бы подольше продлилась», — писал он о европейской войне.

4. «МЫ МОЖЕМ БИТЬ ШВЕДОВ!»

Несмотря на нарвское поражение Петр приказал Шереметеву не ждать новых нападений шведов, но действовать против них решительно и энергично.

Летом 1701 года русские кавалерийские отряды несколько раз совершали рейды в Лифляндию, где стоял уже произведенный Карлом в генералы Шлиппенбах с семитысячным корпусом. Отразив очередной налет русского отряда, Шлиппенбах привел свои полки к деревне Эрестфер в 50 верстах от границы и встал там лагерем.

В декабре Шереметев узнал от захваченного в плен шведского драгуна, что шведы, расположившись на зимние квартиры, разместили полки по разным деревням. Шереметев решил напасть на Шлиппенбаха.

Зима была морозная и снежная. Дороги заметены. Но Шереметев собрал две тысячи саней и посадил на них свою пехоту. Драгунские части и вспомогательная конница — казаки, калмыки, татары — двигались за санным поездом. На санях везли и 15 орудий.

Появление русских войск было для Шлиппенбаха полной неожиданностью. Он не сразу понял, что имеет дело с целой армией, и выслал вперед небольшие отряды, которые были Шереметевым уничтожены. Тогда Шлиппенбах, собрав несколько батальонов, утром 29 декабря ударил на русский авангард и отбросил его. Затем он отступил, остановился в двух верстах от Эрестфера и стал срочно стягивать туда свои полки.

Но не прошло и двух часов, как показались батальоны Шереметева. Шведы снова пошли в контратаку и после жестокого рукопашного боя снова отбросили русских. И в то время как Шереметев уже потерял надежду удержаться и готов был отойти, подоспела запоздавшая артиллерия.

Развернув орудия, артиллеристы Шереметева стали бить картечью в упор по наступающим шведам. Шведы отступили.

Тогда Шереметев быстро выстроил свои смешавшиеся было полки в боевой порядок. Правым флангом командовал генерал

Чамберс, левым — сын Шереметева Михаил, а сам командующий повел центр.

Первыми пошли в атаку драгунские полки Кропотова, Зыбина и Гулица. Драгуны не теряли времени на ружейный огонь — сходились вплотную и рубились палашами.

Затем двинулась пехота.

Четыре часа продолжался бой. Стало смеркаться. Шлиппенбаху доложили, что у его артиллерии осталось по четыре заряда на орудие. Русские батальоны уже обошли его фланги и вышли в тыл.

Шлиппенбах понял, что надо срочно отступить. Он позвал адъютантов.

— Пехоте и артиллерии сниматься с позиций и отходить к Эрстфери! — скомандовал он. — Конные полки остаются на местах и сдерживают неприятеля!

Адъютанты поскакали к полковым командирам.

Но как только пехота оставила позиции и весь натиск русских пришелся на кавалерию, Карельский драгунский полк шведов, состоявший из рекрутов, в панике поскакал за пехотой. Увидев это, остальные три конных полка бросились вслед карельцам. Шведские драгуны смяли собственную пехоту и помчались дальше в тыл. Этим воспользовались кавалеристы Шереметева — шведская пехота была изрублена.

Русская конница преследовала бегущих шведов около 30 верст. Сам Шлиппенбах едва спасся.

31 декабря Петр получил сообщение о победе. Первая победа. Он так ждал ее!

— Мы можем бить шведов!

Он произвел Шереметева в генерал-фельдмаршалы, пожаловал ему орден Андрея Первозванного — первый русский орден. Все офицеры и солдаты, участвовавшие в сражении, были награждены.

В Москве в честь победы били целый день 100 пушек, гремели колокола. На Красную площадь выкатили бочки с вином, медом, пивом.

— Мы можем бить шведов!

Нарвский урок не прошел даром.

РОЖДЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

1. БОИ ПРИ ГУММЕЛЬСГОФЕ

есной 1702 года в спасенном от шведов Архангельске были спущены на воду два фрегата. Сам Петр руководил их постройкой.

Начался северный флот.

А с запада приходили плохие вести. Карл XII захватил столицу Польши Варшаву. Август умолял о помощи.

Ни упоенный победами Карл, ни испуганный Август не знали, что фельдмаршал Шереметев готовит новое наступление.

15 июля авангард русского корпуса прошел мимо Эрестфера, вокруг которого все еще валялось изломанное оружие, брошенное шведами в прошлогоднем сражении.

Части Шлиппенбаха отступали, не принимая боя.

Три драгунских полка под началом полковника Кропотова и вспомогательная конница — казаки, татары, калмыки — следовали за шведами по пятам, не давая им покоя.

Но вдруг Шлиппенбах остановился и быстро занял боевые позиции возле местечка Гуммельсгоф.

Для полковника Кропотова это было неожиданностью. Когда его драгуны, привыкшие к долгому преследованию, широкой рысью вылетели на равнину перед Гуммельсгофом, они, к изумлению своему, увидели стройные синие ряды шведской пехоты и на флангах кавалерию, готовую к атаке.

Кропотов понял, что отступать опасно: шведы могут ударить в тыл. Да и не хотелось отступать. Он знал, что следом за ним идет форсированным маршем Преображенский полк и два драгунских полка. Он решил атаковать.

— Начнем бой, утомим шведа, а там подойдут другие и закончат дело! — сказал он адъютанту, оглядывая с пригорка шведские боевые порядки. Кропотов был одним из герсеев прошлогоднего сражения, и снежное поле под Эрестфером, по которому его драгуны гнали бегущих шведов, стояло у него перед глазами. Вот бы и сейчас так!

И он приказал казацким, калмыцким и татарским отрядам отвлечь шведскую кавалерию, а два драгунских полка послал на пехоту в центре.

Один драгунский полк оставил при себе, в резерве.

Разгоряченные погоней драгуны стремительно пошли вперед,

а с флангов донесли крики и завывания калмыцких и татарских всадников, широкой лавой охватывающих неприятельские конные полки.

Но очень скоро полковник Кропотов понял, что поступил опрометчиво.

Русские драгуны, встреченные убийственными ружейными залпами и картечью, смешались. На флангах шведская кавалерия ударила навстречу нападающим, расскла лаву и рассеяла ее.

Кропотов выхватил палаш и, приказав резервному полку следовать за собой, поскакал навстречу своим драгунам, в беспорядке отступающим. Драгуны, заметив кропотовский полк, стали забирать влево и вправо, чтобы очистить полку путь для атаки. И скоро полковник Кропотов увидел перед собой синие ряды шведской пехоты, увидел горячий блеск штыков, увидел дымное пламя ружейных залпов. Грома выстрелов он не успел услышать: его ударило в грудь, он выронил палаш и стал валиться с лошади. Он был тяжело ранен. Скачущие рядом драгуны подхватили его. Полк повернул и поскакал вслед отступающим. Шведская кавалерия преследовала их.

Узнав о столкновении своего авангарда со шведами, Шереметев немедленно послал поторопить преображенцев и драгун полковника Боура.

И вскоре гвардия и Боур столкнулись с наступающими шведами. Воодушевленные только что одержанной победой, солдаты Шлиппенбаха с такой яростью атаковали русские части, что преображенцы и драгуны, не выдержав натиска, стали отступать. Обоз, идущий за преображенцами, несколько знамен, пять орудий оказались в руках шведов.

Шереметев, не слезая с коня, все ускорял движение остальных полков. А их было еще немало. Он не хотел больше повторять свою ошибку — пускать армию в дело по частям.

Наступающие шведы наткнулись на три пехотных полка и остановились. Перестроившиеся преображенцы, драгуны Кропотова и Боура и свежие русские части, еще не участвовавшие в сражении, стали охватывать фланги Шлиппенбаха. Расстроенная во время преследования шведская кавалерия, контратакованная русскими драгунами, как и при Эрестфере, в панике смяла свою пехоту.

После этого началось истребление корпуса Шлиппенбаха.

Победа была внушительнее, чем при Эрестфере.

Дав солдатам отдохнуть, Шереметев направил во все стороны по Лифляндии летучие отряды — собирать контрибуцию, жечь

города, разрушать укрепления. Он не собирался закрепляться в Лифляндии и хотел оставить шведам разоренный край.

Но за десять дней до сражения при Гуммельсгофе под польским городом Клишовом сошлись тридцатитысячная прекрасно обученная и вооруженная саксонская армия, подкреплённая польскими ополчениями, и значительно меньшая армия Карла XII. В коротком бою Карл разгромил и разогнал саксонцев и поляков. Он захватил не только всю артиллерию Августа, но и его воинскую казну и даже его столовое серебро.

Август с небольшой охраной ускакал с поля битвы в одном камзоле.

Вся Польша оказалась в руках Карла. Немецкие князья и австрийский император, у границ которых стояла теперь шведская армия, были в большом страхе.

Карл XII казался непобедимым.

2. «СЗАДИ СМЕРТЬ! ТОЛЬКО ВПЕРЕДИ!»

В сентябре 1702 года Петр пошел к крепости Нотебург.

Крепость эту построили еще в XIV веке новгородцы для защиты своих владений на Ладоге от шведов. Многократно Орешек, как он тогда назывался, выдерживал осады. Но в 1611 году шведский полководец Делагарди захватил его.

С тех пор Орешек под именем Нотебурга стал шведской крепостью.

Нотебург защищало 450 солдат при 142 орудиях.

Петр стянул к Нотебургу больше 15 000 человек и сильную артиллерию. Лошадей было мало, и солдаты тащили пушки сами.

Началась правильная осада с устройством траншей и мощных осадных батарей.

Прозрачным сентябрьским утром Петр вместе с бомбардир-поручиком Александром Меншиковым смотрел с берега Невы на Нотебург. Крепость стояла на острове.

Серые невские волны казались светлее от бледно-голубого осеннего неба. Из-за леса поднялось солнце, и река засверкала, слепя глаза.

Темные могучие стены Нотебурга были теперь окружены серебряным сиянием воды.

Слабо плескались у низкого, поросшего осокой берега маленькие волны, и металлические звуки доносились иногда из русского лагеря. Там заряжали пушки.

— Ишь красота какая! — усмехнулся в усы Меншиков. — Как в бабкиной сказке. Ничего, скоро мортиры ударят, красоты поубавится.

— Без лодок нам до шведа не добраться, — сказал Петр. — А лодки с Ладоги вести водой мимо их пушек невысмыслимо. Сколько потопят!

Царь махнул рукой офицеру. Тот понял и быстро развернул перед Петром карту.

— Смотри, — сказал Петр Меншикову. — Вот тут просеку прорубим и лодки волоком вытащим...

— Тяжко! — засомневался Меншиков.

— Тяжко?! — зло обернулся к нему Петр.

Меншиков умолк.

В тот же день между Ладожским озером и Невой начали прорубать трехверстовую просеку. А когда прорубили, солдаты, скинув мундиры, обдирая ладони о жесткие веревки, поволокли тяжелые лодки посуху.

Петр тоже впрягся в одну из первых лодок. Перекинув веревку через худое плечо, он шел, как бурлак, наклонившись вперед и опустив голову. Но при этом он искоса рассматривал лица ближайших солдат... Труд был тяжелый — не всякая лошадь потянет. И солдаты смотрели сурово, иногда угрюмо, но ни на одном лице не видел он отчаяния и озлобления.

Странное дело, как отличались лица солдат от лиц мужиков, которых по его приказу сгоняли строить крепости, города, укрепления. Мужики чужую им, непонятную работу делали, проклятую, ненавистную работу. А солдаты — хоть и тяжкую, но свою, необходимую. Солдаты ему верили и готовы были терпеть с ним все лишения.

За 24 часа в Неву переволокли около 50 лодок. И сразу же начали обстреливать крепость. Десять дней не переставая били пушки и мортиры. Прав был Меншиков: красоты поубавилось. Орудийный дым и дым от пожаров в Нотебурге застилал берега реки, заслонял солнце. Нева снова стала свинцовой. В стене образовался большой пролом.

Штурм начался 11 октября.

Рано утром артиллерийский огонь прекратился, и лодки с добровольцами из разных полков ринулись к острову. Солдаты гребли бешено, стараясь поскорее добраться до песчаной полосы у крепостных стен. Гремели шведские орудия. Поплыли по воде обломки лодок и темные кровавые пятна... Но передовые отряды уже достигли острова и ринулись в пролом.

Впереди добровольцев гвардейского Семеновского полка бежал к стенам подполковник князь Михаил Голицын. Высокий, худой, он бросил в ножны свою офицерскую шпагу и схватил ружье убитого солдата. В смертельном рукопашном бою, который ждал семеновцев, со шпагой многого не сделать...

Шведы успели построить за проломами баррикады из камней, бревен, земли. В лица атакующим ударил залп. С Голицына пулей сорвало шляпу. С баррикады навстречу семеновцам большими прыжками ринулись шведские пехотинцы, выставив вперед сверкающие в пороховом дыму багинеты.

Голицын увернулся от штыкового удара. Напавшего на него шведа сбил прикладом семеновский унтер-офицер. Второго шведа Голицын встретил ружейным выпадом — резко звякнули столкнувшиеся багинеты. Швед оказался слабее, штык подполковника вонзился ему в плечо. Но из-за баррикады катилась новая волна контратакующих. Яростно отбиваясь, семеновцы начали отступать. В тесноте пролома негде было размахнуться для удара штыком. Били противника стволами ружей, старались оттеснить его, отбросить.

Лодки подвезли новые штурмовые отряды. Но им не хватало места в проломах.

Шведы бросили в контратаку все силы. Бой перешел на прибрежный песок.

Вырвавшийся из схватки Голицын окинул взглядом поле боя. Он увидел: еще немного — и русский десант будет сброшен в воду. Он увидел: солдаты оглядываются, ищут глазами лодки... Они думают об отступлении, о бегстве!

Швырнув ружье, подполковник кинулся к берегу. Оттолкнул одну лодку, другую, третью... Течение подхватило их и понесло.

— Семеновцы! — закричал он, срывая голос. — Назад дороги нет! Сзади смерть! Только вперед!

И снова бросился в бой. Семеновские роты, сомкнув ряды, ворвались в пролом. Силы шведов иссякали...

После тринадцати часов рукопашного боя Нотебург был взят.

Русская армия потеряла во время осады полторы тысячи убитыми и ранеными.

Из шведского гарнизона остался на ногах всего 41 солдат.

Крепость была переименована в Шлиссельбург, а комендантом ее стал бомбардир-поручик Меншиков.

Дела на севере шли хорошо.

3. ПЕТР ИДЕТ В ОГОНЬ

В Воронеже успешно строился флот для Азовского моря. Из Турции пришли успокоительные известия: турки решили соблюдать мир.

19 марта 1703 года Петр из Шлиссельбурга отправился с двадцатитысячным корпусом осаждать шведскую крепость Ниеншанц, стоявшую недалеко от устья Невы.

Царю не терпелось увидеть море, Балтийское море, ради которого велась эта тяжкая война. 28 апреля он велел посадить в лодки семь гвардейских рот.

Флотилия из шестидесяти больших лодок поплыла вниз по Неве. Шведы из крепости открыли огонь — пришлось прижаться к противоположному берегу. При впадении Невы в море Петр велел лодкам причаливать.

Он выпрыгнул из лодки и по колено в холодной воде, по которой еще плыли мелкие льдины, вышел на мокрый темный прибрежный песок. Сырой ветер шел с Балтики и качал густой кустарник, росший неподалеку. Петр стоял и нюхал этот ветер. За ним вышел на берег Меншиков и молча встал чуть позади. Балтика лежала перед ними...

Петр велел трем ротам под начальством Михаила Щепотева оставаться здесь, разбить лагерь поодаль от берега и, выставив посты, следить, чтоб неприятельские суда незаметно не проникли в Неву. Сам он, переночевав на взморье, с остальными ротами вернулся в лагерь под Ниеншанцем.

В ночь на 30 апреля на осадных батареях были установлены орудия — 19 пушек и 13 мортир.

В полдень 30 апреля Шереметев послал к коменданту крепости трубача с письмом, предлагая сдаться.

«Король доверил мне крепость, чтобы я оборонял ее», — отвечал комендант.

Тогда, выждав до семи часов вечера, русские открыли огонь. Всю ночь пушки разбивали ядрами крепостные укрепления, а мортиры метали бомбы в город. Город горел.

На рассвете с крепостного вала раздалась барабанная дробь: шведы просили остановить пальбу. Ниеншанц сдался.

Россия получила первую морскую гавань на Балтике.

Это произошло 1 мая 1703 года. А 2 мая вечером Щепотев сообщил, что к устью Невы подходит шведская эскадра.

Шведы ничего не знали о взятии Петром крепости и, подойдя к устью, дали сигнал двумя орудийными выстрелами. Шереметев

велел ответить тоже двумя выстрелами. Входить в Неву ночью шведы не решились, а утром, снова обменявшись пушечными приветствиями с крепостью, послали в Ниеншанц лодку с несколькими солдатами и матросами. Лодку подпустили к берегу, а когда шведы высадились, сидевшие в засаде гвардейцы бросились на них. Одного схватили, другие убежали в лес. Пленный рассказал, что в эскадре 9 судов и командует ими вице-адмирал Нумерс.

Три дня эскадра крейсировала по морю в районе неевского устья. А 5 мая два корабля — галиот и бригантина — подошли к Неве и, не успев войти в устье засветло, стали на якорь.

Узнав об этом из донесения Щепотева, Петр посадил на большие лодки несколько гвардейских рот и в сумерках двинулся к кораблям. Ночь была очень светлая, и приблизиться к шведам незаметно не удавалось. Петр остановил свою флотилию за Васильевским островом и стал ждать. Под утро пришли тучи, заморосил дождь, стало темно. Тогда лодки двинулись в тени густого леса, росшего на берегу Васильевского острова. Часть лодок сделала крюк и, пройдя морем, отрезала шведам путь отступления. Другая часть пошла на них с Невы.

Когда рассвело, шведские капитаны увидели, что попали в ловушку. Они немедленно подняли паруса и открыли огонь по нападающим. Но глубина в тех местах была небольшая, и выйти в открытое море можно было только после сложного лавирования, а на лавирование у шведов времени уже не осталось.

Петр сам повел один из отрядов. Второй отряд вел Меншиков.

На шведских кораблях было 18 пушек и 77 солдат и матросов, которые стреляли из ружей. Море вокруг лодок кипело от ядер и пуль. Раненые падали в воду и тонули. Было ясно, что если немедленно не взять шведов на abordаж, они потопят лодки и никто не спасется.

Петр, стоя на своей лодке в рост, командовал стрельбой и подгонял гребцов. И вот восемь лодок первой линии, среди которых была и царская, прорвались сквозь огонь вплотную к кораблям. Пушки были им уже не страшны. Но шведы в упор били ружейными залпами. Гвардейцы стали метать на палубу ручные гранаты, штыками отбрасывать шведов от борта. Бой перешел на палубы. В жестокой рукопашной схватке погибло 58 из 77 шведских матросов и солдат. Оба корабля были взяты. Шведская эскадра, спешившая к ним на выручку, опоздала.

Флотилия вернулась к Ниеншанцу, ведя с собой пленные су-

да, к великой радости Петра и всей армии. Это была первая морская победа. В этом бою Петр понял, как можно брать малыми судами большие корабли. И он еще не раз этот опыт использовал в морских сражениях.

4. ДЛЯ ПОБЕДЫ НУЖНА АРМИЯ

Сразу после нарвского поражения Петр начал перестраивать русскую армию. Ему было ясно: или он создаст армию нового типа, способную сражаться с европейскими армиями и побеждать их, или же Россию ждет катастрофа.

Солдатские полки «нового строя» существовали и до Петра. Они были лучше организованы, чем полки стрелецкие, имели постоянный офицерский состав и более высокую, чем у стрельцов, боевую выучку. Но было их недостаточно, и выучка их была все же несовершенной.

Особенно плохо обстояло дело с конницей.

Петр дал армии новую организацию. Пехотный полк делился на 9 рот: 8 рот фузелерных и 1 гренадерская. Роты эти составляли 2 батальона. В полку по 1350 человек.

Петровская пехота была вооружена фузеями — ружьями, которые были легче старых мушкетов. Для рукопашного боя в ствол вставлялся штык — багинет. Кроме того, пехотинец имел тесак.

Гренадеры, наиболее рослые и сильные солдаты, должны были перед рукопашным боем метать в противника ручные гранаты — начиненные порохом железные шары, в которые перед броском вставлялся горящий фитиль.

Драгунский кавалерийский полк состоял из 5 эскадронов. В драгунском полку полагалось 1328 солдат. Драгуны имели на вооружении фузею, палаш и пару пистолетов. Драгуны могли драться как в конном, так и в пешем строю.

В русской действующей армии в 1703 году было 2 гвардейских полка, 38 пехотных полков и 11 драгунских. С каждым годом число полков росло.

Петровская пехота предпочитала штыковой удар длительному стрелковому бою, а кавалерия атаковала противника, идя в галоп. Такие тактические приемы из европейских армий применяли только шведы.

В первые же годы после Нарвы Россия создала сильную и разнообразную артиллерию.

Но, конечно же, армии еще не хватало опыта, офицерам и ге-

нералам еще не хватало самостоятельной военной мысли. Да и оружия не всегда хватало. И укомплектованы полки были не полностью — не хватало солдат.

Русской армии предстоял еще долгий и нелегкий путь к опыту и умению. Путь поражений и побед.

Но не только армия перестраивалась заново. Реформы начались по всей стране. Менялась вся система управления государством. Вперед выходили новые люди, которых красил не знатный род, но дарования. Росли рудники и заводы, производившие железо, делавшие оружие.

Петр старался привлечь в Россию не только опытных офицеров, но и ученых. Он понимал, что войну выигрывает не только армия. Войну выигрывает вся страна.

5. КАРЛ УВЯЗ В ПОЛЬШЕ

Пока Петр брал крепости на Неве, очищая от шведов берега Финского залива, Карл XII и его генералы победоносно воевали в Польше.

Осенью 1702 года король шведский, с обычной своей лихостью скача на коне по собственному лагерю, едва не погиб. Конь запутался в веревках, растягивающих солдатские палатки, упал и придавил всадника. Карла унесли в его шатер без сознания, со сломанной ногой.

Вскоре по Европе разнеслась весть, что грозный шведский король умер. Стали пересматриваться планы, обдумываться новые союзы. Август II воспрянул духом... Но через три недели после своего падения молодой и сильный Карл уже поправился и сел на коня. Он доказал, что жив и здоров, снова разбив саксонцев при городе Пулутске и осадив другой польский город — Торунь.

Но каковы бы ни были успехи Карла, время работало против него. Он увяз в Польше, гоняясь из конца в конец этой страны за Августом и его сторонниками. Польские города закрывали ворота перед шведами, и Карлу приходилось подолгу вести осаду. Из Саксонии все время приходили подкрепления Августу, и Карлу приходилось давать все новые и новые сражения, чтобы избежать угрозы с тыла и флангов. Он неизменно побеждал, но при этом терял время, все откладывая поход на Россию.

Шведские генералы и дипломаты предупреждали своего короля, что русские укрепляются в Прибалтике и вытеснить их оттуда будет невозможно. Но Карл ничего не желал слушать. Он хотел покончить с Августом, вывести из войны Польшу, как

он вывел Данию, а уже тогда идти на Россию и одним ударом решить все затруднения. Ведь когда шведская армия займет Москву и прогонит с престола Петра, то прибалтийские провинции сами собой вернутся к шведам. Так стоит ли из-за них сейчас беспокоиться?

Но покорить Польшу окончательно он все не мог. Швеция между тем нишала.

А русская армия увеличивалась, набиралась опыта, вооружалась.

Петр готов был на любые жертвы, лишь бы Август продолжал до поры до времени удерживать Карла в Польше. Он посылал польскому королю и деньги и солдат.

Шереметев, используя численный перевес, по частям громил шведов в Лифляндии.

Время работало на Петра.

6. РОЖДЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Восемь дней после невской победы Петр плавал по реке в сопровождении Меншикова и гвардейцев — искал место для крепости. А крепость должна была стать основой нового города.

16 мая 1703 года царь выпрыгнул из лодки на песчаный берег небольшого острова в невском устье. Остров назывался Янни-Саари. Здесь решено было построить крепость.

Строить ее начали немедленно, все шесть бастионов одновременно. Над бастионом, за строительством которого наблюдал сам царь и который потому назывался Государевым, подняли штандарт — желтое царское знамя с двуглавым орлом. А ниже — под когтями орла — изображены были четыре моря: Белое, Каспийское, Азовское и Балтийское. Азовское и Балтийское моря завоевал для своего государства Петр.

Новый город строился быстро. Поставили дом для царя. Поставили дома для его приближенных. В крепости строили церковь святых Петра и Павла, а потому и назвали крепость Петропавловской.

А будущий город в честь его основателя стал именоваться Санкт-Петербургом. Город святого Петра.

Петр думал уже и о сооружении порта, и о строительстве Адмиралтейства.

Но шведы не собирались отдавать невское устье без боя. Они копили силы, чтобы внезапным ударом уничтожить все, что удалось построить Петру.

В заливе крейсировала эскадра адмирала Нуммерса. Чтобы преградить ей путь в Неву, на мысе Васильевского острова была поставлена артиллерийская батарея, простреливавшая входы в оба невских рукава. Зная это, Нуммерс не делал попыток напасть на русские укрепления.

Но на реке Сестре появился сильный конный отряд генерала Кронгиорта.

7 июля 1703 года Петр повел на Кронгиорта 4 драгунских полка и 2 пехотных. Он хотел опередить шведов. Не дать им приблизиться к Петербургу.

К восьми часам утра 8 июля полки вышли к реке. На другом берегу были позиции шведов.

Спешившись, Петр подошел к краю высокого обрывистого берега. Недалеко виднелся мост. На пригорке за мостом — на опушке редкого сосняка — стояли шведские пушки. Их можно было сосчитать — 13 орудий.

Возле моста река становилась шире и ярко золотилась. Это означало, что там мелко, близко песчаное дно.

Петр подозвал полковника Ренне. Ренне недавно перешел в русскую армию из саксонской и теперь командовал драгунским полком.

— Реку надобно переходить у моста, — сказал ему Петр. — Мост узкий, на нем всех перестреляют, пока перейдете. Кругом глубина. Остается только этот брод.

Да, маневрировать, обходить неприятеля по лесистой и болотистой незнакомой местности было слишком рискованно. Надо было или атаковать здесь, или отступить... Но и отступить было нельзя. Нельзя было подпускать шведов к самому Петербургу.

Ренне выслушал опасный приказ, не моргнув глазом, и, придерживая палаш, побежал к своим драгунам.

Солнце начинало припекать. Появились слепни. Кони переминались и крутили головами.

Ренне велел драгунам спешиться, построил их в колонну и повел к мосту.

Петр со своей крутизны видел, как засуетились шведские артиллеристы.

Ренне остановил драгун у самой воды. Петр подумал, что полковник хочет перестраивать полк для ружейного огня, и нахмурился — не время было под прицелом вражеской батареи устраивать маневры. Но драгуны только прижмули штыки и без выстрела стремительно бросились вброд. Ренне с поднятым палашом бежал впереди колонны.

Орудия окутались дымом, громыхнули выстрелы, картечь вспенила воду перед атакующим полком. Несколько драгун упало. Первые ряды замедлили движение. Но Ренне, размахивая палашом, сверкающим на ярком июльском солнце, увлек полк вперед.

И Петр увидел, что шведы уходят. Они поняли, что на переправе им русских не задержать, а принимать бой на неровном лесистом берегу они не захотели. Это было непривычно.

Переправившись за Сестру-реку вслед за драгунами Ренне, конные и пехотные полки двинулись за неприятелем по узкой дороге между холмами, поросшими лесом. Развернуть фронт было невозможно. Полки шли колоннами. Драгуны вели коней в поводу.

Версты через две холмы кончились, и русские части вышли на незасеянное поле. На дальней его стороне, заняв небольшие высоты, в боевом порядке стояла шведская кавалерия.

Драгуны сели на коней, и Ренне по приказу Петра повел их в атаку.

Поле было покрыто валунами, и стремительного удара не получилось. Шведы поскакали навстречу, вниз по склонам. Началась рубка — фронт на фронт. Рубились жестоко. Пленных не брали.

Шведские кавалеристы были опытны, прекрасно обучены, храбры.

Русских воодушевляло присутствие царя. Петр сам руководил боем.

Долго бой шел на равных. То на одном, то на другом участке линия начинала колебаться, но потом положение снова выравнивалось. Стрельбы не было, некогда было доставать пистолеты — рубились палашами.

Через некоторое время подошла русская пехота, отставшая от драгун. Петр пустил по одному полку на каждый фланг — обойти шведов и ударить в тыл. Увидев это, Кронгиорт понял, что дело проиграно. Резервов для перехвата русской пехоты у него не было. Он дал сигнал отходить.

Но выйти из кавалерийского боя почти невозможно. Как только шведская кавалерия поскакала назад, пытаясь оторваться от противника, русские драгуны бросились вслед. Бегущий неприятель беззащитен перед кавалерийским ударом. Началось избиение. Шведы стремились доскакать до леса и скрыться в нем. Но пока до него добрались, они потеряли несколько сотен человек.

Один из доверенных людей Петра сказал ему после сражения:

— Ваше величество! Вы тоже смертны. Подумайте, что пуля вражеского стрелка может повергнуть армию и всю страну в страшную опасность... Не дело государя ходить в огонь!

Петр выслушал его с добродушной улыбкой. Усталый, он сидел на валуне, сняв треуголку и расстегнув мундир.

— Я без нужды в огонь не хожу... А раз взялся служить, так надо служить!

Безопасность Петербурга после боя на Сестре-реке была на некоторое время обеспечена.

Петр немедленно отправился на Свирь, где были построены верфи и заложены первые суда для Балтики. С 1 августа готовые суда стали спускать на воду. На фрегате «Штандарт» Петр отплыл в Петербург.

Балтийский флот начал свою историю.

ВТОРАЯ НАРВА

1. МАСКАРАД

мая 1704 года первые русские полки осадной армии подошли к Нарве. Здесь уже давно стоял отряд генерала Петра Апраксина, блокируя Нарву со стороны моря.

Петр подолгу ездил в сопровождении Меншикова вдоль нарвских укреплений. Вспоминал другую осаду — четыре года назад. Всего четыре года прошло, а как все изменилось! Спасибо шведам — научили торопиться. В другое бы время и за сто лет столько бы не сделали. Разве похожа нынешняя русская армия, дважды выигравшая сражения, берущая крепость за крепостью, на ту, голодную, полуобученную, не понимающую команд, которая пришла под Нарву в 1700 году?

В стороне проскакал эскадрон драгун. Петр с радостью видел их ловкую посадку, умение держать строй... И все же он знал, что шведская армия по выучке, по опыту и находчивости еще впереди русской. И он знал, что если бы пришла сейчас весть, как четыре года назад, что Карл идет на помощь Нарве, то он, Петр, не стал бы рисковать и отвел бы армию в российские границы. У него уже сложился план войны. В план этот не входило

рискованное генеральное сражение, в котором можно выиграть войну одним ударом, но можно и потерять армию. Нет, он не имеет права рисковать. Он ведь должен будет не собой рискнуть и даже не армией, а судьбой России. Нет, пусть Карл так воюет. А он, Петр, будет громить шведов по частям, отвоевывать провинцию за провинцией и закрепляться в них. А если Карл войдет в российские пределы, он, Петр, будет маневрировать, истощать врага долгими маршами, внезапными нападениями. Он заставит шведа идти по разоренной земле, терять солдат у каждого укрепленного города. Он перережет его коммуникации и лишит его подкреплений. А уж тогда можно будет думать о генеральном сражении... А пока будем брать Нарву.

Комендантом крепости, как и в прошлый раз, был Горн. Но был он теперь уже не полковником, а генералом. Под его командой находилось теперь около четырех с половиной тысяч солдат — в два раза больше, чем в 1700 году. С крепостных стен смотрело более 400 орудий.

Ожидая подкреплений, Петр и Меншиков решили по возможности ослабить силы генерала Горна.

От пленных, взятых при шведской вылазке, русское командование узнало, что Горн ждет подкрепления от генерала Шлиппенбаха, который должен пробиться в крепость с 3000 солдат.

Петр приказал одеть два пехотных и два драгунских полка в мундиры, подобные шведским. Для этого пехотинцам вместо зеленых пришлось надеть синие мундиры, а драгунам, которые и так были в синем, обшить шляпы белой каймой и накинуть синие плащи.

Еще затемно четыре переодетых полка были выведены за лес — на дорогу, ведущую из Везенберга, в котором стоял Шлиппенбах. Два других полка, Преображенский и драгунский полк Ренне, были поставлены в засаде — в лесу возле самой Нарвы.

Утром 8 июня осажденные услышали два пушечных выстрела, долетевшие со стороны везенбергской дороги. За лесом началась стрельба, поднялся дым. Генерал Горн с крыши своего дома смотрел в подзорную трубу. Он был уверен, что два выстрела — это сигнал Шлиппенбаха, который сейчас бьет русские аванпосты. Горн велел приготовиться к вылазке.

Шведы видели, что в русском лагере началась суматоха. Затем русские построились к бою, а из леса показались синие колонны пехоты и конницы под белыми и желтыми шведскими знаменами. Впереди скакал высокий всадник, которого Горн принял за Шлиппенбаха. А это был Петр.

Войска сошлись в «ожесточенном сражении» — холостых зарядов не жалели. Били и из пушек и из ружей. Пушки, правда, иногда заряжали и ядрами, чтобы со стен видели, как ядра взрывают землю. Но стреляли поверх рядов.

«Бой» шел полтора часа, и русские полки стали подаваться назад.

Тогда из Нарвы вышли 1000 пехотинцев и 150 драгун, чтобы ударить в тыл русским. Русские войска отошли. Нарвские солдаты встретились с «подкреплением». Навстречу командовавшему вылазкой полковнику Лоде поскакал саксонский полковник фон Арнштедт и на шведском языке благодарил за помощь. Он крепко обнял Лоде и... обезоружил его. Сопровождавшие Арнштедта кавалеристы окружили шведских офицеров. Но одному из них — ротмистру Линдкранцу — удалось выхватить пистолет и выстрелить в себя. Он не хотел попасть в плен. Услышав выстрел, шведы поняли, что угодили в ловушку, и бросились назад. Но из засады на них ударил Ренне с двумя полками. Потеряв до 300 человек, шведы прорвались обратно в Нарву.

Узнав от захваченных в плен офицеров, что Шлиппенбах, стоявший под Везенбергом, ждет кавалерийские подкрепления из Риги и Ревеля, чтобы затем идти к Нарве, Петр решил не ждать, пока Шлиппенбах соберет свой корпус.

Полковник Ренне с 8000 пехоты и кавалерии двинулся к Везенбергу. Он шел стремительно. Шлиппенбах, имевший всего 1400 человек, стал отступать, но был настигнут и разбит.

Теперь осадная армия надолго была в безопасности.

Храбрый полковник Ренне получил генеральский чин.

Вскоре после этого приехал под Нарву австрийский фельдмаршал Огильви, вступивший в русскую службу. Он дал Петру несколько дельных военных советов.

Но осадой Петр продолжал руководить сам.

2. «РУССКИМ ДОРОГО ОБОЙДУТСЯ ЭТИ ПОБЕДЫ!»

Генералов и министров Карла XII все больше и больше волновали вести из Прибалтики. Один Карл делал вид, что все это его несколько не беспокоит. Когда министр граф Пипер сообщил ему о падении Нотебурга, король презрительно усмехнулся:

— Утешьтесь, дорогой Пипер! Ведь неприятель не может утащить к себе этот город. Когда мы придем туда, мы найдем его на месте и отберем обратно!

А новости из Прибалтики становились все тревожнее. При-

шло донесение, что Петр заложил на Неве новый город. Карл был обеспокоен, но не подавал виду.

— Пусть царь трудится над сооружением новых городов,— сказал он.— Нам же лучше. Мы придем и возьмем их готовыми!

Когда ему доложили о падении Дерпта, Карл впервые нахмурился:

— Русским дорого обойдутся эти победы!

Он горел нетерпением скорее закончить кампанию в Польше и идти наказывать этого варвара — русского царя, который, пользуясь его отсутствием, захватывает шведские крепости.

Конечно, Карл теперь уже понимал, что происходит на берегах Финского залива. И не по легкомыслию он оставался в Польше. Он хотел закрепить свои завоевания. А это было совсем не легко. Он опасался оставить у себя в тылу враждебного Августа, который собирал новую саксонскую армию и мог вместе с польскими отрядами отрезать его от Швеции, мог мешать подходу подкреплений и подвозу боеприпасов. Карл хотел иметь для похода на Россию крепкий тыл.

24 июня 1704 года, когда русская артиллерия громила Дерпт, а русские полки блокировали Нарву, Карл XII объявил польскому сейму, что желает видеть королем Польши вельможу Станислава Лещинского. Лещинский был не очень известен в Польше. Но именно это и привлекло Карла. Он был уверен, что новый король, которого только шведские штыки и будут держать на престоле, не посмеет ни в чем его, Карла, ослушаться.

Польский сейм, напуганный победами Карла, послушно избрал Лещинского королем.

Но многие поляки и не думали признавать нового короля. Август собирался бороться за престол. Надежного тыла Карл снова не получил.

Он посылал курьера за курьером к Шлиппенбаху — с грозными приказами собрать поскорее войска и выручить Нарву во что бы то ни стало.

Он еще не знал, что Шлиппенбах разбит и никого выручать не может.

3. ПАДЕНИЕ НАРВЫ

Под Нарвой у Петра собралось 30 пехотных полков и 16 драгунских. Составило это 45 000 штыков и сабель. В русской артиллерии насчитывалось 66 пушек, 83 мортиры и 1 гаубица.

30 июля осадная артиллерия начала бомбардировку Нарвы

страшным залпом из 46 пушек и 15 мортир. С этой минуты русские орудия били день и ночь. Днем вели огонь из пушек и мортир, а ночью только из мортир. Ведь из пушек надо бить прицельно по определенному зданию или укреплению, а из мортир навесным огнем можно обстреливать любой участок города, лишь бы бомба перелетела стену, а там она все равно наделает беды, куда б ни попала.

Генерал Горн тем не менее не думал сдаваться. Шведская артиллерия яростно отстреливалась. Все осадные работы — рытье траншей, установка орудий на батареях — велись под огнем противника. Русские полки несли немалые потери. При вылазках — частых и стремительных — шведы старались разрушить русские укрепления. Однажды они окружили и чуть не уничтожили роту Преображенского полка. Подоспевшая из русского лагеря подмога с трудом выручила гвардейцев.

Положение Нарвы, однако, становилось безнадежным. Город горел. От прямого попадания бомбы взорвался артиллерийский склад — цейхгауз. А 6 августа в десять часов утра начал рушиться бастион «Гонор». Ядра разбили его каменную облицовку, и земляной бруствер рухнул в ров.

Командовать будущим штурмом Петр поручил фельдмаршалу Огильви. Огильви предложил генералу Горну сдаться. Горн грубо отказался.

Русские орудия продолжали громить город и укрепления. Мортиры уже обрушили на Нарву 4627 бомб.

8 августа на военном совете было решено на следующий день штурмовать крепость. Фельдмаршал Огильви назначил порядок штурма.

Гренадерские штурмовые роты ночью на 9 августа были сосредоточены в апрошах, в ров возле «Гонора» проползли в темноте и приволокли штурмовые лестницы солдаты-штрафники. Еще затемно они отошли, оставив во рву замаскированные лестницы.

В два часа дня 9 августа 1704 года с русских батарей ударило пять орудийных выстрелов. Это был сигнал. Штурмовые колонны пошли вперед.

Шведы оборонялись отчаянно. Но русские части ворвались в укрепления, и начался жестокий рукопашный бой.

Генерал Чамберс во главе преображенских рот первым ворвался на бастионы «Гонор». Две другие колонны тоже прорвали линию укреплений.

Шведы отступили за вторую линию стен. Атакующие шли за ними по пятам.

И только тут Горн решил сдаваться. Но барабанные сигналы капитуляции потонули в грохоте сражения. Штурмовые колонны ворвались за вторую линию — в Старый город. Пленных не брали. Гибли и шведские солдаты и мирные жители.

Петр и Огильви с обнаженными шпагами скакали по улицам Нарвы, пытаясь остановить разъяренных солдат и прекратить истребление шведов. В конце концов им это удалось.

Но к этому времени из 4500 солдат нарвского гарнизона в живых осталось меньше 2000 человек.

Для Петра это было великое событие — Нарва, под которой была разгромлена четыре года назад его армия, была в его руках. Нарвский позор смыт. Обширные области к западу от Петербурга очищены от шведов.

Медленно и планомерно расширялись и закреплялись русские владения на Балтике.

4. «ВОЕВАТЬ СИЛЬНО НА СУШЕ И НА МОРЕ...»

Нарвская победа образумила тех, кто ждал скорой гибели русской армии. Турки, внимательно следившие за ходом русско-шведской войны, стали проявлять большее миролюбие и на некоторое время отложили свои воинственные планы.

Воспрянул духом король Август, необходимый царю союзник, уже сослуживший немалую службу, удерживая Карла четыре года вне России.

Через десять дней после падения Нарвы Петр подписал русско-польский договор. В договоре говорилось: «Против короля шведского, общего неприятеля, разоряющего вконец Речь Посполитую Польскую и упорно отвергающего все мирные предложения посторонних монархов, воевать сильно на суше и на море; до безопасного и обоим государствам полезного мира отдельных договоров с ним не заключать и ни в какие сношения, ни письменные, ни словесные, не входить».

Петру так важно было, чтобы Август и далее отвлекал Карла, что он снова пообещал ему всяческую помощь — 12 000 солдат, обученных и полностью вооруженных, и по 200 000 рублей каждый год до окончания войны на содержание польского войска в числе 48 000 штыков и сабель.

25 сентября на помощь Августу выступил из-под Нарвы князь Репнин, ведя с собой 10 195 человек.

А Петр отправился в Петербург и дальше — на Олонецкую верфь.

Прибыв на верфь, он засел за чертежи и спроектировал тридцатидвухпушечный фрегат «Олифант», что по-латыни означало «Слон». Фрегат был заложен, а царь с топором в руках занялся строительством других судов.

Но дел в государстве было много, и, как ни любил он корабельное ремесло, ему пришлось оставить верфь. Он отправил в Петербург несколько готовых кораблей и отплыл вслед за ними по Ладоге на галиоте.

Петр прекрасно понимал, что Карл не примирится ни с существованием Петербурга, ни с существованием сильной, независимой России. Петр понимал, что приход Карла в Россию — дело неизбежное. Вопрос только в сроках. И, понимая это, Петр готовился к борьбе смертельной, затяжной, борьбе во всех частях своего государства. Потому он торопился укрепить Ингрию, обеспечить защиту Петербурга. Для этого необходим был флот. Но флот необходим был и для другого. В конечной своей победе Петр не сомневался. А победив на суше, надо будет драться на море. У Швеции мощный флот. Ее не сломить, пока она сильна на море. Чтобы выиграть не просто несколько сражений, но выиграть войну, необходим флот. Сильный флот. Самый сильный на Балтике...

Обо всем этом Петр думал, плывя на галиоте по бурной Ладоге 2 октября 1704 года. Об этом он думал, обходя петербургское Адмиралтейство в сопровождении вице-адмирала Крюйса и глядя на десятки строящихся судов. Об этом он думал, пируя в доме адмирала Апраксина на берегу Невы.

Петербург строился и укреплялся. Русские полки, сокрушая шведские отряды, шли по Прибалтике, но настоящая война еще только начиналась.

ПОРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

1. ШВЕДЫ ИДУТ НА КРОНШЛОТ

В октябре 1704 года шведский король снова разгромил саксонцев. Теперь Карл считал себя полным хозяином Польши. Его беспокоили только саксонские владения Августа, откуда польский король мог все время получать подкрепления, и прибалтийские провинции, где укреплялись русские.

Он дал приказ своему флоту уничтожить Петербург.

В мае 1705 года, когда море очистилось ото льда, шведская эскадра двинулась к Петербургу. Эскадра была сильная — 7 кораблей, каждый нес от 54 до 64 пушек, 6 фрегатов, от 26 до 38 пушек, и несколько мелких судов. Всего 22 вымпела. Вел эскадру адмирал Анкерштерн.

В Петербурге ждали нападения. Вице-адмирал Крюйс распорядился еще больше укрепить острова Котлин и Кроншлот, которые прикрывали Петербург с запада. На Котлине была сооружена мощная батарея. Кроншлот был настоящей крепостью.

На Котлинской косе, вытянутой в сторону моря, были поставлены два пехотных полка — полковников Толбухина и Островского.

Между островами Крюйс расположил восемь фрегатов, а на флангах своей эскадры поставил бригантины и галеры.

Теперь шведы могли прорваться к Петербургу только с боем.

На рассвете 4 июня капитаны двух русских разведывательных судов сообщили Крюйсу, что приближаются шведы. На островах и на кораблях пробили тревогу.

Около десяти часов утра шесть шведских фрегатов приблизились к Кроншлоту. Их встретили выстрелами, и они отошли к своей эскадре.

На следующий день в пять часов утра весь шведский флот приблизился к русским фрегатам на пушечный выстрел и завязал артиллерийский бой.

Пока противники обменивались ядрами и бомбами, четыре шведских корабля подошли к Котлинской косе.

Полковник Толбухин из-за невысокого земляного бруствера, замаскированного нарубленным кустарником, смотрел в подзорную трубу. Чуть в стороне были установлены, тоже прикрытые ветками, три пушки.

— Спускают шляпки! — сказал Толбухин стоящему рядом офицеру. — Будут высаживать десант. Передай ротным командирам, чтобы действовали по условию. Всем на земле лежать. Кто ослушается, головой ответит!

Между тем шведские суда стали палить по косе. Ядра поднимали тучи песка. На низкие укрепления, за которыми лежали солдаты, с моря понесло орудийный дым. Офицеры, командовавшие десантными шляпками, в этом дыму совершенно не могли разглядеть, что делается на косе.

Скоро первая шляпка заскрипела килем по песку. Из нее выскочили шведские grenадеры и, пробежав по мелководью к

берегу, стали строиться для атаки. Подходили все новые шлюпки. Шведы пошли вперед.

Полковник Толбухин ждал этого момента. Он выстрелил из пистолета. И сразу же артиллеристы сбросили маскировочное прикрытие с пушек, а пехотинцы вскочили на ноги и вскинули ружья. Не успели шведы понять, что произошло, как грянул мощный ружейный залп, а пушки послали в лицо наступающим синим шеренгам шквал картечи. Шеренги смешались, десятки солдат рухнули, опрокинутые ружейными и картечными пулями. Остальные бросились к берегу. В спину им ударил новый залп. Пушки били не переставая.

Несколько шлюпок в панике было перевернуто. Солдаты тонули. Уцелевшие из всех сил гребли к кораблям. А вслед им свистела и выла картечь.

Больше 300 шведов погибло на Котлинской косе.

Десантные корабли отошли. А вскоре и весь шведский флот поднял якоря и вышел из зоны огня.

Первый натиск на русские позиции не удался. Адмирал Анкерштерн понял, что на легкую победу рассчитывать не приходится. Как укорял он в душе своего короля, который по легкомыслию позволил русским укрепиться на Неве, не послал флот два года назад! Попробуй теперь атаковать кораблями береговые батареи! Но приказ надо выполнять. Анкерштерн был храбрый человек и отступать не собирался.

Но вторая попытка высадить десант стоила шведам 600 убитых.

И Анкерштерн отвел флот.

А пока Крюйс отбивал нападение на море, комендант Петербурга полковник Роман Брюс отбросил артиллерийским огнем драгун шведского генерала Майделя, пытавшихся прорваться в Петербург с севера.

2. БОУР БЕРЕТ МИТАВУ

Корпус фельдмаршала Шереметева шел в Курляндию, где стояли шведские полки Левенгаупта.

Впереди корпуса двигались кавалерийские дозоры — добывали сведения о неприятеле.

Приблизившись к местам, где располагались сильные шведские отряды, Шереметев выслал для разведки боем и взятия языков 1400 драгун под командой генерала Боура. С Боуром пошли и 50 калмыцких наездников.

В ночь на 12 июля 1705 года кавалеристы Боура подошли к городу Митаве. Ночь была темная. Шли тихо. И шведские караулы не заметили их приближения.

Боур спешил часть своих драгун и подкрался с ними к передовым укреплениям. Лежа в теплой высокой траве, которую еще не покрыла утренняя роса, солдаты Боура ждали рассвета. Со всем рядом с ними перекликались шведские часовые.

Как только стало светать, Боур повел своих людей к посадке. Конные драгуны и калмыки подтянулись ближе к укреплениям.

Посад охраняла рота пехоты с двумя пушками. Но шведы и думать не думали ни о каких нападениях. Пехотинцы спали. Спали артиллеристы. Бодрствовали только караулы.

Шведский часовой, состарившийся на королевской службе, ходил вдоль пушек. Его клонило в сон. Вокруг царил полный покой. Только голоса проснувшихся птиц звучали в окрестных деревьях. Утренний туман напалзал с лугов.

И вдруг часовому послышался негромкий, но грозный шум, будто мерный топот многих ног... Неприятель? Но ведь русские так далеко! Он всмотрелся в туман и постепенно, к ужасу своему, стал различать множество приближающихся темных фигур... Еще не веря себе, часовой вскинул ружье и выстрелил. В посадке началась тревога.

Но было поздно! Из рассветного тумана молча стремительно ринулись сотни нападающих.

Рота была мгновенно опрокинута, пушки взяты. Шведы бросились к валу митавской крепости, чтобы укрыться от истребления. На их плечах драгуны Боура ворвались на вал. Здесь было около тысячи солдат, услышавших шум боя и выбежавших навстречу нападающим. Но они были не готовы к серьезному сопротивлению.

Пешие драгуны захватили вал, в город ворвались конные эскадроны и калмыки. Шведы пытались оказать сопротивление на улицах, их опрокидывали и рубили.

Комендант крепости полковник Кнорринг едва не попал в плен. С трудом, переодевшись в штатское платье, пробрался он в городской замок, где засели остатки гарнизона. Штурмовать замок Боур не стал, это не входило в его задачу.

Захватив с собой 9 шведских знамен, несколько пушек, 75 пленных, среди которых было пять офицеров, русский отряд отошел к главным силам корпуса, потеряв убитыми 10 человек.

Пленные офицеры рассказали на допросе, что Левенгаупт стоит с 8000 штыков и сабель и с 12 орудиями у местечка Жагоры и готов к бою.

3. ШЕРЕМЕТЕВ РАЗБИТ ПОД МУР-МЫЗОЙ

Левенгаупт сразу же узнал о набеге на Митаву. Он понял, что Шереметев нападет на него со дня на день, и выбрал для сражения местность у селения Мур-мыза.

15 июля в три часа дня авангард Шереметева показался в виду шведской позиции.

Позиция была превосходна. Перед расположением шведов протекал глубокий ручей, который предохранял Левенгаупта от лобовой атаки русской кавалерии. Чтобы атаковать шведов в лоб, русским драгунам пришлось бы под сильным огнем сперва форсировать ручей. Правый фланг Левенгаупта был прикрыт обширным и топким болотом, а левый — густым лесом.

Левенгаупт построил свои войска в две линии. Первая линия состояла из сомкнутых пехотных батальонов. Во второй линии батальоны стояли с интервалами. Конница стала на флангах. 12 орудий были равномерно распределены по всему фронту.

Шереметев собрал военный совет. Русские генералы решили, что атаковать такую сильную позицию опасно. Нужно попытаться выманить шведов, заставить их пойти в наступление.

Шереметев стал передвигать полки. Но случай спутал все его планы.

Горячий полковник Кропотов, который командовал теперь бригадой из трех драгунских полков, заметил, что несколько шведских эскадронов оставили позиции и двинулись вперед. Он не знал, что этим эскадронам было всего-навсего приказано следить за русскими передвижениями. Он решил, что шведы идут в наступление и что пришла пора наносить встречный удар, о котором говорилось на военном совете.

Кропотов ударил плетью коня и полетел к Шереметеву.

— Они идут вперед! — крикнул он фельдмаршалу. — Они идут, Борис Петрович! Стройте войска!

И, не дав пораженному неожиданностью Шереметеву подумать и ответить, Кропотов поскакал к своим драгунам.

Гарцуя на пляшущем скакуне, он быстро выстроил в боевой порядок три полка бригады и повел их вперед, обнажив фланг пехотных полков.

Командир другой драгунской бригады, полковник Игнатьев,

видя, что Кропотов двинул свои полки, и решив, что началась общая атака, повел свою бригаду на шведов.

Шереметев с ужасом понял, что бой, которого он хотел избежать, начался против его воли. Но делать было нечего. Остановить Кропотова и Игнатьева он уже не мог. Надо было вводить в сражение остальные силы.

Боур бросил в атаку свою бригаду — на правом крыле. Переправившись через ручей, он стремительным ударом опрокинул шведскую конницу. Но был отброшен подоспевшей пехотой.

Тем временем на левом фланге шведская конница контратаковала драгун Кропотова. Началась рубка. В самый разгар боя во фланг Кропотову ударила шведская пехота. Ружейный огонь смешал эскадроны, подходившие на помощь первой линии. Полки Кропотова поскакали назад.

Полковник метался в гуще отступающих, размахивая плетью, пытаясь повернуть драгун. Но сзади наседали шведы.

Наконец ему удалось собрать несколько десятков кавалеристов и развернуть их строем на пути бегущих. Отступление замедлилось, драгуны стали один за другим поворачивать коней, готовясь к отпору. Кропотов вырвался на коне из столпившейся у ручья массы всадников, чтобы увлечь их за собой. И оказался перед рядами наступающих шведских эскадронов. Несколько шведов бросили коней в его сторону. Сильным ударом Кропотов вышиб саблю у переднего, рванул в сторону коня, пропустил мимо себя второго шведа и, развернувшись в седле, рубанул его по плечу. В этот миг один из противников в упор разрядил в него пистолет...

Драгуны Кропотова отступали.

Шведы шли вперед по всему фронту. Но это едва не погубило их. Теперь их фланги уже не были прикрыты лесом и болотом. Боур послал свои эскадроны в обход. Левенгаупту пришлось удлинить боевую линию, вводить в бой все новые и новые части.

А в центре пехота генерала Чамберса, поддержанная драгунами Игнатьева, опрокинула шведов.

Победа была рядом. Теперь Шереметев знал, что делать: надо снова бросить в атаку полки Боура. Разорванная надвое линия Левенгаупта рассыплется. Все силы на левый фланг!

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Видя, что в центре шведы бегут, полковник Игнатьев понесся со своим полком вдогонку, забыв о боевом порядке, забыв о брошенной им пехоте. Полк, сломав строй, шел галопом. Преследуя неприятельских кавалеристов, эскадроны Игнатьева обогнули шведский

батальон второй линии и вломились в обозы. Но оставшийся у них в тылу шведский батальон сделал поворот кругом и всем фронтом дал залп. И еще, и еще! Одним из первых был убит полковник Игнатьев. За ним все старшие офицеры. Драгуны заметались между повозками. Шведские конники, повернув обратно, ударили по ним. В полном беспорядке игнатьевский полк бросился к своим позициям. Шведы шли у него на плечах. Драгуны, хлеща коней палашами, мчались к своей пехоте, чтобы укрыться за ее фронтом. Но вместо того чтобы проскакать в интервалы между батальонами, в панике и беспорядке врезались в ряды пехотинцев и смяли их.

Левенгаупт был слишком опытный и сообразительный генерал, чтобы пропустить такой момент. Все кавалерийские резервы, которые были у него под рукой, он бросил на смешавшийся русский центр. И прежде чем солдаты Чамберса успели снова построиться, на них обрушилась неприятельская конница. Русская пехота сопротивлялась яростно.

Темнота прекратила бой. Шереметев поспешно отводил свои войска. Он потерял всю артиллерию, 1308 человек убитыми в пехоте и больше 300 в коннице. Много было и раненых.

Потери победителей шведов были еще тяжелее.

Узнав о поражении под Мур-мызой, Петр понял, что русская армия еще не готова к большим полевым сражениям с главными шведскими силами. Еще жив был в ней старый дух беспорядочной лихости. С таким духом хорошо в набеги ходить, а не на поле битвы с европейской армией сражаться. Своими руками отдали близкую победу!

Армию еще надо было обучать и воспитывать.

4. АРМИЯ СТЯНУТА К ГРОДНО

Несмотря на неудачу Шереметева Петр был доволен ходом дел. В сентябре пали две шведские крепости — Митава и Бауск. Большая часть прибалтийских провинций в русских руках. Левенгаупт, обессиленный потерями под Мур-мызой, опасности не представляет. Новая саксонская армия идет на помощь Августу в Польшу. Фельдмаршал Огильви опытен и деятелен. Он устраивает русскую армию по европейскому образцу.

Огильви и в самом деле трудился не покладая рук.

Вскоре после приезда своего в Россию Огильви предложил Петру четкий план организации армии. Он считал, что надо разделить всю армию на 30 пехотных и 16 конных полков.

Пехоты всего получалось в полевой армии 45 700 штыков, кавалерии — 19 200 сабель.

Разработал Огильви и состав штабов и вспомогательных войск.

Не все шло так, как хотелось царю и фельдмаршалу. Но когда в июне 1705 года Петр приехал в Полоцк, где стояла армия, он увидел хорошо вооруженные, бодрые полки. Немецкие офицеры, прибывшие с царем, были в восторге от состояния русской армии.

Но Петр ни на минуту не забывал, что шведская армия тоже не лыком шита. Что главные силы этой армии, ведомые своим неукротимым королем, идут от победы к победе...

Как бы то ни было, надо было придвигаться ближе к основному театру военных действий. Пора было думать о том, чтобы вместе с поляками и саксонцами вытеснить Карла из Польши или принудить к миру.

Русская армия вступила в Литву.

А Карл, провоевав пять лет в Польше и так и не покорив ее, решил, что действовать надо по-другому. Пока рядом была богатая и многолюдная Саксония, верная Августу, пока оттуда могли непрерывно поступать подкрепления, изгнать Августа из Польши было невозможно. Стало быть, надо разгромить Саксонию и лишить Августа его базы.

Петр и Август узнали о плане шведского короля. Им было ясно, чем это грозит. Август терял свое наследственное владение, а Петр терял единственного союзника.

Пять лет Август отвлекал Карла от России. Теперь настал черед Петра спасти Августа. Надо было угрозой удара в тыл заставить Карла отступить от саксонской границы.

Основные силы русской армии под командованием фельдмаршала Огильви двинулись в Литву и сосредоточились в районе города Гродно. Здесь же стояли несколько полков саксонской конницы и отряды польских сторонников Августа. Сюда и прибыл в сентябре 1705 года Петр.

Гродно стоит на берегу Немана, в излучине, и прикрыт с запада и с юга водами реки. Войдя в Гродно, Огильви сразу же приступил к строительству укреплений. Город обнесли мощным земляным валом и глубоким рвом. На валу расположили большое количество орудий. Предместья за валом сожгли, чтобы наступающему неприятелю негде было укрыться.

Но Петр не собирался бездейственно стоять под гродненскими укреплениями. Он отдал почти всю конницу под командование

Меншикова и приказал ему идти по направлению к Варшаве, уничтожая шведские отряды. Одновременно царь послал приказание украинскому гетману Мазепе послать в Польшу казацкие полки, чтобы отвлечь внимание шведов от Варшавы.

Все это делалось для того, чтобы заставить Карла XII рассеять свои силы, принудить его гоняться за русской конницей и тем самым дать возможность саксонской армии Августа пересечь Польшу и соединиться с русскими силами в Гродно.

3 октября Меншиков с 10 драгунскими полками и несколькими тысячами саксонских кавалеристов двинулся к реке Бугу. Конный корпус шел стремительно и через три дня вышел на берега Буга. Тут Меншиков остановился и выслал к Варшаве отряд драгун. Командовал отрядом полковник Горбов. С ним, кроме русских, было 200 саксонцев и несколько сотен поляков — сторонников Августа. После успешного нападения на войска Лещинского Горбов вернулся к основным силам. Он привез с собой 4 взятые в бою пушки и 6 знамен.

5. «ЗНАМЕНА К НОГАМ НАШЕГО БРАТА АВГУСТА!»

Петр, узнав о бое под Варшавой, на радостях поехал в расположение меншиковского корпуса. Там он отпраздновал победу, наградил победителей. А когда ехал обратно, увидел скачущую навстречу ему группу всадников.

Петр с изумлением всмотрелся в роскошно одетого человека, ехавшего впереди. Это был польский король Август! Откуда? Ведь он же в Саксонии?!

Петр и Август соскочили с коней и обнялись. Еще ни о чем не расспрашивая союзника, царь бросился к одной из повозок, следовавших за ним, в нетерпении разрубил шпагой веревки и достал длинный сверток.

Вернувшись к удивленному Августу, Петр стал одно за другим бросать к его ногам знамена с гербами.

— Знамена к ногам нашего брата Августа!

Август узнал герб Лещинских.

Тут Петр рассказал ему, как были взяты эти знамена под самой Варшавой полковником Горбовым.

— Изрядную викторию получили наши под носом у того плута варшавского! И вот его знамена!

Август, поздравив царя с победой, рассказал ему, как он — инкогнито, с тремя сопровождающими — пробирался из Саксонии через Польшу, попал в расположение шведского корпуса

Реншильда и, не uznанный врагами, провел там целую ночь. Он, конечно, сильно рисковал, пускаясь в такое путешествие, но уж очень ему хотелось быть при союзной армии, встретиться с Петром и вместе обдумать дальнейшие действия.

23 октября монархи устроили военный совет. Они решили, что кампания 1705 года закончена. Теперь надо было так расположить на зимние квартиры свою армию, чтобы удобнее было весной начать военные действия. Посовещавшись, решили пехоту оставить в Гродно, а конные саксонские и русские полки поставить на зиму вдоль Буга и Нарева.

Передовые посты русской кавалерии стояли всего в семи верстах от Варшавы.

Пехотные полки, чтобы не было тесноты, решили вывести из самого Гродно и поставить вокруг по деревням. Но не далее восемнадцать верст.

В случае надобности пехота могла собраться в гродненских укреплениях за двое суток.

Петр и Август решили улучшить вооружение русской армии. Август уговорил Петра отдать русских рекрутов, прибывших для пополнения драгунских полков, в саксонскую конницу. Царю очень этого не хотелось. Но Август был ему нужен, и он согласился.

Петр решил разделить командование армией: пехоту подчинил Огильви, а общее начальство над кавалерией принял Меншиков. Верховное руководство Петр предложил Августу.

Огильви был оскорблен и раздосадован. Он рассчитывал быть главнокомандующим, устроить армию по своему усмотрению. Он надеялся получить славу победителя Карла XII, спасителя России... Он стал мрачен и раздражителен.

7 декабря Петр уехал в Москву. Его звали бесчисленные государственные заботы. А через несколько дней до русского командования дошли слухи, что Карл собирается покинуть свой лагерь на границах Силезии и двинуться в сторону Гродно.

В отличие от Петра и Августа, шведский король не считал кампанию 1705 года законченной.

6. АСТРАХАНЬ ВОССТАЛА

Еще 10 сентября 1705 года, находясь в завоеванной Митаве, Петр получил письмо от князя Бориса Голицына, судьи Астраханского приказа. Голицын доносил, что астраханские стрельцы

взбунтовались, убили воеводу и других командиров и знатных людей и объявили, что слугами русского царя больше быть не хотят. Весь черный народ с ними заодно.

В первую минуту царь не поверил и рассердился:

— Что за сумасброд князь Борис! Ведь чего пишет — сам не знает!

Но уже через несколько часов страшные вести подтвердились.

Астраханский бунт был плохим признаком. Людям опостытели тяготы, которые год за годом увеличивались, — рекрутчина, налоги, поборы, полное закрепощение крестьян. Война пожирала деньги, провиант, жизни людские...

Когда сильный неприятель у ворот, бунт в тылу страшен. От астраханских мятежников огонь может перекинуться в иные области — вся страна недовольна... Вот уже известно, что астраханцы собираются идти на Царицын и Азов.

Петр начал действовать, как всегда, немедленно и решительно. Шереметеву было приказано со своей личной гвардией и одним батальоном пехоты идти в Москву, вызвать туда четыре пехотных полка и двигаться на Астрахань.

Адмиралу Апраксину в Воронеж послано было повеление подготовить отпор мятежникам, если они пойдут в глубь страны.

Войска Шереметева медленно двигались на юг, готовясь к весеннему наступлению. Но 31 февраля 1706 года сжавшего к армии Петра догнали в городе Орше посланцы восставшей Астрахани. Они упали в ноги царю и заверили его, что астраханцы бунтуют не против великого государя, а против притеснителей-воевод. Они просили не гневаться и простить город.

Петр в тот момент был на все готов, лишь бы замирить бунтовщиков. Он, конечно, в душе не простил ни гибели воевод, ни отказа служить ему. Но он принял челобитчиков ласково, вручил им простительную грамоту и подарил по пятьдесят рублей. Это были тогда очень большие деньги.

Гнев кипел в царе. Ему очень хотелось без промедления отправить посланцев восставшего города на дыбу. Но сейчас, когда враг был у порога, — сейчас не время было наказывать строптивых подданных. И он отложил расправу до более благоприятных дней...

Отпустив астраханцев, Петр послал Шереметеву приказ идти со своими полками на помощь главной армии.

СТРАШНЫЙ ГОД

1. КАРЛ ИДЕТ НА ГРОДНО

огда к Петру пришли известия о скором наступлении Карла, он очень встревожился. Он надеялся задержать походом в Литву наступление Карла на Саксонию. Но вызвать своими действиями немедленное вторжение шведской армии в Россию Петр вовсе не хотел. Он был готов воевать с Карлом, объединившись с саксонцами, на территории Литвы или Польши, но не считал, что Россия готова вступить в смертельную борьбу на своей земле.

Между тем Меншиков, которому очень хорошо жилось в Литве, где он был полным хозяином, писал Петру успокоительные письма, что, мол, слухи о походе Карла ложны. Огильви этим слухам верил и требовал сбора войск. Но Меншиков, который не любил Огильви, только высмеивал фельдмаршала в письмах к Петру.

28 декабря 1705 года Меншиков послал царю письмо, уверяя, что Карл и не думает двигаться с места, а Огильви просто старый паникер.

И в этот самый день Карл XII выступил из своего лагеря на Гродно.

Король оставил в Польше против саксонцев генерала Реншильда, а с ним 5200 штыков и 3700 сабель.

С собой он повел 8000 штыков и 6800 сабель. За шведской армией следовал Станислав Лещинский с польскими отрядами.

Меншиков со своими драгунами спокойно стоял на Буге, проводя время в кутежах. Передовые отряды шведов уже стали нападать на русских драгун. Но Меншиков думал, что это случайные рейды.

Да, не напрасно Петр считал, что все он должен проверять сам.

3 января 1706 года король Август и фельдмаршал Огильви с несколькими генералами сидели за ужином. И король и фельдмаршал любили выпить и поесть, и стол потому был обильный и разнообразный. Вместо серебряной посуды, когда-то захваченной у Августа шведским королем, на столе стояли простые фаянсовые тарелки, которые возил с собой Огильви. Но и на фаянсе Август ел с удовольствием. Он отрезал кусок жареной поросятины, положил его в рот, уже поднял бокал, чтобы отхлебнуть

вина... Но раздался стук в дверь, и вошел саксонский полковник Дамниц, адъютант короля. Август нахмурился. Он не терпел, чтобы его тревожили во время трапезы. Несмотря на королевское неудовольствие Дамниц шагнул к столу.

— Важные новости, ваше величество!

Он протянул Августу пакет. Август небрежно разорвал обертку и стал читать письмо. Все смотрели на него и с изумлением увидели, что король бледнеет... Август медленно встал. То, что он прочел, лишило его аппетита.

— Господа! — сказал он. — Вчера король Карл перешел Вислу... Сейчас он в четырех переходах от зимних квартир нашей конницы...

— Не может быть! — закричал кто-то из генералов.

— Это письмо от человека, которому я верю, — сказал Август.

Огильви в ярости швырнул на стол салфетку.

— Вот что бывает, когда в армии десять командующих!

Но старый фельдмаршал быстро взял себя в руки.

— Ваше величество! — сказал он Августу. — Мы должны действовать! Надо немедленно подтянуть ближе к Гродно пехоту. Коменданту Тыкоцына полковнику де Дьюиту приказать подготовиться к обороне и обороняться до последнего человека. Пока Тыкоцын держится — Гродно может подготовиться к бою. Надо послать два эскадрона драгун занять засеку на дороге впереди Тыкоцына, чтобы неприятель не ударил на укрепление неожиданно. Надо разослать драгун на все передовые укрепления и наказать, чтобы давали шведским авангардам бой, а отступая, сжигали все мосты, и склады с продовольствием уничтожали, и местность разоряли. Если противник двинется в нескольких колоннах, драгунским полкам напасть на слабейшую, заставив остальные части идти к ней на помощь. Когда неприятель приблизится к Гродно, драгунским полкам не уходить, а остаться у него в тылу, непрерывно его тревожить и снабжение его пресекать. Вы, ваше величество, должны послать приказ саксонской армии: воспользовавшись отсутствием шведского короля с главными силами, напасть на корпус Реншильда, уничтожить его и идти к нам на подмогу. Тогда неприятель окажется под угрозой со всех сторон и, лишенный продовольствия, боевых припасов и путей отступления, погибнет. Надо действовать!

Август молча выслушал пылкую речь фельдмаршала. Он был так ошеломлен внезапным появлением Карла вблизи Гродно, так подавлен возможными последствиями этого появления, что со-

вершенно растерялся и Огильви не поддержал. А поскольку он был оставлен Петром за главнокомандующего и Огильви не мог сам распоряжаться конницей, то предложенные фельдмаршалом меры приняты не были...

Меншиков, прискакавший в Гродно, писал Петру, чтобы он не торопился в Литву, потому что Карл, мол, стоит за Варшавой и ждет, пока замерзнут реки.

А Карл, переправляясь через реки на плотках, уже подходил к Неману. Шведы шли, не встречая сопротивления. Меншиков приказал генералу Ренне отвести драгунские полки к Гродно. Мощная кавалерия Ренне, вместо того чтобы прикрывать армию и изматывать противника, бездействовала.

А Меншиков, не желая признавать, что он ошибся, все твердил Петру в письмах, что Карл вовсе не идет на Гродно, а только делает вид... Петр поверил своему любимцу, не торопился — и опоздал.

2. РУССКАЯ АРМИЯ ЗАПЕРТА

В Гродно ожидали сражения.

11 января 1706 года король Август собрал военный совет. Карл подходил к городу, и пора было решать: что же делать? За столом сидели фельдмаршал Огильви, Меншиков, князь Репнин, генерал Алларт, попавший, как мы помним, в плен под Нарвой и недавно обмененный на пленного шведского генерала.

Август, похудевший от тревоги и сомнений, положил перед собой на стол украшенную драгоценными камнями саблю — подарок Петра — и, прижимая ее ладонями, заговорил:

— У нас есть три возможности. Первая — идти навстречу шведскому королю и атаковать его прежде, чем к нему подойдет корпус Реншильда. Вторая — оставаться в ретраншементе и крепко защищаться, пока неприятель не обессилеет. Третья — отступить. Но если отступить, то куда? Я хочу слышать ваши суждения, господа генералы.

— Надо отступить, — сказал Меншиков. — И отступить к Полоцку. Там нас подкрепят полки из Ингрии и Пскова...

— Отступить! — сказал Репнин.

— Отступить, — сказал Алларт. — У нас мало кавалерии. Нам трудно будет биться с королем шведским в открытом поле. А в случае осады нам может не хватить провианта.

Огильви зло смотрел на генералов.

— «Отступить!»! «Отступить!»! А как мы покинем саксонскую

армию, идущую к нам на выручку? «Отступить»! А если король шведский догонит нас на марше? Да у нас всего шесть полков кавалерии! Но если бы князь Меншиков не отправил остальные полки в Минск, у нас бы их было больше. А с шестью полками нам в поле сражение принимать — смерть! Мы не можем идти вперед и не можем отступить. Здравый смысл и военный опыт говорят, что мы должны защищаться в Гродно. Король Карл не посмеет нас здесь атаковать. А вскоре придет армия Шуленбурга, и мы ударим по неприятелю с двух сторон!

— А если Реншильд перехватит Шуленбурга? — спросил Алларт.

— Шуленбург раздавит Реншильда! — воскликнул Огильви.— У него вдвое больше войск!

После долгого спора генералы так и не пришли к согласию. Братъ на себя решение Август не хотел. Он предложил отправить все выказанные мнения Петру. И поступить так, как решит царь. Гонец ускакал на восток.

3. КАРЛ ВЕДЕТ ГРЕНАДЕР

А через день — к вечеру — показались шведы. Они шли тремя боевыми колоннами, с артиллерией, без обоза. Если бы русские войска двинулись навстречу, Карл был готов немедленно начать бой.

Всю наступившую ночь шведы не спали. Король держал полки под ружьем на случай выступления русских. Рано утром следующего дня Карл повел своих солдат к Неману, несколькими верстами ниже Гродно, чтобы перейти реку по льду. Ренне поскакал с пятью полками к месту переправы. Берега Немана в этом месте оказались круты, и атаковать их было нелегко. Ренне спешил драгун и велел им занять боевые позиции.

Карл остановил свою армию недалеко от реки, а сам поднялся на пригорок и смотрел на действия Ренне.

— Они хотят помешать нам переправиться,— сказал он командиру своей гвардии.— Ну, что ж, посмотрим, на что они теперь способны. Построй мне 600 гренадер. Я пойду с ними через реку и постараюсь выманить русских на лед. Тут мы с ними и разделаемся. Будьте начеку. А если они на лед не выйдут, я собью их с позиции.

— Но, ваше величество...

— Ты хочешь сказать, что это опасно? Для тебя — быть может. Для меня — нет.

Колонна рослых солдат в синих мундирах, с примкнутыми штыками без выстрелов беглым шагом пошла к правому берегу, занятому русскими драгунами. Карл, надвинув шляпу, чтоб ее не унесло зимним ветром, со шпагой в руке шел впереди колонны.

Озадаченный Ренне смотрел на эту удивительную картину. Он не узнал Карла, но понял, что здесь что-то не просто.

— Они хотят втянуть нас в бой и обойти...

Он приказал драгунам садиться на коней и отступил к Гродно.

В тот же день шведская армия перешла Неман и остановилась в трех верстах от крепости.

Осада Гродно началась. Русская армия была заперта.

Август и Меншиков успели покинуть город. Петр был отрезан от армии.

А 2 февраля 1706 года девятитысячная армия Реншильда разгромила вдвое большую саксонскую армию Шуленбурга под Фрауштадтом.

4. АРМИЯ УХОДИТ ИЗ-ПОД УДАРА

Волновались донские казаки, волновались каракалпаки и башкиры. Волновались российские крестьяне, измученные налогами, рекрутчиной и работами на укреплениях городов и дорог. Волновалась Астрахань.

Иногда Петру казалось, что возвращаются страшные дни 1700 года — времена после нарвского разгрома, когда Карл мог в любую минуту двинуться на оставшуюся без армии Россию... Но печальные эти мысли Петр почти никому не высказывал. Он был деятелен и суров. Проверял работы на сооружении пограничных укреплений, торопил сбор резервных войск. По приказам Петра стягивались ближе к Гродно отдельные кавалерийские и пехотные части из Прибалтики. В Орше, Смоленске, Полоцке и Минске быстро формировались новые полки. Подходили вызванные с Украины казаки гетмана Мазепы. Создавалась новая армия — армия второй линии. Отряды конницы были посланы в тыл Карлу XII. Генерал Боур со своими драгунами совершал нападения на польских сторонников Карла. Война шла повсюду.

На Огильви Петр уже не полагался. После того как Огильви не получил главного командования над армией, старый фельд-маршал обиделся. Его раздражало, что Петр диктует ему все

действия. Петра, не привыкшего к строптивости, возражения Огильви сердили. Русские генералы — Меншиков, Репнин, Ренне, — считавшие, что Огильви дана власть не по заслугам, старались убедить царя не доверять ему. Видя, что отношение Петра к Огильви изменилось, они перестали считаться с приказами фельдмаршала.

Огильви совсем замкнулся, стал злым и нетерпимым. Петру он писал, что отступить сейчас невозможно: Карл стоит слишком близко от города и сможет напасть на отступающую армию. Надо ждать, пока шведы отойдут подальше.

А шведы и в самом деле постепенно отодвигались от Гродно. Им не хватало провианта и фуража для коней. Опустошив пригородные местности, они вынуждены были переносить свой лагерь в новые районы.

Армия второй линии вскоре должна была достигнуть 50 000 штыков и сабель. Но полки эти были малообученные, плохо снаряженные. И в случае гибели гродненской армии противостоять шведскому вторжению не могли...

Необходимо было спасти старые закаленные части.

И Петр разработал план ухода из Гродно.

Он приказал Огильви и Репнину, пользуясь отдалением шведов, построить крепкий мост через Неман еще до ледохода. Как только начнется ледоход, русской армии, заранее подготовленной, следовало немедленно перейти по этому мосту реку и сжечь мост. И шведы окажутся отделенными от русской армии весенней непроходимой рекой, а ледоход не даст им возможности быстро навести переправу.

Таким образом, русская армия сможет далеко оторваться от преследователей и уйти в свои пределы.

Петр все продумал и в письмах подробно расписал все детали отступления и подготовки к нему. Тяжелые орудия он приказал взорвать и утопить в Немане. Но не раньше, чем основные силы армии выйдут из города. А то в случае внезапного штурма город окажется беззащитным.

«Выступление должно быть с вечера, не поздно, чтобы ночью осталось больше времени для перехода до крепких мест, и zelo стараться, чтобы открытые поля перейти ночью.

По выступлении конницу оставить позади, чтоб была в траншементе и у моста до самого утра, или долее, смотря по делу, чтобы неприятель не мог помешать выходу. Участь пленников предоставляется мнению военного совета.

Все чинить по сему предложению, а паче по своему рассмот-

рению и ничего не жалеть, ни артиллерии, ни имущества; только бы людей спасти по возможности...

Больных, как можно, старайтесь вывезти, хотя и на быках...»

Петр определил и точный маршрут отступления. Велел заблаговременно строить нужные мосты на дорогах. Назначил 12 000 пехоты и несколько тысяч казаков, которые должны были идти навстречу армии и прикрыть ее отступление.

Огильви упрямялся, предлагал оставаться в Гродно до лета, ждать, пока Август соберет новые отряды. Фельдмаршалу очень не хотелось отступать. Ему хотелось сразиться с Карлом и заслужить великую славу. Он готов был рискнуть. Ведь он ставил на карту самое большое свою жизнь. А Петр не мог рисковать, ибо для него речь шла не просто о проигранном или выигранном сражении. Для него речь шла о судьбе России. И он должен был действовать только наверняка.

Он написал Огильви: «Если же по сему не учините и до травы стоять станете, то сие дело уже не за доброго слугу, но за неприятеля почтено будет».

Послав Огильви подробные приказания, отправив к Августу капитана Преображенского полка князя Долгорукова, чтобы ободрить короля и просить вернуть в Россию уведенные из Гродно драгунские полки, Петр выехал из Минска в Петербург— проверить, как строится город, как строится флот.

5. ШВЕДЫ ОПОЗДАЛИ

21 марта Неман вскрылся — начался ледоход. Немедленно больные и раненые были отправлены из Гродно. Их отправляли заранее, чтобы до выступления армии лазаретные телеги ушли подальше.

21 марта первые русские полки покинули укрепления, перешли по мосту Неман и двинулись на юг, к Брест-Литовску.

Шведская армия к этому времени из-за бескормицы вынуждена была отодвинуться от Гродно уже на 50 верст. Стояла она недалеко от реки. И Карл тоже заранее приказал построить мост, чтобы в случае нужды перейти по нему за русскими.

Узнав от своих разведчиков, что русские уходят, Карл бросился с конницей к Неману и увидел, что построенный его саперами мост смят льдами. Срочно стали строить новый. Но пока его во время ледохода строили, прошла неделя. Русская армия ушла далеко.

Карл, однако, не терял надежды перехватить русских. Его войска шли форсированным маршем, почти не отдыхая. Оттепель в тот год наступила рано. Оттаяли болота, дороги развезло. Шведская конница вязла в грязи. Артиллерия еле ползла. Но Карл гнал свою армию вперед и вперед.

Наконец после месяца напрасной погони шведы вступили в Пинск. Они безнадежно отстали от русской армии, потому что Огильви прошел по болотам и лесным топям еще по мерзлоте, а шведы попали в самую распутицу.

В Пинске Карл первым делом поднялся на колокольню католического монастыря и осмотрел окрестности.

Он стоял на верхней площадке колокольни. Колокола тускло поблескивали на солнце над самой его головой. Он снял шляпу, и теплый ветер шевелил его отросшие за время похода волосы. Он не мог оторвать глаз от моря сверкающей весенней воды, окружавшей город. Все ручьи и малые реки разлились, соединились с озерами, затопили окрестные болота. Пинск казался островом среди этого безбрежного половодья. Из воды торчали отдельные деревья, кусты. И только на горизонте зеленела полоса хвойного леса.

Вести армию дальше было невозможно.

Карл повернулся к адъютанту и неожиданно улыбнулся. Он заметил изумленный взгляд адъютанта.

— Ты удивлен, что я улыбаюсь? — спросил он. — Но разве не смешно, что какие-то грязные лужи помешали мне достигнуть цели? Ну, ничего. Царю Петру не долго уже осталось досаждать мне!

Вскоре шведская армия повернула обратно в Польшу.

Немало орудий осталось навсегда в белорусских болотах. Немало шведских солдат умерло по дороге от болезней, а то и просто утонуло при переправах через разлившиеся реки.

Армия Карла уходила в Польшу ослабленной.

А фельдмаршал Огильви вскоре вышел в отставку и уехал из России.

6. ВЗЯТИЕ АСТРАХАНИ

В то время как в Гродно решалась судьба армии, Астрахань снова восстала.

Шереметев, ждавший весны, чтобы двинуться с полками к главной армии, получил в начале марта известия из Астрахани, что там готовится новый бунт. Он решил немедленно идти на

город, а если распутица задержит обозы, идти налегке, захватив провианту на несколько дней.

Полки Шереметева выступили 5 марта, а 8 марта встретил их астраханский архимандрит Антоний и сообщил, что бунт уже начался.

Шереметев послал вперед себя в город посадского человека Данилу Бородулина с письмом для астраханских старшин. Фельдмаршал убеждал их покориться и выйти мирно встречать его.

Когда Бородулин явился в город и вручил письмо, старшины собрали круг — общую сходку всех стрельцов, казаков и горожан — и стали обсуждать предложение Шереметева.

Атаман Яков Носов сказал:

— Мы здесь стали за правду, свободу и христианскую веру. Коли надо, мы все за это умрем! А нынешний царь всю страну измучил, веру христианскую порушил, всех в немецкое безбожное платье рядит. Он и теперь уже душой умер!

Другие старшины поддержали его.

— Не хотим такого царя! Идти надо до Москвы, до родни царской, до Немецкой слободы и весь корень в ней вывести!

Все беды от еретика Алексашки Меншикова! Не покоряться! Полки в Астрахань не пускать! Биться с ними!

Отпуская Бородулина обратно, Носов сказал ему:

— Что ты нас уговаривать приехал? Вы бы сами там образумились, да управились с князьями и боярами, а в городах с воеводами! А дороги просохнут, и мы к вам в помощь будем.

Выслушав Бородулина, фельдмаршал ускорил движение полков и 12 марта был под Астраханью. От беглецов из города он узнал, что старшины собрали в город всю окрестную вольницу, вооружили всех, кто хотел сражаться с царскими войсками, поставили на валах пушки и поклялись драться до последнего.

Когда авангард Шереметева подступил к укреплениям, восставшие пошли на вылазку. Они вывезли несколько орудий и открыли огонь. Но подоспевшие драгуны и пехотные батальоны опрокинули их и отбили пушки. Астраханцы отступили в город. На их плечах передовые части осаждающих ворвались на улицы. Астраханцы ушли в центральную часть города, окруженную стеной.

Подтянув артиллерию, Шереметев стал громить город. От взрывов тяжелых бомб рушились дома. Начались огромные пожары.

Мятежники сдались.

Несколько сотен восставших были закованы в цепи и отвезены в Москву. Там их допрашивали, пытали. А осенью кого казнили, кого отправили на каторгу. Уж тут Петр не знал пощады.

Шереметев царь щедро наградил.

7. КАРА В САКСОНИИ

Повернув из Пинска на запад, Карл прошел Польшу, останавливаясь время от времени для отдыха и грома имения сторонников Августа. После такой остротки мало кто из польских вельмож осмеливался сказать слово в пользу изгнанного короля, а тем более поддержать его оружием. Станислав Лещинский уцепился в стране.

Покончив с Польшей, Карл решил, что настало время добить упрямого Августа. Шведская армия двинулась на Саксонию — наследственные владения Августа, откуда он получал подкрепления и деньги.

После разгрома при Фрауштадте саксонцы и думать боялись о битвах с «северным Александром Македонским». Одно его имя наводило ужас. Когда шведы вошли в Саксонию, то оставшиеся еще войска тут же отступили в соседнее немецкое княжество Франконию. Семейство Августа бежало из страны.

Карл, не встречая сопротивления, занял столицу Саксонии Дрезден, а затем направился к Лейпцигу и стал лагерем недалеко от него, под городом Альтранштадтом.

Когда Август узнал, что Карл в Саксонии, он понял, что может лишиться не только польской, но и саксонской короны. Понял он и то, что Карл за счет Саксонии вознаградит себя за все военные издержки...

Саксонский владетель пришел в ужас. Он видел, как растет мощь России, верил, что в конце концов Петр победит. Но пока еще придет эта победа! А шведы уже сегодня грабят его Саксонию!

И он тайне послал двух своих доверенных людей — Имсгофа и Пфингстена — предложить шведскому королю мир.

Посланцы Августа весь сентябрь вели переговоры с министрами Карла в шведском лагере. 13 октября они от имени своего короля подписали мирный договор со Швецией. Август по этому договору обязался отказаться от польской короны, признать законным польским королем Станислава Лещинского, разорвать

отношения с Россией и прекратить военные действия против Швеции.

Август согласился на все. Но поскольку он находился со своими полками неподалеку от русской армии, то договор просил держать в тайне, пока он не сумеет уехать в Саксонию.

Петр ничего об этом не знал и на Августа рассчитывал.

Карл был очень доволен. Он достиг своего — вывел из войны последнего союзника России, захватил богатую Саксонию, которая кормила теперь его уставшую армию, подтвердил свою славу непобедимого полководца, для которого нет ничего невозможного.

Когда Карл утвердился в Саксонии, Европа замерла от ужаса. Куда теперь пойдет шведский король? Пруссия, Австрия, Дания, германские княжества послали в шведский лагерь под Альтранштадтом послов — уверять Карла в дружбе. Англия и Голландия предложили ему услуги в качестве посредников — для заключения выгодного мира с Россией.

Карл держался холодно и высокомерно. Он понимал свою силу.

Но, глядя непроницаемым взглядом в заискивающие глаза послов, он знал, что они напрасно беспокоятся. Он знал, что ни одна из этих стран его не интересует.

Он знал, что пойдет он только на Россию.

Он оставил Россию без союзников. Он обеспечил себе прочный тыл. Он соберет в Саксонии столько денег, сколько нужно для похода на Москву.

На этот раз царь Петр не уйдет от него.

Карл ненавидел Петра не как государя враждебной страны. Он ненавидел его просто как человека. Он чувствовал, что, пока не прогонит Петра с российского престола, не унизит его, не сошлет на край света, сердце его не будет знать покоя.

Он думал только о походе на Москву.

8. НОЧНОЙ АБОРДАЖ

В сентябре 1706 года Петр сделал первую попытку взять крепость Выборг. Из Выборга шведы посылали отряды для нападений на русские войска, стоявшие вокруг Петербурга. Пока Выборг в шведских руках — новая столица под угрозой...

Осада с самого начала шла неудачно. Сильный шведский флот господствовал у берегов, снабжал город всем необходимым.

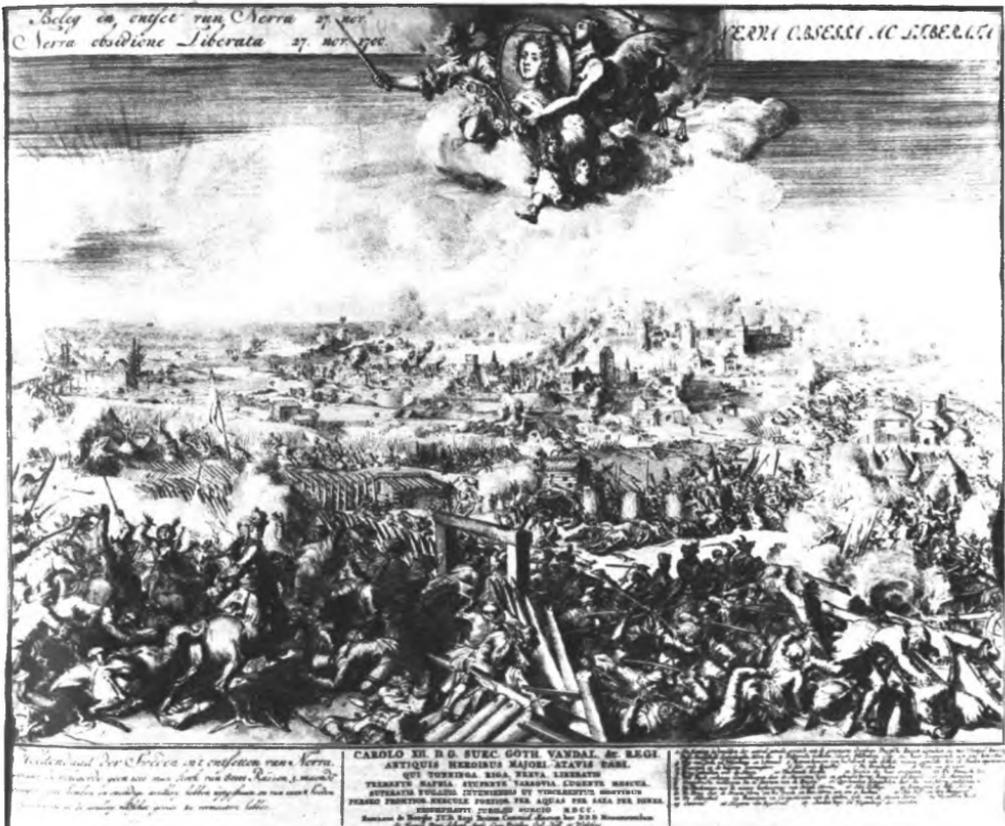

Всю жизнь Петр I добывал для России выходы к морям.

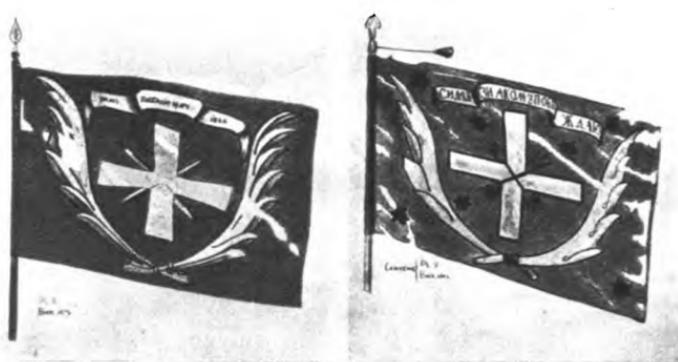
Чтобы стать великим полководцем, храброму Карлу XII не хватало дальновидности.

Война началась для России с тяжелого поражения под Нарвой.

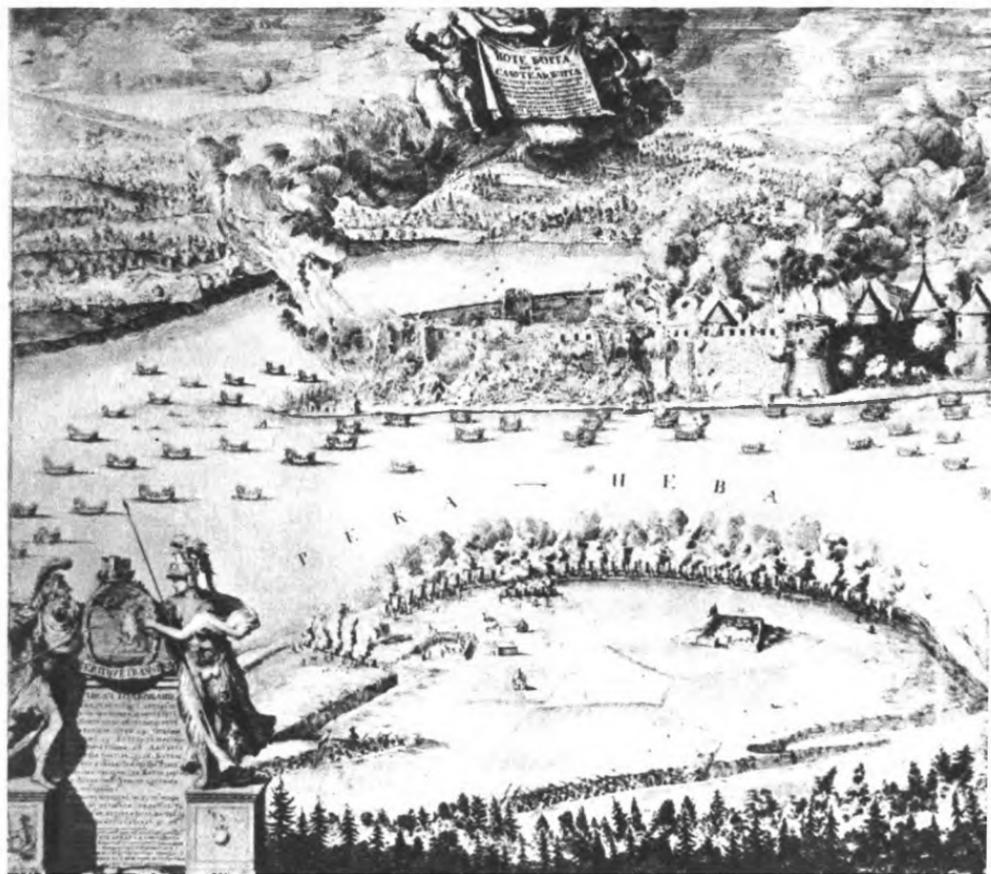

Первые победы над шведами русские солдаты
добыли под командованием фельдмаршала
Шереметева.

Под этими штандартами ходили в атаки молодые драгунские полки Петра.

Вошедшие в устье Невы шведские корабли
были застигнуты врасплох.

Петербург рос под защитой пушек Петропавловской крепости.

*Delineation der Stadt und Vestung Narva, sammt
A 1704 den 7 April. bloquirt den 29 May formel belagert
lich nach dem unterschiedliche Brechen gemacht worden die Stadt*

*des Schloßes Ivanogorod, welche der Groß Fürst von Moskau Peter Alexowitsch
nachgehends bombardirt durch denen Approchen bis in Stadt-Graben avanciret das ent-
schloß selbigen Jahres mit stürmender hand eingenommen worden, das Schloß aber hat sich
dies vermittelst Accord erwehen.
A Das Feindliche Lager B Die Approchen C Die Mörser D Die Mörser E Die Attaque auf denen Brechen und der abgefallenen Face.*

В 1704 году Петр снова осадил Нарву.

*J. D. Bruce,
Moscovitischer General Feldzeug-
Meister, Ritter der Orden von S. Andre
und Weissen Adler.*

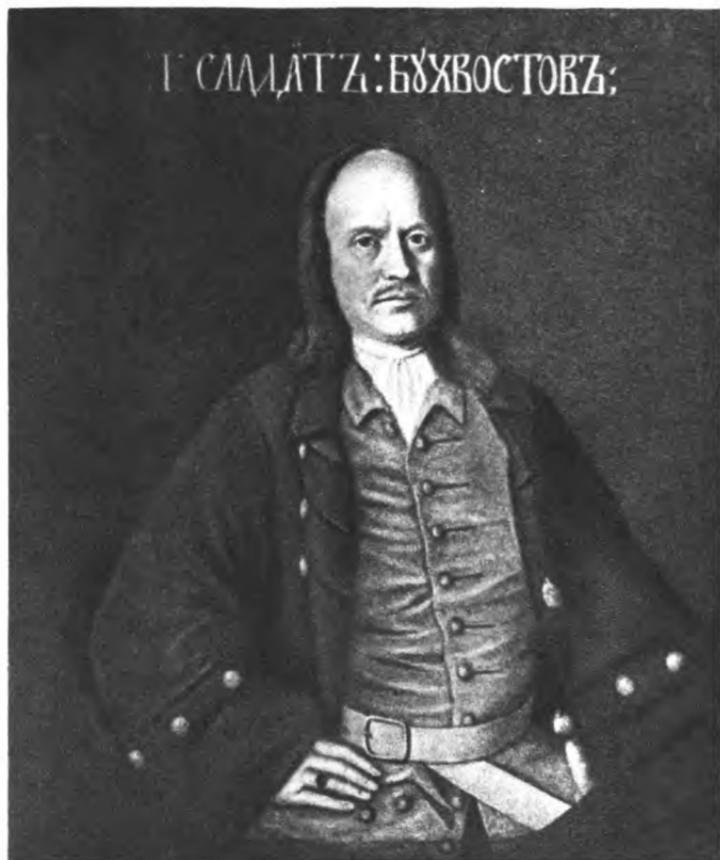
Немного было у Петра столь верных и образованных сподвижников, как генерал Яков Брюс — артиллерист, математик, астроном.

Фельдмаршал Огильви
хотел быть полезным
России, но слишком
много думал о собст-
венной славе.

Россия стала второй
родиной для саксон-
ского полковника Ренне.

Первый петровский гвардеец Бухвостов.

Короткий ночной отдых — и снова в бой.

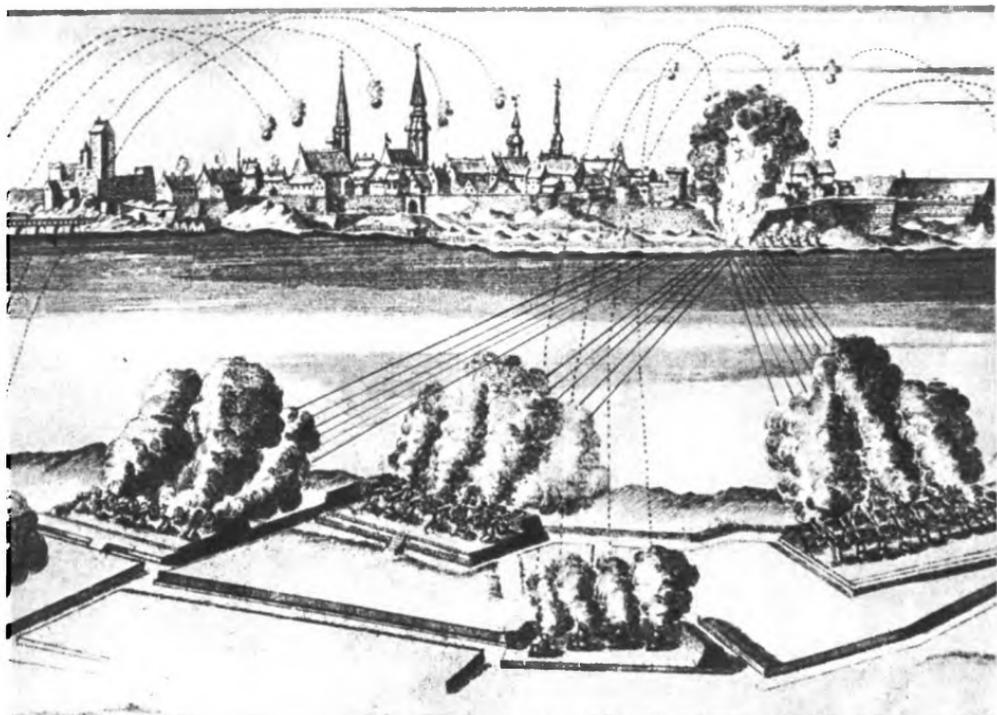

Больше всех своих сподвижников Петр любил
умного и храброго Меншикова.

Меншиков в битве под Калишем.

Мощная русская артиллерия забрасывала ядрами и бомбами неприятельские крепости.

А главное, он препятствовал русским судам подвозить осадному корпусу провиант. Сухопутный путь был длинным и трудным.

В Выборгской губе постоянно находились шведские купеческие корабли. И вечером 12 октября Петр послал гвардии сержанта Михайлу Щепотева с пятью лодками — захватить, если удастся, какой-нибудь из этих кораблей. В лодки село 48 солдат.

Флотилия отплыла уже поздно вечером. Ночь была темная, сырая. С моря наплывал туман. Редкие звезды видны были в разрывах туч. И чуть блестели волны.

Лодки держались близко друг от друга. Солдаты гребли медленно и осторожно — почти без плеска.

Щепотев стоял на носу передовой лодки и пытался разглядеть, что впереди. Плыли долго. И вот наконец сержант увидел, что из плотного сырого тумана перед ними встает высокий борт корабля. Он сделал знак гребцам — весла замерли в воздухе. Лодка шла вперед по инерции. Корабль был уже совсем рядом, когда Щепотев понял, что перед ними не купеческое судно... Он увидел пушки, увидел размеры и оснастку корабля. Корабль был военный...

Нападать на вооруженное судно, команда которого наверняка гораздо многочисленнее всего абордажного отряда, куда как рискованно. Щепотев мгновение колебался. Но как он вернется и скажет государю, что заблудился, наткнулся не на тот корабль, струсил, ушел с пустыми руками?.. Он вытащил шпагу и, обернувшись, взмахнул ею, подавая сигнал другим лодкам. Солдаты ударили веслами, лодки рванулись вперед.

И только тут шведы заметили нападающих. Загремел корабельный колокол. С топотом бросились по своим местам матросы.

Но лодочные борта уже скрипели о корабельную обшивку. Щепотев первый прыгнул на палубу. За ним, отбрасывая шведов багинетами, лезли солдаты.

Щепотев схватился со шведским офицером. Тот, отступая перед мощными взмахами шпаги, запутался ногой в канате, упал, и Щепотев заколол его.

Две лодки из пяти обогнули корабль, и с другого борта тоже послышалось «ура!». Солдатам Щепотева удалось оттеснить шведов на корму. Там шла яростная схватка. Шведские шпаги и кортики отступали перед русскими штыками и прикладами.

Бой был жестоким, но коротким. Оставшихся в живых шведов загнали в трюм.

И вдруг с левого борта грохнуло и по палубе пронзительно свистнула картечь. Несколько солдат упало.

В горячке боя русские не заметили, как подошло второе шведское судно. Шведы поняли, что произошло, и ударили из бортовых орудий.

— К пушкам! — крикнул Щепотев.

По разодранному мундиру текла кровь. Он был ранен.

Он первый подскочил к орудию и стал заряжать, благо заряды были приготовлены шведами возле пушек.

Но прежде чем русские успели ответить, со шведского корабля грохнул еще один залп. Щепотев рухнул на палубу. Несколько картечных пуль пробили его насквозь.

К орудию, которое заряжал сержант, бросился унтер-офицер Сенявин.

— Пали, ребята! Пали! Отобьемся!

Восемнадцать солдат, оставшиеся в живых, залегли у борта и открыли ружейный огонь. В ответ шведам ударили пушки захваченного судна.

— Руби канат! — скомандовал Сенявин.

Отстреливаясь из пушек и ружей, стали уходить. Шведы преследовали недолго. Корабль их был уже поврежден, и страх внезапного абордажа удержал их возле крепости.

Захваченное судно Сенявин привел к русскому лагерю.

Когда подсчитали убитых и пленных шведов, то оказалось, что на судне было 108 человек. В живых осталось 23...

Из 18 уцелевших русских были ранены 14...

Михайлу Щепотева похоронили на балтийском берегу.

А осаду Выборга пришлось вскоре снять.

9. МЕНШИКОВ ГОНИТ МАРДЕФЕЛЬДА

16 октября 1706 года на равнине под польским городом Калишем стояли лицом к лицу две армии — русско-саксонская и шведско-польская.

Силы их были равны — приблизительно по 30 000 штыков и сабель.

Шведами и поляками командовал генерал Мардефельд, которому Карл поручил охранять интересы короля Станислава.

Русскими и саксонцами — Меншиков и Август. Их армия состояла целиком из кавалерийских полков.

Когда за несколько дней до сражения Меншиков объявил Августу, что он намерен атаковать Мардефельда, король при-

шел в ужас. «Боже мой! — подумал он. — Ведь если мои саксонцы тоже будут сражаться, то Карл решит, что я нарушаю наш договор. Ведь он же в ярости может разгромить всю Саксонию!.. Но ведь и отказаться я не могу — у этого русского выскочки втрое больше солдат, чем у меня. Чего доброго, он арестует меня за измену и отправит в свою Московию...»

В ночь на 17 октября генерал Мардефельд был разбужен адъютантом:

— Господин генерал! Посланец от саксонцев!

Злой спросонья Мардефельд велел привести посланца. Тот вручил генералу письмо от саксонского обер-маршала Пфлуга. Пфлуг от имени своего короля уверял Мардефельда, что Август и Карл находятся в дружбе и согласии, что только присутствие большого русского войска мешает Августу открыто объявить об этом. Пфлуг умолял шведского генерала не дожидаться боя, а заблаговременно отступить. Тогда Август сделает все возможное, чтобы русские шведов не преследовали. А вскоре мир между саксонцами и шведами станет всем известен.

Мардефельд, хмурясь, прочитал письмо и швырнул его на стол.

— Иди к тем, кто тебя послал, — сказал он саксонцу, — и передай им, что в советах врагов я не нуждаюсь. Мой король оставил меня здесь, чтобы сражаться. И я буду сражаться. А дипломатией пускай занимаются дипломаты!

Получив такой ответ, Август пришел в отчаяние. Но делать было нечего. Он отдал приказ своим войскам готовиться к бою.

Ранним утром 17 октября два рослых всадника выехали на пригорок, поросший высокой, уже порыжевшей травой. Кони сразу опустили головы и захрустели подсохшими стеблями...

Впереди темнел широкий ручей, разлившийся от осенних дождей. Неслась, всплескивая и завиваясь воронками, мутная, вспененная вода, впадая недалеко в широкую, но мелкую реку Просно.

За ручьем — менее чем в полверсте — строились солдаты Мардефельда.

Облака густого осеннего тумана, подгоняемые сырým ветерком, плыли вдоль ручья, мешая как следует разглядеть шведов.

Бледно-желтое солнце поднялось из-за дальнего леса, и лес в его лучах запылал багровым цветом.

Синели в просветах тумана шведские мундиры.

Меншиков сказал:

— Хитрый швед! Фронт свой ручьем прикрыл. Тут в атаку не шибко разгонисься... Мы через ручей, а он нас пальбой.

Август уныло кивал. На душе у него было тяжело. Он думал о своей несчастной Саксонии, с которой безжалостный Карл сдерет теперь три шкуры.

— Нет,— говорил Меншиков, оглядывая равнину,— мы в такой азарт входить не будем... Гляньте, ваше величество,— сказал он Августу по-немецки,— если вон там, где отмели на реке, нам полки переправить и во фланг ему выйти, то он — хочет не хочет — фронт повернет и нам подставит...

Август кивнул. Меншиков рванул повод, вздыбил коня и поскакал к своему лагерю. Август за ним.

Задуманный Меншиковым маневр удался прекрасно. Когда союзный корпус вышел Мардефельду во фланг, шведский генерал вынужден был срочно разворачивать армию. Теперь ручей оказался на его левом фланге, а фронт открыт для атаки.

С утра 18 октября 1706 года Меншиков построил свою армию для боя.

Союзники стояли в две линии. Правое крыло боевого порядка составили драгунские полки Меншикова, левое — саксонская кавалерия. Меншиков — в отступление от правил — расположил два полка между линиями и один за второй линией, в резерве. Это придавало русским боевым порядкам особую прочность.

Все дороги вокруг были перекрыты казаками, калмыками — чтобы отрезать Мардефельду пути отступления. Меншиков своим фланговым маршем прижал шведов тылом к реке. Мардефельд был в ловушке, отступать ему было некуда.

Но шведский генерал решил стоять насмерть. В центре своей позиции он поставил шведские части — 23 эскадрона кавалерии, а между ними 6 батальонов пехоты. Польские полки под командой Потоцкого и Сапеги, верные королю Станиславу, встали на флангах.

В два часа дня после пушечной пальбы первая линия союзной конницы пошла в атаку. Удар был направлен на фланги Мардефельда. Хоругви Потоцкого и Сапеги были опрокинуты. Эскадроны стали заходить во фланг шведским частям. Но шведская пехота открыла такой убийственный огонь, что атакующие — и русские и саксонцы — были отброшены. Шведская конница пошла в контратаку, гоня перед собой русские эскадроны. Ее встретили стоящие за первой линией два драгунских полка и остановили, а полки второй линии охватили фланги шведской

конницы. Резервов, чтобы поддержать свою гибнущую конницу, у Мардефельда не было. Потоцкий и Сапега укрепились за обозными повозками, и вывести их оттуда не было возможности.

Шведская конница была изрублена. Пехота осталась одна.

Мардефельд построил свои батальоны в каре — боевой четырехугольник, оцетинившийся штыками. Раз за разом эскадроны Меншикова и Августа шли в атаку на каре. И раз за разом откатывались с потерями.

Тогда Меншиков спешил несколько эскадронов драгун, приказал примкнуть штыки и идти в штыковую атаку. Один из фасов каре был прорван, и в прорыв хлынула конница. Каре рассыпалось. Началось истребление пехоты.

Вокруг поля боя рыскали казацкие и калмыцкие сотни, вылавливая беглецов. Мало кому из шведов удалось спастись.

10. ПУСТЬ КАЖДЫЙ ИСПОЛНИТ СВОЙ ДОЛГ!

Впервые за войну русские одержали верх в таком крупном сражении.

Петр ликовал.

Зато Карл пришел в ярость.

— Ваш король решил обмануть меня! — кричал он посланцу Августа. — Он думает поправить свои дела шпагой? Отлично! Мирный трактат уничтожается! Снова война!

Присланное Августом письмо немного успокоило Карла. Но чтобы впредь не было таких неожиданностей, он велел обнародовать мирный трактат — пусть русские знают, что у них нет союзника! Кроме того, Карл наложил на Саксонию огромную контрибуцию и потребовал, чтобы Август немедленно освободил пленных, взятых под Калишем.

Перепуганный Август угрозами и уговорами получил от Меншикова, не подозревающего о его замыслах, всех пленных и отпустил их под честное слово. А сам уехал в Варшаву и там объявил, что заключает с Карлом перемирие. Никакие убеждения русского посла князя Долгорукого не помогли. Август твердил, что не может отдать свою Саксонию на полное разорение, и дал понять, что в случае перемены обстоятельств он снова вернется к союзу с царем.

Петр узнал о выходе Августа из войны только 10 декабря, на пути из Петербурга в Нарву. Его встретил курьер, посланный Меншиковым, и сообщил страшную новость.

Петр вылез из возка и быстро пошел по скользкой обледене-

лой дороге. Возок ехал за ним. За возком спешил, еле поспевая, курьер Свечин.

Петр шел долго, стараясь подавить смутение. Он ждал этого известия, но все надеялся, что Август продержится, не изменит. Не продержался, изменил.

Теперь помощи ждать не от кого. Теперь ничто не может удержать бешеного шведского воителя от похода на Россию. Ну что ж, значит, такая судьба — встретиться с ним лицом к лицу...

«Брат мой Карл считает себя Александром Македонским. Но во мне он не найдет второго Дария!» — думал Петр. Да, он не станет, как тот персидский царь, бросать под вражеские мечи наспех созванные орды. Карл встретит такую войну, к которой не привык и которой не ждет! Выбирать не приходится. Или Россия гибнет, или Карл со своими гренадерами.

Известие об измене Августа меняло все планы.

28 декабря 1706 года Петр был уже в Жолкиеве — в районе расположения главных русских сил.

Пришло роковое время.

Пусть каждый исполнит свой долг.

11. НАШЕСТВИЕ НЕМИНУЕМО

Кончался 1706 год. До нового года оставалось всего несколько часов.

В доме, который Петр занял по приезде в Жолкиев, шел военный совет. Принималось решение огромной важности — как вести войну, ежели Карл пойдет на Россию.

Печи в доме были жарко натоплены, и генералы в расстегнутых мундирах сверкали белизной сорочек. Табачный дым плавал под потолком.

Петр сидел во главе стола, вытянув длинные сильные ноги, и говорил — резко и весомо, иногда пристукивая по столу жилистым кулаком. Шереметев, Меншиков, Алларт уже высказались, и теперь царь подводил итоги:

— Я, господа генералы, подтверждаю свое прежнее мнение: искание генерального боя зело опасно, ибо в один час все дело может быть опровержено. Нам решить надо — давать неприятелю баталию в Польше или не давать? Я полагаю — не давать. Понеже, ежели какое несчастье случится, ретироваться будет трудно. Армия погибнуть может. Баталию, ежели необходимая нужда будет, давать только в своих пределах. В Польше же большими партиями — конными и пешими — неприятеля непре-

станно тревожить, особенно на переправах. В тех краях, по которым неприятель идти будет, конными партиями опустошение производить перед ним и томить неприятеля оголошением провианта и фуража. Так же и стараться бить по частям, на отделившиеся отряды нападая... Мой брат Карл будет искать генерального боя, чтобы разом все решить. А мы в подобный азарт входить не будем. Мы с генеральной баталией подождем, пока неприятель не утомится и числом не уменьшится... Нам не лихость свою показывать надобно, но викторию добыть!

Так и решили действовать.

Но решившись сражаться и победить, Петр не терял надежды заключить мир со Швецией. Он воевал не ради войны. Если бы удалось помириться на приемлемых условиях, он подписал бы мир.

Петр предложил английскому герцогу Мальборо быть посредником в переговорах. Но хитрый Мальборо писал царю любезные письма, а сам подталкивал Карла на Россию.

Петровские дипломаты вели переговоры с датским королем — уговаривали его снова вступить в войну, напоминали о многих русских победах. Но датский король слишком боялся Карла.

Велись переговоры с Голландией. Велись переговоры с Францией и Баварией. Все напрасно. В Европе были уверены, что русские победы сразу кончатся, как только против русской армии пойдет сам шведский король.

Нашествие Карла на Россию было неминуемо.

12. ШВЕДЫ ИДУТ

Поздно вечером 21 августа 1707 года шведский король Карл XII сидел в походном шатре под Альтранштадтом и, почти не мигая, смотрел своими светлыми глазами на карту. В глубине души он вовсе не был тем бесшабашным удалцем, которым хотел казаться. Делая вид, что полагается только на военное счастье, он на самом деле умел обдумывать свои планы, взвешивать возможности противников, тщательно рассчитывать действия.

И сейчас, накануне выступления в поход на Россию, он смотрел на карту, вспоминал бесконечные труднопроходимые дороги, по которым он уже шел со своими солдатами полтора года назад, теряя коней и артиллерию, вспоминал белорусские болота и море весенней воды, остановившее его армию в Пинске...

Он вспоминал взятые русскими крепости в Прибалтике,

уничтоженные корпуса Шлиппенбаха и Мардефельда, вспоминал спокойную отвагу, с которой защищалась русская гвардия под Нарвой в 1700 году.

Теперь — в 1707 году — ему, Карлу, было уже не девятнадцать лет. Из юного храбреца он превратился в опытного полководца, хотя и любил по-прежнему поражать друзей и врагов бесшабашными выходками. Но что же делать, если любит он риск и опасность больше всего на свете? Что же делать, если он в сражении предпочитает не доверять донесениям, а сам оценить обстановку в гуще боя?

Карл сидел над картой, еще раз измерял расстояния, подсчитывал еще раз количество войск. Стоящий в Финляндии корпус Любекера пока вне игры. В Польше придется оставить 8000 или чуть больше, чтобы поддержать короля Станислава. Левенгаупт со своими 12 000 до поры до времени будет в Курляндии. Стало быть, для вступления в Россию остается 32 000 солдат. Левенгаупт, усилившись подкреплениями из Швеции, присоединится позднее. Поляков короля Станислава можно будет пустить южнее. И есть еще один козырь, о котором царь не подозревает, — украинский гетман Мазепа со своими 50 000 всадников... Сил вполне достаточно.

Карл, сдвинув белесые брови, смотрел на карту... Царь Петр, очевидно, надеется, что шведский король будет штурмовать все укрепления, которые возведены на дорогах, будет стараться выбить русскую армию с неприступных позиций, которые она заблаговременно займет? Царь надеется, что при этом полки шведов будут таять от потерь и в глубину России дойдут остатки армии? Плохо же он знает Карла. Король, как истинный полководец, сделает то, чего враг не ожидает. Глубоким фланговым обходом он поставит русских под угрозу окружения и заставит их самих покинуть Польшу! Искусными маневрами он будет вытеснять их с укрепленных рубежей! Он не потеряет при этом ни одного полка и без сражений отбросит русских к Москве. А там — генеральный бой...

В том, что его «викинги» разгромят армию царя в решающей встрече, Карл не сомневался. Он верил в своих солдат и верил, что сможет навязать Петру бой в выгодных для себя условиях.

Но он плохо знал Петра...

1. СОВЕТ В БЕШЕНКОВИЧАХ

веды шли по разоренной, выжженной земле. Литва и Белоруссия были опустошены долгой войной. А кроме того, русские, отступая, уничтожали все, что могло пригодиться шведам. Так было решено в Жолкиеве. Жители покинули эти места. Русские полки, а за ними шведские проходили по пустым деревням, мертвому краю.

Искусным маневрированием Карл добился того, что терять людей при переправах и штурме укрепленных позиций ему почти не приходилось. Но армия утомилась и изголодалась.

Дойдя до Сморгони, Карл надолго остановился, чтобы дать солдатам отдохнуть и собрать провиант...

В начале марта 1708 года в штаб-квартире русской армии — в местечке Бешенковичи — Петр созвал военный совет.

К этому времени царю стало известно, что Август по мере удаления Карла от Саксонии осмелел, снова хочет заключить с русскими союз и просит денег на снаряжение армии.

Это был первый большой военный совет после совета в Жолкиеве.

Снова, как в Жолкиеве, за окном лежали снега и дул ледяной зимний ветер, а в жарко натопленном доме за большим столом сидел царь и генералы. Петр вызвал на совет Меншикова, фельдмаршала Шереметева, фельдмаршал-лейтенанта Гольца и генерала Алларта.

Первым говорил князь Меншиков. После него — Шереметев, Гольц и Алларт.

Настала очередь царя.

Петр положил на край стола кулаки и начал:

— Советует князь Меншиков, чтоб всей пехоте с частью конницы идти перед неприятелем и край разорять, а остальной коннице двигаться позади оного. То было бы хорошо и полезно зимой, при крепких льдах, когда конница везде может пройти и, стороной неприятеля миновав, при нужде с пехотой соединиться. А скоро наступит ростепель, дороги будут злые. И неприятель весьма может конницу в удобном месте сильным укреплением и пушками задержать — ей по бездорожью и деваться некуда будет, — а сам главными силами на пехоту ударить... Мы при нынешней злой распутице и разлитии вод выгоднее для себя по-

ступать можем. Ежели неприятель пойдет со всею армией, то должно нам — и пехоте и коннице — на удобных местах, у мостов и переправ, его атаковать и урон ему наносить и его измучивать. Для того войско наше должно быть расставлено вдоль крепких пассив линий, которая будет длиннее неприятельской, чтоб во фланги ему заходить и в страхе держать.

И Петр изложил генералам подробный и стройный план постепенного обессиливания шведов на трудных для преодоления рубежах.

Но Карл, стремительный и порывистый, быстро меняющий решения в зависимости от обстановки, мог выбрать разные варианты наступления. Петр и это все учел.

Куда бы ни пошел теперь Карл, всюду его встретили бы превосходящие силы русской армии, которые, отступая, ведя жестокие арьергардные бои, непрестанно тревожа шведов неожиданными ударами, лишая их провианта и фуража, должны были измотать грозные полки завоевателей.

А пока шведы стояли под Сморгонью и могли двинуться только через три месяца, в июне, когда кончится распутица и появится обильная трава — корм для коней.

Эти три месяца Петр решил использовать для дальнейшего обучения и пополнения армии.

Русская пехота стала упражняться в искусстве огня, боевых построений, маневров, в штыковом бое.

В недалеком тылу формировались и обучались новые полки...

11 марта царь оставил армию и отправился в Петербург — дел у него было достаточно. Ведь в эти годы Петр не только руководил военными операциями, но и перестраивал все государство. Ему приходилось думать о науке, промышленности, торговле, устройстве государственных учреждений и о многом другом.

2. НА ДОНУ ПОДНИМАЕТСЯ БУЛАВИН

С запада над русской границей нависли шведские полки, а с юга поднималась другая грозная опасность. На Дону мятежный атаман Кондратий Булавин готовился к походу на Воронеж и Москву.

Восстание на Дону началось еще осенью 1707 года.

На Дон, спасаясь от рекрутчины, от тяжелых работ по укреплению границ, от отправки в Воронеж на корабельные верфи, от гибели в дальних финских болотах, где строилась

новая столица, бежали десятки тысяч мужиков. Бежали с женами, с детьми. И казаки не выдавали беглецов.

Это были те десятки тысяч рабочих рук, которых так не хватало сейчас Петру. Это были те десятки тысяч солдатских рук, в которые надо было вложить ружье с острым багинетом или драгунский палаш.

Беглецы не хотели складывать свои кости ради непонятных им деяний царя, а царю было необходимо заставить их делать вместе с ним великое дело.

6 июля 1707 года царь Петр приказал полковнику Долгорукому с отрядом идти на Дон и захватить скрывающихся там беглецов. А казаков покарать. Долгорукий вступил в донские земли и безжалостно начал выполнять царский приказ. пытки, казни — все шло в ход. Не щадили ни женщин, ни детей.

В первые же недели Долгорукому удалось схватить и отправить в Россию более 3000 беглецов.

Но казацкая беднота не потерпела таких бесчинств.

В ночь на 9 октября 1707 года Кондратий Булавин с пятью сотнями мятежных казаков напал под станицей Белянской на отряд Долгорукого и полностью его уничтожил. Полковник был убит.

С этого началось. Войско Булавина росло. К нему шли запорожцы, к нему шла казацкая беднота, к нему шли те самые беглые, которых он спас от Долгорукого.

Булавин двигался по Дону, набирая силу.

В Боровском городке булавинцев встретили хлебом, вином и медом. На площади собрались все казаки. Боровский атаман сказал Булавину:

— Доброе вы дело затеяли, казаки,— донскую волю оборонить. Да вот ведь беда — заколыхали вы всем государством, досадили царю, а что делать станем, ежели придут войска из Руси? Тогда и сами пропадете и нам пропасть...

Булавин оглядел настороженные лица боровских казаков.

— Не бойтесь! — крикнул он, и в холодном чистом осеннем воздухе голос его разнесся над всей площадью.— Не бойтесь! Начал я это дело не просто. Был я в Астрахани, и в Запорожье, и на Терках. Астраханцы, запорожцы, терчане все мне присягу дали, что будут они ко мне на вспоможение в товарищи! И скоро они будут! А теперь пойдем мы по казачьим городкам и будем к себе казаков приворачивать! И как свои городки к себе склоним, пополнимся конями и оружием, пойдем тогда в Азов и Таганрог, освободим ссылочных и каторжных, что

там томятся, и будут они нам верные товарищи! А весной, собравшись, пойдем на Воронеж! Гнездо это царское разорим! А там — на Москву!

Но не успел Булавин собрать крупные отряды, а уже атаман войска Донского Лукьян Максимов со «знатными сторонниками и есаулами... и с калмыки, и с татары, и с помощью из Азова», как сказано в донесении царю, напал на булавиинцев и после жестокого многочасового боя разбил их.

Булавин и ближайшие его помощники прорвались и ускакали в Запорожскую Сечь.

А Максимов доносил, что пойманным булавиинцам «носы резали больше ста человека, а иных плетью били и в русские города высылали, а пушних заводчиков десять человек повесили по деревьям за ноги».

Но к Булавину — в Сечь — стекались новые приверженцы. Пламенными речами он убедил запорожцев восстать против царя. Послал гонцов к татарам с просьбой о помощи. Сила Булавина снова росла и множилась.

В феврале 1708 года, когда русская и шведская армии застыли на западной границе друг против друга, готовясь к смертельной борьбе, Булавин со своими товарищами поставил крепостицу на реке Вороне и разослал грамоты по донским городкам и станицам и украинским селам с призывом идти к нему в войско. Он обещал свободу, избавление от притеснений.

Писал он и к турецкому султану, прося о поддержке.

К весне восстание охватило обширные области от Дона до Волги. Под угрозой был Воронеж с его верфями.

К Булавину шли башкиры и калмыки. К Булавину бежали бурлаки, лесорубы, плотовщики.

Петр приказал майору гвардии Василию Долгорукому, брату убитого булавиинцами полковника, отправиться из действующей армии в Воронеж и готовить поход против бунтовщиков.

А между тем по совету Меншикова у донских казаков, стоявших вместе с главной армией, стали под разными предлогами отбирать коней — чтоб не ушли к Булавину.

Расположенные в Азове солдатские полки тоже были ненадежны...

А Булавин объявил, собрав казацкий круг:

— Идем на Черкасск, разорим Азов, а там — на Москву! Во всех городах выведем бояр, да избыльщиков, да немцев! — Выхватил саблю, вскинул ее над головой и крикнул: — Если намерения своего не исполню — отрубите мне этой саблей голову!

3. ГДЕ УДАРИТ КАРЛ?

Шведы медленно надвигались на русскую армию. Шереметев и Меншиков, отступая, опустошали местность. Постепенно русские полки сосредоточивались на реке Бабич.

Река Бабич протекала по болотистой равнине, покрытой небольшими лесами и пологими холмами.

Русские генералы решили встретить шведов на переправах через Бабич и дать, наконец, встречный бой. Они не собирались вступать в большое сражение, а хотели только утомить шведские полки, заставив их атаковать русские позиции в очень невыгодных для себя условиях.

Многие русские части были еще на марше, когда шведы в числе 10 000 штыков и сабель вышли к реке.

Первым делом Карл произвел подробную разведку. Сделать это ему было легко. Западный берег реки Бабич, который занимали шведы, был выше восточного — русского — берега. С церковной колокольни Головчина и с крыш Нового Села низкий восточный берег прекрасно просматривался.

Карл ясно видел и расположение русских войск, и земляные укрепления, построенные Репниным перед фронтом своей дивизии. Но что самое главное, он сразу разглядел слабое место русских позиций — большой разрыв между отрядом Ренне и дивизией Репнина. Неудачное расположение русских могло помешать им использовать свое численное превосходство. Карл это понял.

Он приказал поставить против этого разрыва — недалеко от моста у Нового Села — сильную батарею из 20 тяжелых орудий...

Вечером 2 июля в штабе командующего кавалерией Гольца собрался цвет русского генералитета — Меншиков, Шереметев, Репнин, Алларт, Ренне, Яков Брюс, Михаил Голицын. Генералы, войска которых не успели подойти к армии, прискакали вперед.

Не успели генералы начать совет, как вошел драгунский офицер и доложил Гольцу, что передовой разъезд привел шведского перебежчика. Гольц велел немедленно доставить его в штаб.

Драгуны ввели высокого смуглого человека без шляпы — длинные черные волосы висели до плеч. Генералы сразу поняли, что это волох — кавалерист-наемник из Бессарабии. Волохов в армии Карла было несколько тысяч. Они составляли

легкую кавалерию и использовались для разведки и преследования неприятеля.

Перебежчик был офицером, ротмистром.

Он сказал, что раньше служил королю Августу, потом попал в плен к шведам и вынужден был поступить к ним на службу. А теперь решил оставить шведскую армию.

Он рассказал, что Карл собирается обойти правый фланг русской позиции и что севернее русского фланга уже готовятся понтоны для переправы и концентрируются полки фельдмаршала Реншильда.

Русские генералы встревожились. Дивизия Алларта, которая должна была прикрывать местность севернее правого крыла, находилась еще далеко, в Климовичах, и не была готова к отражению шведского натиска.

Генералы срочно поскакали на берег реки, где, по словам ротмистра, должна была происходить переправа, и увидели, что переправиться там возможно.

Место предполагаемой переправы находилось далеко, и генералы вернулись в штаб поздней ночью. И немедленно приняли несколько важных решений.

Чтобы не дать шведам обойти беспрепятственно правый фланг, к месту переправы направили князя Голицына с Семеновским гвардейским полком, Владимирским драгунским полком и 4 батальонами пехоты.

Генерал Алларт был срочно направлен в свою дивизию в Климовичи с приказанием держать ее на месте — тоже на случай наступления шведов севернее правого фланга.

О том, что Карл может ударить в центр русской позиции, генералы, конечно, думали, но не очень всерьез.

Должных мер охранения принято не было. Дальние дозоры высланы не были. Переправы охранялись малочисленными отрядами.

Трудно сказать, был ли ротмистр-волох сам обманут разговорами в шведском лагере или намеренно ввел русских в заблуждение, — не это важно. Важно то, что, поверив ему, генералы раздробили свои силы.

А Петра, который умел в таких случаях все предусмотреть, при армии не было...

4. БОИ НА РЕКЕ БАБИЧ

К полуночи подошла дивизия Шереметева и встала, наскоро соорудив длинный окоп, правее конницы Ренне — напротив Головчина.

Ночь была дождливая, туманная, темная. Солдаты мерзли, сидя в свежевырытых укреплениях на мокрой земле в мокрых камзолах и плащах...

А на западном берегу реки в полной тишине полки Карла XII готовились к утренней атаке.

Кроме двадцатипушечной батареи на опушке у Нового Села шведы незаметно подтащили к самому мосту шесть легких орудий и подвезли понтоны для форсирования реки.

Неслышно сосредоточивались на берегу лучшие полки шведской армии — гвардейский, Делакарлийский, Упландский, Вестманландский, Остготский.

Все это происходило за много верст от того места, на которое указал перебежчик. Все это происходило правее правого фланга дивизии Репнина, в разрыве между его полками и конницей Ренне...

Часа за два до рассвета драгунский капитан Маврин объезжал посты, проклиная бесконечные болота, скверную погоду, свой мокрый плащ. Вдруг он услышал в тумане приближающийся конский топот. К нему подскочил солдат из караула капрала Зекзюлина, стоявшего недалеко от новосельского моста.

Солдат передал капитану донесение капрала: караульные Зекзюлина заметили на противоположном берегу в тумане какие-то подозрительные передвижения.

Маврин встревожился, но решил пока тревогу не поднимать. Он поскакал к ближайшему посту, с которым находился прапорщик Барышников, и велел прапорщику скакать к мосту и выяснить на месте, что там происходит.

Но не успел прапорщик скрыться в плывущем над берегом тумане, как ниже по реке в сером предрассветном мраке полыхнул огонь и грянул хриплый, приглушенный сырым туманом гром.

Это был первый залп шведских орудий.

Бой начался.

Начался он совсем не в том месте, где ожидали его русские генералы.

Но внезапного удара на спящие русские войска, которого хотел Карл, все же не получилось.

Еще с прошлого вечера Репнин приказал своим полкам провести ночь в боевом порядке. А капрал Зекзюлин послал гонца не только к капитану Маврину, но и в гренадерский караул у моста. Гренадерский поручик сразу же дал знать о возможной опасности в свой полк и в соседний.

Поэтому немедленно после первых шведских выстрелов дивизия Репнина стояла в строю.

Сам Репнин через несколько минут после начала боя повел к мосту гренадерский полк.

По русским позициям у моста били 26 шведских орудий, из которых 20 были тяжелыми. Ядра с чавканьем врезались в болотистую почву, в тумане выла картечь.

Шведы пошли в атаку. Но гренадерский полк, перешедший под огнем на шведский берег, встретил их залпами и штыками у подступов к мосту.

Прискакавший генерал Швейден принял команду над гренадерами, а Репнин вернулся к другим полкам дивизии.

Бой у моста был жестоким. Карл бросал на гренадер полк за полком. Ему было необходимо быстро захватить переправу и ударить во фланг позиции Репнина. Отчаянное сопротивление гренадер мешало этому замыслу.

Раз за разом шведы шли в атаку. А между атаками по боевым порядкам гренадер били орудия. Генерал Швейден был убит.

Роты гренадерского полка стали отходить на свой берег. Середину моста они успели разрушить.

Отступив, гренадеры выстроились недалеко от берега и открыли огонь по шведским солдатам, наводившим понтонный мост.

Но остановить шведов было невозможно. Они форсировали реку и пошли вперед через прибрежное болото под огнем гренадер...

Было около четырех часов утра. Начало светать.

Теперь Репнин мог видеть порядок шведского наступления и понять их замысел. Он видел, как массы шведской пехоты надвигаются на правый фланг его позиций, грозя отрезать дивизию от Шереметева и Ренне. Он послал адъютантов за помощью к Шереметеву на правый фланг и к Гольцу — на левый.

Послав за помощью, он стал передвигать полки.

Гренадеры отчаянно дрались у моста, давая дивизии возможность перестроиться.

Но пока полки перемещались, шведы уже оттеснили grenадер, навели мост и ринулись во фланг дивизии.

Полки, прикрывавшие фланг, оказались в очень невыгодных условиях. Местность была заболоченная, пересеченная ручьями и перелесками. Полки не могли развернуться для мощного ружейного огня.

На Копрский полк, выдвинутый дальше других, стала на-двигаться шведская колонна. Шведские силы втрое превосходили копрцев. Но молодой полковник Головин, командир полка, решил ударить в штыки и сбить шведское наступление. Солдаты прикнули штыки и двинулись навстречу шведам.

В эту минуту появился князь Репнин на взмыленном коне.

Он был в отчаянии. Бой шел уже около часа, шведы прорва-лись через реку, а помощи ниоткуда не было. Где конница Гольца? Где пехота Шереметева?!

Репнин растерялся. Он думал теперь только об отступле-нии, чтобы спасти дивизию. Поэтому, увидев контратакующих копрцев, он немедленно приказал прекратить движение и отступить.

Головин бросился к нему.

— Почему отступить? — закричал он. — Надо ударить на них и сбить! Надо задержать их до прихода сикурса!

— Где сикурс? Где?! — крикнул в ответ ему Репнин. — Никто не идет к нам! Отступить безотлагательно!

— Но что же нам делать? — в растерянности спросил Голо-вин. — Ведь они станут преследовать нас и окружать другие полки?

— А мне что делать?! — закричал Репнин. — Что мне делать, коли мочи моей нет, и меня не слушаются, и гнев божий на нас?!

Самое страшное в бою — когда командующий приходит в растерянность. Так случилось в этот раз с опытным и храбрым генералом Репниным.

Полки начали отступать в лес под сильным огнем на-седавших шведов. В лесу, среди болот и оврагов, строй полков распался. Роты перемешались.

Было приказано отступить и тем полкам дивизии, которые еще оставались в укреплении. Шведы уже отрезали их, а в тылу полков лежало болото с несколькими узкими переходами, со-оруженными накануне. Под шведским огнем эти полки, неся потери, с трудом добрались до леса.

Помощь от Гольца и Шереметева опоздала.

Русская армия отступала. Вскоре она оторвалась от неприятеля.

Потери в людях были невелики. Гораздо тяжелее был моральный урон. Армия не смогла выполнить намеченного плана. Некоторые командиры растерялись. Некоторые полки не смогли сохранить в бою регулярный строй. Часть драгунских эскадронов вышла из повиновения офицерам и вела бой по старинке, беспорядочно.

Если бы шведы преследовали русскую армию, то они могли бы наделать много бед. Но шведы понесли значительные потери. Их кавалерия была утомлена тяжелым боем в болотистой топкой долине. У них не было силы вести преследование...

Через пять дней отступающую к Днепру армию встретил Петр, спешивший на театр военных действий. Сопоставив различные сведения и рассказы, он прекрасно понял, что произошло и по чьей вине.

Репнин и Чамберс за нераспорядительность в бою и за плохую рекогносцировку местности накануне были преданы военному суду. Их лишили чинов и наград.

Правда, Чамберсу — из уважения к его преклонному возрасту и прошлым заслугам — через день вернули чины. А Репнину доверили командование всего лишь драгунским полком только через много месяцев.

Бой на реке Бабич был суровым, но последним уроком, который шведы дали русской армии.

А через день после этого боя — 5 июля 1708 года — Кондратий Булавин, разбитый под Азовом, застрелился, чтобы не попасть в руки царских палачей.

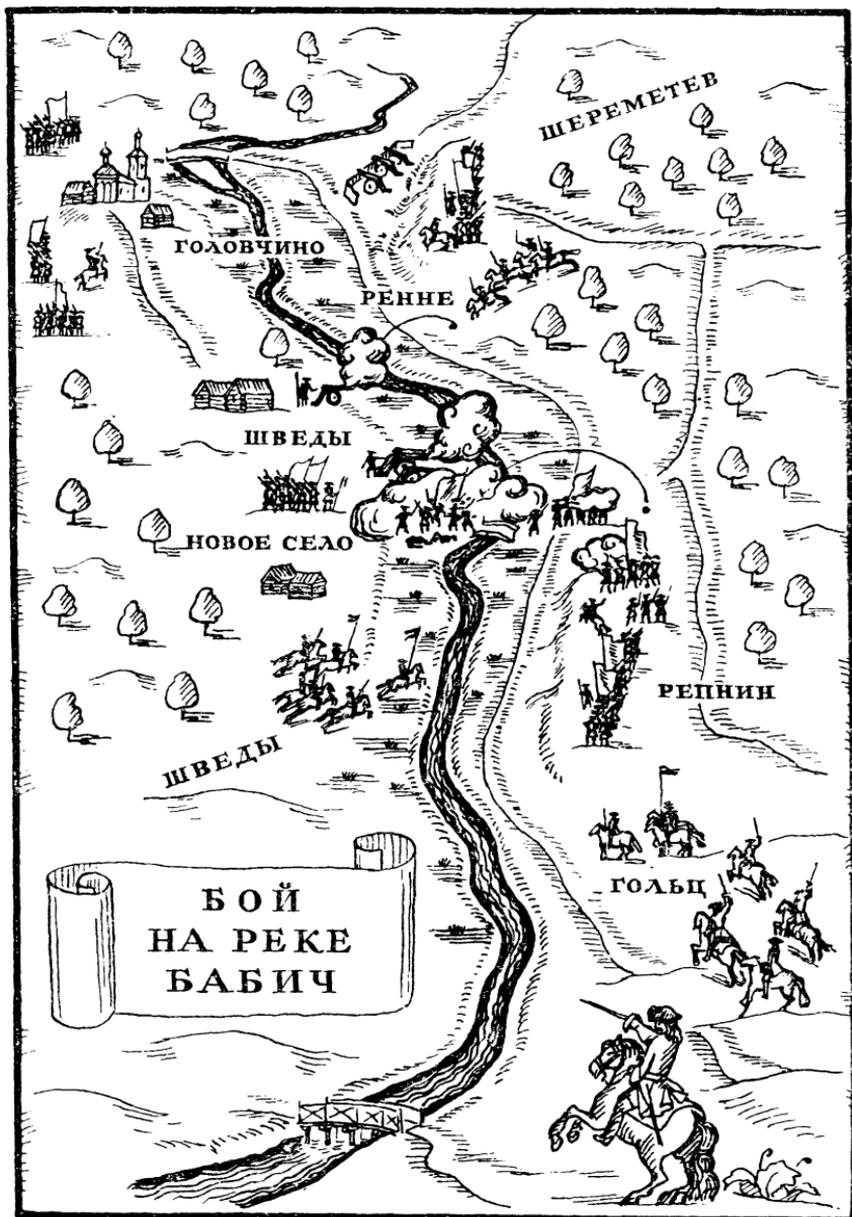
5. ЛЕВЕНГАУПТ ОПАЗДЫВАЕТ

Русская армия перешла Днепр. Ее главные силы сосредоточились в местечке Горки, а конные отряды патрулировали левый берег Днепра.

Шведы осторожно двигались вслед. 8 июля они заняли Могилев. Здесь Карл остановился.

Он ждал Левенгаупта.

Генералу Левенгаупту было дано задание чрезвычайной важности. Он должен был собрать в Лифляндии и Курляндии огромное количество провианта, фуража, боеприпасов и привести этот обоз к главной армии. С обозом должны были прийти и подкрепления из Прибалтики и Швеции.

Много месяцев Левенгаупт рассылал во все стороны от Риги конные отряды, собиравшие припасы. Были собраны и изготовлены тысячи повозок.

Провиант, свинец, порох, пушки — все, что должен был доставить Левенгаупт, было необходимо Карлу для похода на Москву. К августу 1708 года его армия не только съела почти все свои продовольственные запасы, но и израсходовала почти весь свинец и порох.

Левенгаупт получил приказ о выступлении еще 3 июня. Но выполнить его сразу не мог — слишком много было у него забот с гигантским обозом. Да и войска собирались медленно: они были разбросаны на большом расстоянии. А когда в конце июня корпус двинулся, наконец, в поход, то стало ясно, что этот гигантский обоз — 7000 повозок — может двигаться только очень и очень медленно.

За первый месяц движения корпус Левенгаупта прошел немногим более 200 верст и остановился на двухнедельный отдых. Нужно было чинить повозки и дать отдохнуть лошадям.

Карл ждал Левенгаупта до 5 августа. В этот день он отдал приказ форсировать Днепр. Он не мог больше ждать: запасы кончились, кони выели все корма на много верст вокруг. Необходимо было переходить в новые районы, где можно было кормить и людей и коней.

Карл перешел Днепр.

Левенгаупт был еще далеко, но король надеялся, что генерал скоро догонит главную армию на марше...

Карл решил идти на Москву через Смоленск.

6. КАРЛ ВЫРУЧАЕТ РОССА

28 августа шведы дошли до местечка Молятичи и остановились на отдых. Отряд генерала Росса из 5000 штыков и сабель Карл решил расположить в трех верстах от главных сил и совсем близко от русских. Рассредоточившись, было удобнее кормить коней.

Утром 29 августа Петр вызвал в свой шатер генерал-майора Михаила Голицына и генерала Пфлуга.

Разведка донесла о разделении шведской армии, и Петр решил ударить на Росса. Это была его любимая идея — громить врага по частям. Созванный военный совет одобрил решение царя.

Князь Голицын с 8 батальонами пехоты должен был ударить

на Росса с севера, а Пфлугу с 30 драгунскими эскадронами приказано было совершить обход и атаковать с востока.

Ночью 30 августа батальоны Голицына неслышно подошли к селу Доброму, за которым был лагерь Росса.

Голицын выслал разведку. Разведка донесла, что лагерь спит, а дозоры немногочисленны. Росс не ожидал нападения.

Разделив отряд на несколько колонн, Голицын повел его к шведскому лагерю. Он шел с первой колонной, держа в руке тяжелый драгунский палаш. Палаш в рукопашном бою был надежнее шпаги.

Батальон преображенцев вел полковник Преображенского полка — царь Петр.

Ночь была темная и теплая. Атакующие колонны шли по широкому скошенному лугу. Сзади — у реки Белая Напа — пели лягушки и кричал коростель. Тысячи солдатских башмаков с еле слышным глухим гулом опускались на упругую луговую почву.

Впереди раздались голоса — шведский разъезд. Голицын остановил передовую колонну, но кто-то из шведских драгун различил во мраке силуэт колонны. Шведы несколько раз выпалили из пистолетов и помчались к лагерю. Медлить было нельзя. Голицын скомандовал атаку.

Русские батальоны ринулись вперед. Там уже началась тревога. Шведы поспешно строились в боевой порядок. Атакующих встретили залпами. Пороховые вспышки выхватывали из темноты угрюмые лица шведских солдат — они понимали, что положение их очень опасно. Враг мог появиться с любой стороны.

После жестокой перестрелки начался штыковой бой. Стало светать, и можно было различить противника. Михаил Голицын с тяжелым палашом в руке то бросался в гущу боя, то направлял резервные роты в нужные места. Шведы стали поддаваться. Правда, они отступали в полном порядке, но отступали.

Голицын все время посылал адъютанта на ближайший пригорок — взглянуть, не показались ли эскадроны Пфлуга. Если бы драгуны подошли сейчас, до того, как придет помощь от главных сил Карла! Тогда отряд Росса был бы уничтожен... Но драгуны не подходили.

30 эскадронов генерала Пфлуга заблудились в темноте среди болот и не успели к бою.

А из главного лагеря уже мчался на выручку Россу сам король с кавалерийскими полками.

Голицын дал приказ отступить.

Отряд медленно отошел за реку Белая Напа. Река была неглубокой, и ее можно было перейти вброд. Преследовать русских за реку Карл не стал. Задерживаться для преследования небольшого отряда не входило в его планы. Ведь этот отряд, отступая, мог навести короля на крупные силы, занимающие неприступную позицию.

Вместе с остатками отряда Росса Карл вернулся к армии.

Петр был доволен боем и своим участием в нем. Он писал в тот день князю Ромодановскому: «Имена ж полкам и сколько с нашей стороны побито — посылаю при сем роспись, меж которыми изволите увидеть, что врученный мне полк паче иных дело свое исправляя».

Для шведской армии, оторванной от своих резервов, это был тяжелый удар.

Только прибытие Левенгаупта могло восполнить потери, понесенные на реке Бабич и при селе Добром.

А Левенгаупта все не было...

7. ПЕТЕРБУРГ РАСТЕТ

Балтийский флот увеличивался и усиливался.

Когда Петр, приехавший в Петербург из действующей армии, решил 2 мая 1708 года сделать флоту смотр, то в Финский залив вышло 12 кораблей — 2 тридцатидвухпушечных и 10 двадцативосьмипушечных, 6 брандеров, 2 бомбардирских судна, 10 шняв, 20 бригантин и 14 мелких судов. Кроме того, строился галерный флот, и 2 мая вместе с парусными судами вышли в залив 6 галер. Многие из этих судов были построены в молодом петербургском Адмиралтействе.

Галерным флотом командовал граф Боцис, опытный флотоводец. Много лет воевал он на генуэзском галерном флоте. Был он человеком очень смелым, горячим и бескорыстным. Он приехал служить в Россию, даже не поинтересовавшись, сколько ему будут платить. Среди иностранных военных это был единственный случай.

В Балтийском флоте Боцис получил звание шаутбенахта — контр-адмирала.

Под командой Боциса русские галеры — крупные и сильно вооруженные галеры назывались скампавеями — совершали

дерзкие рейды вдоль финских берегов, разоряя шведские укрепления, деревни, захватывая пленных.

В 1708 году начались рейды на финскую территорию и сухопутных отрядов. В лодочных и пеших рейдах снова отличился храбрый полковник Толбухин, так успешно защищавший от шведского флота Котлинскую косу.

Русские отряды доходили до крепости Выборг — главного оплота шведов в этом районе.

Сведения о быстром строительстве Петербурга, о росте флота, о частых и удачных нападениях русских десантов чрезвычайно тревожили шведских министров и генералов. Знал обо всем этом и Карл, получавший донесения из Швеции. Вскоре после боя на реке Бабич он послал генералу Любекеру, командовавшему корпусом в Финляндии, приказ — всеми наличными силами двинуться на Петербург и при поддержке флота уничтожить новый город.

За два дня до боя при Добром — 28 августа — части Любекера вышли на правый берег Невы у самого Петербурга.

Одновременно 22 шведских корабля подошли к Кроншлоту.

8. ЛЮБЕКЕР НЕ ПРОШЕЛ

Генерал Любекер верхом объезжал невиский берег в районе будущей переправы. Невдалеке артиллеристы устанавливали восьмипушечную батарею. Берег был топкий. Солдаты рубили деревья, таскали камни, чтобы укрепить площадку для пушек.

Выше по Неве пехотинцы вязали плоты. Стук топоров стоял над рекой.

Любекер с адъютантом ехали в сторону Петербурга. Под копытами коней чавкало болото. Низкорослый сосняк и ржавые мхи с молочными пятнами ягеля уходили в сторону от серой невиской воды. Низкое августовское солнце нагрело лес. Сильно пахло багульником. Конь Любекера норовил, опуская голову, ухватить редкие листья болотной травы.

На душе у Любекера было пасмурно.

— Я бывал в этих местах еще до войны, — сказал он адъютанту. — Какая здесь была глушь! Стояли по реке две-три маленькие крепостицы вроде Ниеншанца да несколько финских деревушек... А теперь? Мощные русские крепости на Неве, на заливе. А откуда взялся этот флот? Если верить нашим лазутчикам, то недалеко отсюда стоит целый многолюдный город — дома, верфи... Давно надо было... уничтожить...

Тут Любекер замолчал, потому что дальше пришлось бы осуждать своего короля. А этого он не мог себе позволить.

Ниже по реке за плоским мысом показались паруса русского военного корабля. Генерал с адъютантом повернули обратно.

Утром следующего дня Любекер, сидя в седле, наблюдал, как его полки начали рассаживаться по плотам. Вот первые плоты оттолкнулись от берега. Течение подхватило их. Солдаты заработали шестами и веслами. Но тут из-за поворота реки показалась русская бригантина.

Бригантину развернула бортом и дала залп. На плотях началась паника. А уже подходила и разворачивалась вторая бригантина. Шведы гребли обратно. Солдаты на плотях чувствовали себя совершенно беззащитными. Многие стали прыгать в воду.

Любекер резко развернул коня и, разбрызгивая воду и песок, помчался к своей батарее. Там уже суетились артиллеристы.

— Огонь! — бешено закричал генерал. — Огонь!

Первые шведские ядра полетели в сторону бригантин. Развернувшиеся поперек реки суда были отличной целью. Ядра проламывали борта. Рвали снасти. Капитаны бригантин поручики Сенявин и Лоренс отвели свои суда.

Шведские роты вышли на левый берег и стали строить временные укрепления.

Адмирал Апраксин, командовавший всем северным районом, бросил против десанта несколько полков. Но этого было мало. Русская пехота три часа пыталась сбросить десант в реку. Но Неву форсировали все новые и новые полки. Силы шведов росли.

Русские отступили к Петербургу. Молодая столица готовилась к обороне.

Любекер не пошел прямо на Петербург. У него кончались запасы провианта. Он решил захватить русские склады вокруг Петербурга и тогда приступить к главной операции. Но он просчитался. При первых же известиях о шведском наступлении все, что было можно, Апраксин приказал перевезти в город, а что не успели перевезти — сжечь.

Шведы ходили по дикой местности, где достать провиант было совершенно невозможно. Солдаты Любекера начали голодать.

Обойдя Петербург, Любекер вышел к заливу в виду Крон-

шлота. Там стоял шведский флот, так и не рискнувший пойти на прорыв.

И тут произошло событие, которое все изменило. Разгромив небольшой русский отряд, шведы в обозе его нашли письмо Апраксина к командиру отряда генералу Фризеру. Апраксин сообщал, что идет на шведов с многотысячным корпусом. Это было для Любекера полной неожиданностью... Его изголодавшиеся, истощенные солдаты не могли вступать в бой с превосходящими свежими силами неприятеля.

Любекер приказал отступить в Финляндию. Началась посадка на корабли. Но когда на берегу оставалось всего несколько батальонов, на них ударили эскадроны Апраксина. Было убито 900 и взято в плен около 300 шведов.

Экспедиция Любекера провалилась.

А письмо Апраксина было военной хитростью. Адмирал и рассчитывал, что его послание окажется каким-либо образом у шведов и напугает их. Таких сил, о которых шла речь в письме, у Апраксина не было.

Это была последняя серьезная попытка шведов овладеть Петербургом.

ДОРОГА К ПОЛТАВЕ

1. МЕРТВАЯ ЗЕМЛЯ

рмия Карла шла по мертвой земле. Еще до боя при Добром Петр отправил в рейд генерал-майора Ифланта с четырьмя драгунскими полками в сторону Украины. Ифлант получил такой наказ: «Ежели же неприятель пойдет на Украину, тогда иттить у него передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий в поле, и в гумнах, и в житиницах по деревням, польский и свой, жечь не жалея и строения, перед неприятелем и по бокам также мосты портить, леса зарубать и на больших переправах держать по возможности... Все мельницы также сжечь, а жителей всех высылать в леса с пожитками и скотом... А ежели где поупрямятся выйтить в леса, то и деревни жечь».

Война шла не на жизнь, а на смерть.

Карл надеялся, что в собственной стране Петр не будет опустошать целые области. Но он ошибся. И, перейдя границу

России, шведы шли по безлюдным, голодным местам. Ни пищи, ни проводников...

Все вокруг шведской армии горело. Горизонт окаймлен был горящими селами. От дыма, наполнявшего пространство, трудно было дышать, а солнце казалось маленьким и красным.

Голодные солдаты Карла собирали на несжатых полях хлебные колосья, растирали их в ладонях и ели сырое зерно. На плохих кормах обессилели кони. Начались болезни.

Русская армия упрямо шла рядом — иногда в нескольких верстах от шведского маршрута. Вокруг шведских колонн постоянно реяли отряды легкой конницы: башкир, калмыков, казаков. Отстать от армии для шведского солдата значило погибнуть или попасть в плен.

В начале сентября на правый фланг шведских колонн стал наседать конный корпус Боура. День за днем шведам приходилось, теряя людей, отбивать внезапные конные нападения. Когда к месту боя подходили значительные силы, русские эскадроны немедленно отступали. Шведские полки таяли. А пополнения взять было неоткуда. Левенгаупт не появлялся.

2. «СОЛДАТЫ, СПАСАЙТЕ СВОЕГО КОРОЛЯ!»

10 сентября шведы подошли к деревне Раевке. Полки уже стали располагаться на отдых, когда Карл заметил невдалеке отряд русской легкой конницы.

Карл знал по опыту, что если не отогнать и не рассеять этот отряд, то в любой момент можно ждать молниеносного нападения. И он послал эскадрон прогнать или изрубить назойливого противника.

Но казаки уже сообщили своим главным силам о появлении шведов, и к ним на помощь спешили драгуны.

Бросившийся в атаку шведский эскадрон был встречен превосходящими силами русской конницы и отброшен с потерями.

Карл пришел в ярость. Он вскочил в седло и, взяв с собой эскадрон лучшего конного полка — Остроготского, помчался навстречу русским. Но кроме казаков, его поджидало уже 1300 драгун.

Началась рубка. Русские обошли фланги шведского эскадрона. К счастью для Карла, он весь был покрыт густой пылью и в пороховом дыму никто из русских офицеров его не узнал. А то не миновать бы ему смерти или плена. Остроготский эскадрон таял под палашами драгун. Вокруг Карла осталось

несколько десятков человек. Он бросался с ними из стороны в сторону, пытаясь прорвать кольцо... Внезапно его конь дернулся и стал валиться на бок. Карл успел спрыгнуть на землю. Уклоняясь от ударов, король отчаянно отбивался саблей. Он был превосходный фехтовальщик, но понимал, что долго ему не продержаться...

В шведский лагерь прискакал покрытый кровью и пылью кавалерист. От него генералы узнали, что король гибнет.

Генерал Тюре Хорд бросился к лошади. Перед строем второго Остроготского эскадрона он вырвал саблю из ножен и крикнул:

— Солдаты! Спасайте своего короля!

Эскадрон галопом пошел за ним к месту боя, скрытому густыми тучами пыли. Хорд подоспел вовремя. Прорвав окружение, шведы оттеснили от Карла русских драгун. Сверкая зубами на черном от гари и пыли лице, Карл весело пожал руку Хорду и вскочил на лошадь, уступленную ему одним из конников.

— Они недурно дерутся, но надо их проучить! — сказал он генералу и снова ринулся в схватку.

Хорд поскакал за ним. Он видел, как король грудью своего свежего жеребца опрокинул одного русского драгуна, хитрым приемом выбил саблю у другого...

«Безумец! — подумал Хорд. — Бесстрашный безумец! Ведь когда-нибудь клинок или пуля найдут его! Бедная Швеция...»

Это было последнее, что он успел подумать, — пуля попала ему в голову.

Второй эскадрон погибал так же, как и первый. Лихость и напор короля и его гвардейцев не помогали. Русские драгуны дрались упорно и искусно, обходя неприятеля и атакуя со всех сторон.

Выстрелы, лязг клинков, крики, ржание коней клубились над схваткой.

На помощь Карлу скакал с несколькими полками генерал Розеншерн.

Русские эскадроны стали отходить, отстреливаясь.

Розеншерн был смертельно ранен.

Итоги боя оказались для шведов печальными. Почти полностью погиб отборный Остроготский полк. Погибли два испытанных генерала. Погибло несколько офицеров...

И все не было Левенгаупта с подкреплением и обозом.

3. КАРЛ В НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Карл продолжал движение на Смоленск. Он получил сведения, что Левенгаупт уже перешел Днепр и скоро присоединится к армии. Но это были ложные сведения. Левенгаупт был еще далеко от Днепра и двигался он по-прежнему медленно...

Через сутки после боя при Раевке шведы подошли к городку Татарску.

Кругом все было выжжено.

За небольшой, но глубокой речкой Городней на высотах стояли, закрывая дорогу, русские конные полки. Фронт русской позиции был прикрыт болотами. Карл понял, чего ему будет стоить штурм этого рубежа.

Он простоял перед Городней три дня в нерешительности. Впервые за всю свою блестящую военную карьеру он не знал, что делать дальше.

Ему было ясно, что невозможно идти на Смоленск по опустошенной земле без провианта, почти без свинца и пороха, штурмом беря каждую переправу и теряя при этом сотни и тысячи солдат. В этом случае он подойдет к Москве только со своим штабом, но без армии.

Карл обратился за советом к генералам. Это тоже было впервые.

Генералы — Реншильд, Гилленкрюк — могли только подтвердить королю, что идти на Москву через Смоленск невозможно.

— Пусть черт, который до сих пор был советчиком короля, помогает ему и теперь, — зло сказал Гилленкрюк Реншильду. Его стали мучить дурные предчувствия.

Карл решил идти на Украину. Там богатый край — много пищи, фуража. Там поджидает гетман Мазепа, ненавидящий Петра и обещавший всяческую подмогу...

Конечно, в таком положении правильнее всего было отойти на запад — за Днепр, в Польшу — и, проведя там зиму, получше подготовиться к следующему походу в Россию. Но Карл был слишком горд, чтобы отступить.

15 сентября 1708 года шведская армия круто повернула на юг.

К Левенгаупту было послано трое курьеров — сообщить о перемене маршрута.

4. ЛЕВЕНГАУПТ НАСТИГНУТ У ЛЕСНОЙ

Петр решил ни за что не допустить соединения резервного корпуса со шведской армией.

Генералу Ифланту было приказано обогнать Карла и, разрушая мосты, задерживать его движение. Генерал Боур с 5000 драгун двинулся вслед шведским колоннам, непрерывно беспокоя их нападениями.

Восточнее шведского маршрута шел Шереметев с основными русскими силами.

Сам Петр сформировал для уничтожения Левенгаупта корволант — летучий отряд. Царь посадил на коней 10 батальонов отборной пехоты из Преображенского и Семеновского гвардейских полков и двух армейских — Ингерманландского и Астраханского. Это составило 4830 штыков.

Кроме конной пехоты, в корвалант вошли 10 драгунских полков — 6795 сабель.

Петр по донесениям разведки считал, что у Левенгаупта 8000 солдат.

25 сентября конный отряд Меншикова настиг аррьергард Левенгаупта и в коротком бою взял «языка».

И только тут Петр узнал, что у Левенгаупта не 8000, а вдвое больше — 16 000 штыков и сабель... При таком соотношении сил дело могло кончиться поражением корволанта и провалом всей операции.

Но Петр решил атаковать шведов. Он послал приказ корпусу Боура идти на помощь летучему отряду. Боур мог прийти через два дня. Если бы он не пришел, бой все равно состоялся бы. Петр был уверен в своих солдатах.

Русские драгуны все время наседали на шведский аррьергард. И Левенгаупт вынужден был остановиться для боя. Он отправил обоз с сильным прикрытием вперед, а сам занял удобную позицию с оставшимися 13 000 штыков и сабель.

27 сентября авангард корволанта наткнулся на шведские боевые порядки. Шведы контратаковали и отбросили русских.

Левенгаупту вовсе не хотелось вступать в тяжелое продолжительное сражение. Ему надо было довести до короля свой обоз. Поэтому, отбросив преследователей, он отошел к следующей удобной для обороны позиции и встал там, поджидая Петра.

Левенгаупт уже знал о том, что за ним идет сам царь. Это очень тревожило его. Раз сам царь ведет преследующий

корпус,— значит, дело серьезное. Иногда Левенгаупта охватывало отчаяние и он проклинал в душе своего короля, заставившего его выполнять столь тяжкую задачу. Ведь если бы Карл изменил маршрут и пошел ему навстречу, то они бы уже соединились, армия была бы надолго обеспечена всем необходимым, а резервному корпусу не грозила бы сейчас гибель.

И все же Левенгаупт надеялся.

Занимая позицию у деревни Лесной, он встал не за рекой Леснянкой, что облегчило бы ему оборону, а перед ней. Он рассчитывал не только удержать русских, но и разгромить их. А река мешала бы ему наступать. Он был человеком решительным и мужественным. И опытным боевым генералом.

Перед деревней Лесной, окруженной густыми лесами, лежала поляна — около версты в длину. По этой поляне проходила дорога, ведущая к мосту через Леснянку и дальше к городу Пропойску, где была переправа через реку Сож.

На этой поляне и построил Левенгаупт 9 пехотных батальонов и 4 кавалерийских полка. По фронту было поставлено 17 орудий.

В тылу боевых порядков шведы устроили из сцепленных повозок укрепленный лагерь — вагенбург. Оба фланга вагенбурга примыкали к реке.

Не успел шведский генерал укрепить свою позицию, как он получил страшное известие — мост через реку Сож в Пропойске разрушен русскими.

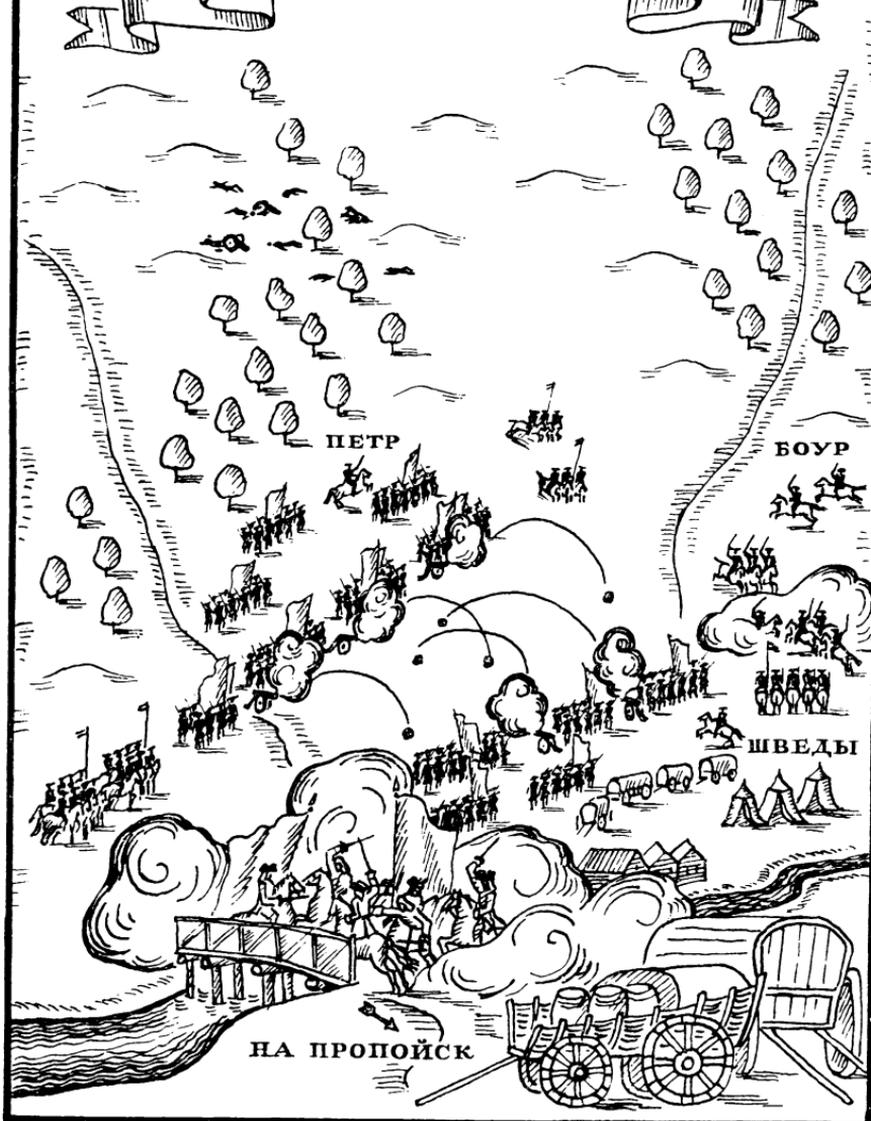
Положение шведов становилось безнадежным. Единственным спасением было — разгромить преследователей и, добравшись до Пропойска, спокойно восстановить мост...

Фланги шведского построения были прикрыты густыми лесами. Европейские полководцы в те времена избегали давать сражения на пересеченной местности, в лесистых районах. Они предпочитали ровные, открытые поля, где можно было охватить взглядом всю армию — и свою, и вражескую, где легко было маневрировать, где каждый солдат был все время на глазах у командира.

Поэтому Левенгаупт был уверен, что Петр сперва выведет все свои силы на поляну и только тогда начнет строить их для атаки. Тут можно будет ударить в самое уязвимое место его построений. И он послал несколько батальонов в перелесок, пересекавший поляну недалеко от лесной опушки.

Но шведский генерал не понимал, что он имеет дело с великим полководцем, который не связывает себя чужими

БОЙ ПРИ ЛЕСНОЙ

ПЕТР

БОУР

ШВЕДЫ

НА ПРОПОЙСК

правилами, а поступает всякий раз по-новому, поступает так, как этого требует положение.

Петр был очень доволен, что бой будет происходить в лесах. Это давало ему возможность скрыть малочисленность своего отряда.

Он разделил корволант на две колонны. По большой дороге к Лесной двигался Меншиков с Ингерманландским пехотным полком и 7 драгунскими полками.

Сам Петр повел по небольшой боковой дороге через чащу оба гвардейских полка, батальон астраханцев и 3 полка драгун. Вся пехота ехала верхом.

5. ЛЕВЕНГАУПТ РАЗГРОМЛЕН

28 сентября около двенадцати часов подошел к поляне Меншиков. Как только ингерманландцы и Невский драгунский полк стали выходить на поляну, шведские части, стоявшие в редком перелеске, ударили на них и стали охватывать их левый фланг. Ингерманландцы и драгуны отошли обратно в лес. 4 орудия остались в руках шведов.

Но в это время справа от наступающих шведов показались батальоны Петра. Густой лес дал им возможность появиться совершенно внезапно.

Петр не стал тратить время на развертывание. Спешившийся Семеновский полк, вырвавшись из леса, ударил в штыки. Семеновцев вел генерал Михаил Голицын. Атака шведов захлебнулась.

Преображенцы и батальон Астраханского полка стремительно передвинулись по опушке — незаметно для противника — в сторону меншиковской колонны, неожиданно ударили на шведов слева и отбросили их. Из леса стали выходить и вновь вступали в бой солдаты Меншикова.

Перелесок, отделявший место боя от главных шведских сил, не давал Левенгаупту возможности самому увидеть и понять происходящее.

Наиболее выгодное для общей атаки время — минуты выхода русских из леса — было шведами упущено.

Яростно наступая, батальоны и эскадроны корволанта загнали передовые части в перелесок. Бой в лесу был для шведов совершенно непривычен. Оставив захваченные русские орудия и еще два своих, шведы, теряя строй, отступили к главным силам.

В бою при Мур-мызе боевое счастье еще раз вернулось к шведам.

Генерал Репнин верно служил Петру.

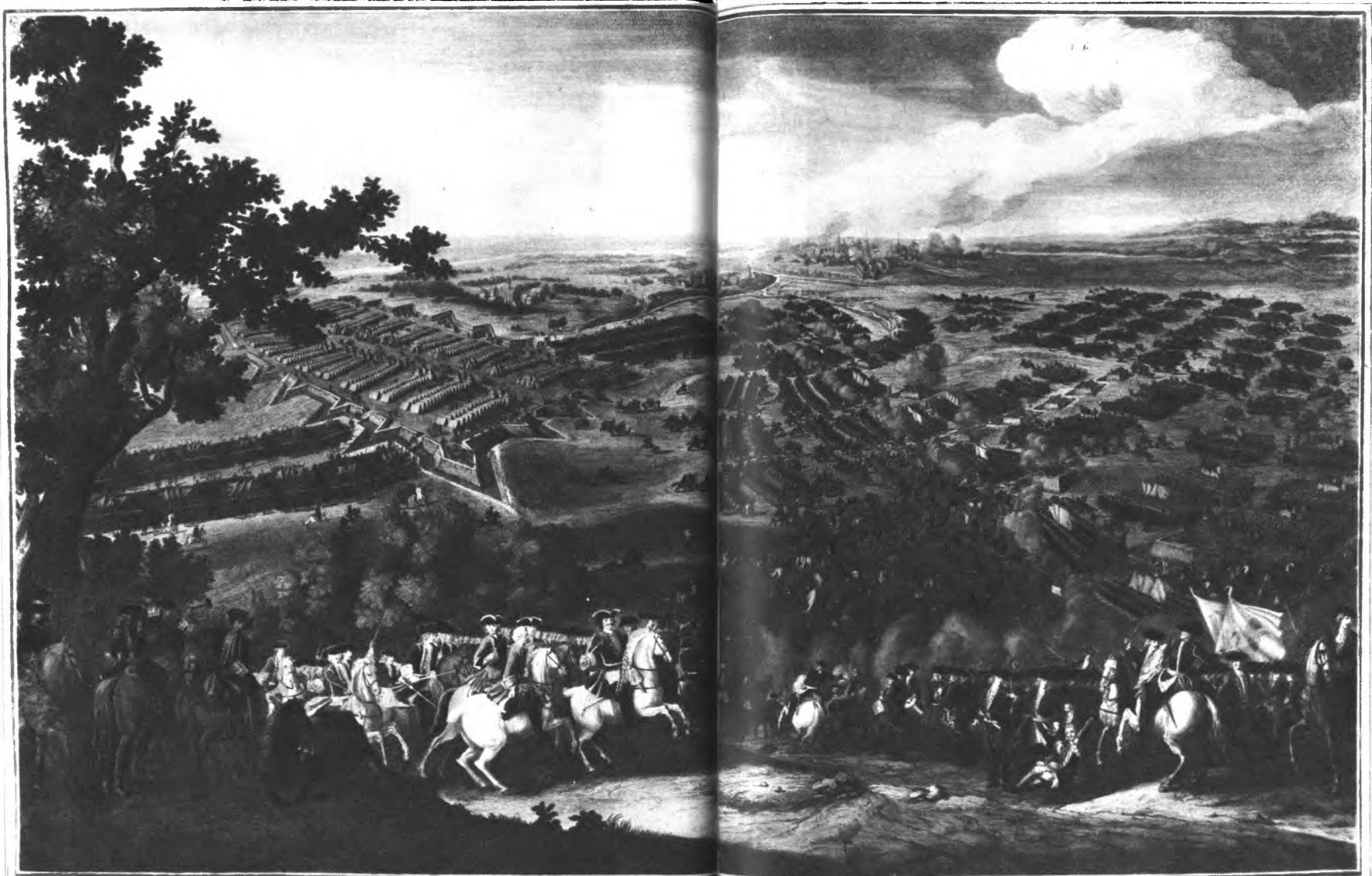
На генерала Левенгаупта Карл XII
возлагал особые надежды.

После битвы под Лесной шведская армия была обречена.

Герой кавалерийских рейдов генерал Боур.

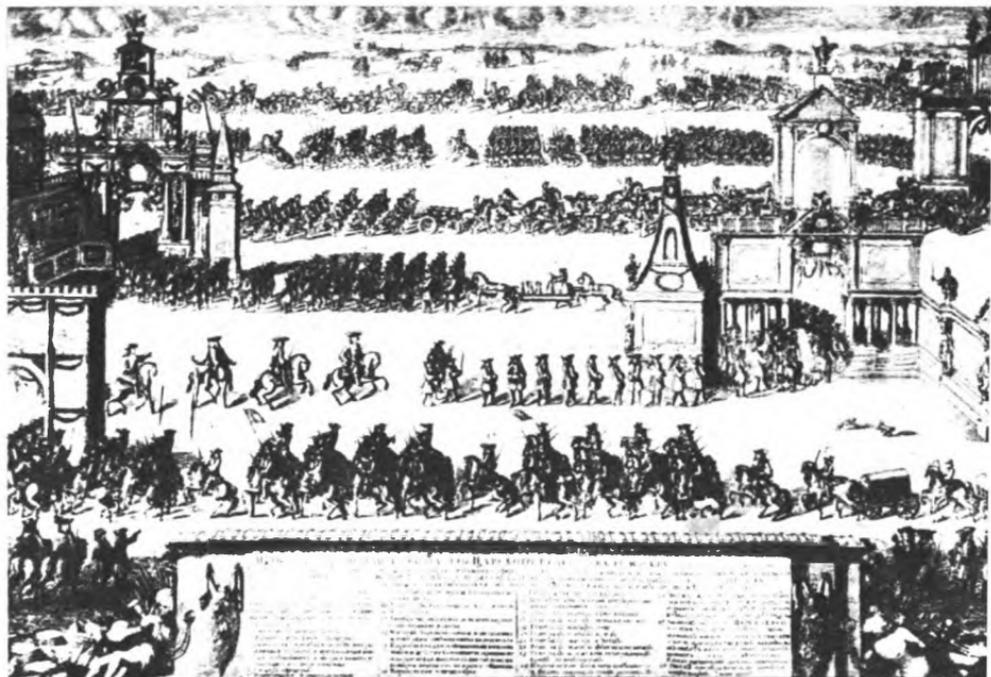

ВЪОБРАЖЕНІЕ ПРЕСЛАВНОЙ БАТАЛИ МЕЖДУ ВОЙСКЪ РОССІИ КНИЗЯ СЪВЬСКИЗЪ ВПРІСУТСТВІИ ВЫСОКОЙ КОМАНДЫ
НАДЪРОССІЙСКИМИ ВОЙСКАМИ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА И РОССІЙСКАГО ПЕТРА ПЕРВАГО НАДЪСВЬСКИМИ ЕГО
КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КАРЛА XII УЧИНІВШЕЙСЯ НЕРАДАЛЕКУ ОПОЛАВЫ ІЮНІЯ ВЪ 27 ДЕНЬ 1709

Петр бросил русские полки в контратаку.

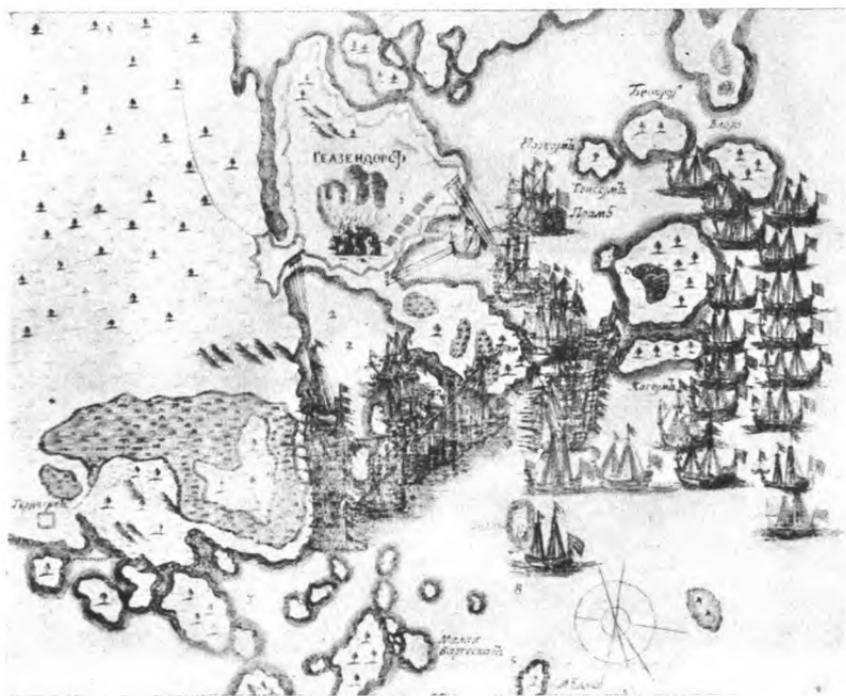

Полтавские победители торжественно вернулись в Москву.

На абордаж!

Генерал Михаил Голицын — любимец армии.

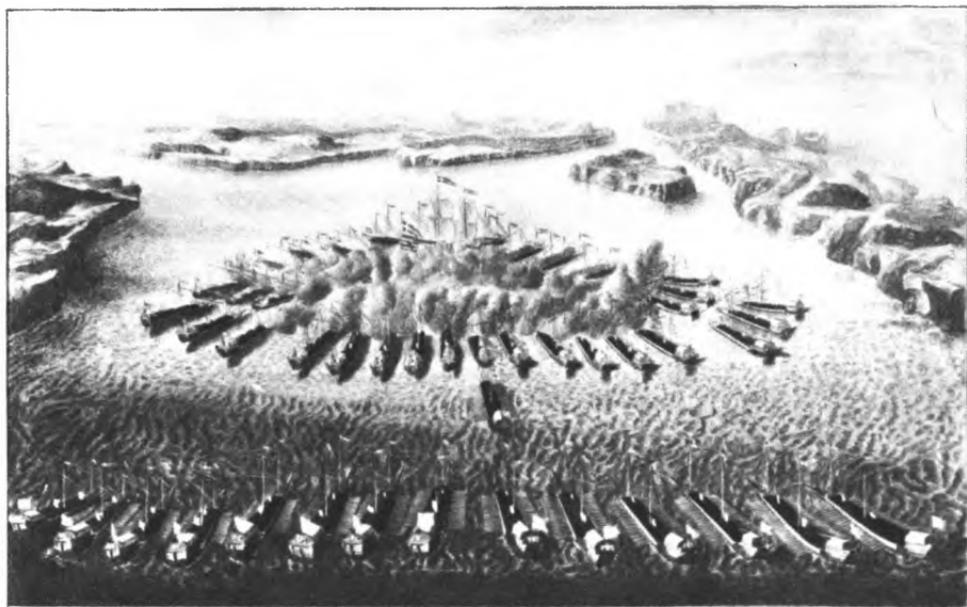

Гельсингфорс атаковали стремительно — с моря и с суши.

Адмиралу Апраксину больше приходилось воевать на суше.

Победа русских галер у Гангута ошеломила шведов.

Галеры русской эскадры во главе с адмиралом Рюриксом в Гангуте в 1714 году.

Бой у Гренгама — штыки против корабельных пушек.

Захваченные у Гренгама шведские суда были приведены в Неву.

«Красуйся, град Петров...»

И только тут, сообразив, что происходит, Левенгаупт бросил на помощь своим передовым батальонам свежие части и послал гонцов — вернуть войска, ушедшие с обозом.

Перелесок мешал ему оценить численность русских войск. Ему пришло в голову, что его атакует авангард всей русской армии.

Шведы бросились вперед, чтобы не выпустить русские полки из перелеска, не дать им развернуться. Начался жестокий рукопашный бой на опушке.

Шаг за шагом русские оттесняли шведов.

Наконец Левенгаупт, видя, какие страшные потери несут его войска, отдал приказ отступить на основную позицию.

Он с тревогой всматривался в окрестные леса. Откуда еще покажутся русские батальоны?

Петр для решающего натиска ждал подхода Боура.

Левенгаупт ждал возвращения войск прикрытия.

Кто придет раньше? Это могло решить судьбу сражения.

Два часа армии неподвижно стояли друг против друга и вели жестокий ружейный огонь. Ружья раскалялись так, что больно было держать их.

Около пяти часов пополудни к командному пункту Петра подлетел на коне драгунский офицер.

— Генерал Боур идет!

Петр, вскочив в седло, бросился на левый фланг. Из леса уже выходили покрытые пылью эскадроны Боура. А вот и сам генерал — худой, жилистый, привыкший проводить в седле бесконечные часы.

Петр поскакал ему навстречу, обнял, расцеловал.

Теперь над флангом Левенгаупта нависла готовая к бою грозная масса конного корлуса.

Немедленно Петр перебрался на правый фланг два драгунских полка — он хотел во что бы то ни стало захватить расположенный на правом фланге мост через реку. Это очень затруднило бы шведам отступление.

Драгуны атаковали мост одновременно с атакой всего корволанта на неприятельскую позицию.

После нескольких залпов русские пошли в штыки. С левого фланга ринулись эскадроны Боура.

Мост был в руках драгуи.

Шведские полки поспешно отступили в вагенбург.

6. «ГОСУДАРЬ, ПРОСТИ КНЯЗЯ РЕПНИНА!»

После небольшого затишья на правом русском фланге показались возвращающиеся от обоза шведские части. Они шли прямо к мосту с противоположного берега Леснянки. С ходу атаковав драгун, охранявших мост, они взяли переправу.

Стало темнеть. Ветер нес тяжелые белые тучи. Выстрелы смолкли, и слышно было, как грозно гудит под холодным ветром лес вокруг поля боя...

Неожиданно — ведь был только конец сентября — повалил снег. Окончательную атаку вагенбурга приходилось отложить до утра.

Снежная буря бушевала до рассвета...

В эту ночь Петр не пошел в свой походный шатер. Он вместе с солдатами сидел у костра на снегу, завернувшись в плащ. Он с нетерпением ждал утреннего боя.

А утром русские увидели, что шведов на позиции нет. Левенгаупт ушел.

Он посадил остатки своей пехоты на обозных коней и торопился оторваться от преследователей.

Порох и пушки шведы ночью утопили в реке. Но весь обоз, собранный с огромными трудами, обоз, который должен был обеспечить Карлу поход на Москву, попал в руки Петра.

Давно уже Петр не испытывал такой радости. С меньшими силами он разбил сильный корпус шведов. Лишил Карла столь необходимых тому припасов. Теперь шведской армии неоткуда ждать помощи. Она неизбежно погибнет. Она навсегда стрезана от западной границы.

Вот она — настоящая проверка его многолетних усилий. Недаром проливалась кровь, горели хлебные поля и деревни. Недаром он, Петр, не щадил ни сил своих, ни жизни, метался из конца в конец огромной своей страны, забыв про отдых и спокойный сон. Недаром железной, безжалостной рукой гнал он свой народ, свое государство вперед и вперед.

Вот результат — шведы бегут от нас.

Карлу нет спасения.

Он, Петр, должен щедро наградить тех, кто добыл с ним эту славную победу.

Взгляд его упал на князя Михаила Голицына, не успевшего еще переодеть изодранный и забрызганный кровью мундир. Ведь и он всю ночь бодрствовал, ждал утреннего боя. Как он сражался вчера! Как водил в штыки своих семеновцев!

Петр положил Голицыну руку на плечо.

— Какой ты хочешь награды за свое усердие?

Голицын опустил на колено перед царем.

— Государь, прости князя Репнина...

Петр засмеялся и оглядел стоящих вокруг. Репнин: командовавший в бою драгунским полком — и хорошо командовавший, жизни не жалевший, — стоял поодаль.

Петр поманил его к себе, обнял.

— Ну, князь Аникита, вот ты и прежний свой ранг достал!

Репнин бросился целовать руку царя.

А вокруг — на боевом поле — лежали тысячи трупов. Русские и шведы — вперемежку, как всегда бывает после рукопашного боя. Синие шведские и зеленые русские мундиры намокли от растаявшего снега и казались одноцветными.

Шведы потеряли убитыми, ранеными и пленными около 10 000 солдат.

Русские 1111 человек убитыми и 2856 ранеными.

ПОЛТАВА

1. КАРЛ МЕЧЕТСЯ ПО УКРАИНЕ

В октябре 1708 года французский посол в Польше де Безанвальд отправил своему правительству копию письма одного шведского офицера из армии Карла. Посол хотел, чтобы в Париже представляли себе положение дел на театре военных действий. А шведский офицер писал вот что: «Голод увеличивается в армии со дня на день, там уже совсем не знают, что такое хлеб, полки живут только одной кашей... Царь приказал, чтобы при нашем приближении была выжжена вся местность от границы до мест в двух милях от Смоленска... Как мы будем жить в этой ужасной пустыне? О, как тяжела эта кампания, как мы страдаем больше, чем можно выразить, и это еще мало сравнительно с тем, что придется вынести дальше! Заморозки, очень частые в этих странах, перемежаются с сильными холодными дождями и очень увеличивают наши бедствия».

2 октября Карл получил первое известие о поражении Левенгаупта. Он предвидел, что это может случиться. Но все равно известие потрясло его. Он лишился сна. По ночам он

приходил в палатку генерала Гилленкрока и молча сидел долгими часами.

Ему было тяжело одному коротать бессонные ночи. Предчувствие неудачи мучило короля.

Но днем он был по-прежнему бодр и деятелен, толковал о походе на Москву и высмеивал Петра, не решающегося вступить в генеральное сражение.

Карл шел по Украине в надежде пополнить свои продовольственные запасы, найти удобные зимние квартиры для измученной армии и соединиться с казацкими полками, которые обещал ему Мазепа. Король знал, что в своей столице Батурине старый гетман собрал большое количество свинца и пороха.

А они были так необходимы шведам! В Батурине была сосредоточена и сильная артиллерия.

Но русские все время переигрывали короля.

Карл подошел к Стародубу в надежде легко захватить город. Но Стародуб уже был занят эскадронами генерала Ифланта. А вскоре Шереметев ввел в Стародуб и пехотные полки. И Карл не решился на штурм.

Карл бросился к Новгороду-Северскому. Но тот же Ифлант со своими драгунами снова его опередил, занял и укрепил город. Дорога в богатый Северский край была закрыта.

Положение шведов все ухудшалось. Французский дипломат, который был в армии Карла, писал в Париж: «Скажу прямо: если украинский народ не поддержит шведского короля, я не вижу никакой возможности для него закончить счастливо войну».

Оставалась последняя надежда — Мазепа с его войском.

Мазепа колебался. Он все не мог понять, что ему выгоднее: остаться верным Петру или перейти на сторону Карла? Но тут ему пришлось принимать срочное решение. На Украину для следования за шведской армией вошли конные полки Меншикова и взяли направление на Батурин. Мазепа решил, что измена его открыта, и с 5000 казаков поскакал навстречу Карлу.

В Батурине он оставил другие 5000 с полковником Чечелем.

21 октября, завидев передовые шведские отряды, Мазепа объявил своим полкам, что они идут не драться со шведами, а присоединяться к ним. Большинство казаков вовсе не хотело становиться союзниками шведского короля, но деваться было некуда — шведы уже окружали их.

До главных шведских сил нужно было идти еще несколько дней. И за эти несколько дней 3000 казаков бежало из войска Мазепы. Он явился в лагерь Карла меньше чем с 2000 сабель.

Рухнула еще одна надежда Карла — надежда на большое украинское войско.

Теперь надо было спешить к Батуруну, где можно было накормить армию и спокойно перезимовать.

Но когда шведы подошли к Батуруну, то Карл и Мазепа с горечью увидели только обугленные развалины.

Меншиков опередил неприятеля, взял Батурин штурмом и сжег его...

Начиналась зима. А зима в тот год была на редкость суровая.

Шведские отряды в разных направлениях двигались по заметенной снегами, обледенелой украинской степи, встречая сопротивление в каждом городке, теряя солдат при штурмах и нигде не находя ни покоя, ни отдыха, ни пищи, ни крова. Крестьяне прятали от шведов продовольствие, нападали на маленькие отряды. Украинский народ отказался поддерживать Мазепу и Карла.

Шведские регулярные полки насчитывали теперь немногим больше 20 000 солдат.

Армия Карла таяла.

В марте шведы получили неожиданное подкрепление. Кошевой атаман Запорожской Сечи Константин Гордиенко уговорил запорожцев перейти на сторону короля. Запорожцы опасались, что в случае победы Петр лишит их давних вольностей, и пошли за Гордиенко. 8000 запорожцев прибыло в лагерь Карла 26 марта 1709 года.

Карл решил призвать себе на помощь и крымского хана. Он отправил послов в Крым и в турецкую крепость Бендеры. Турки стали склоняться к новой войне с Россией. Крымские татары тоже готовились к выступлению.

Если бы турки и татары поддержали шведов, то положение снова могло стать очень опасным. И Петр выехал в Воронеж, а затем в Азов.

Он хотел резко усилить азовский флот и этим удержать турок от войны.

А шведская армия передвинулась под Полтаву и осадила ее. Через Полтаву проходили дороги в Крым и на Запорожскую Сечь, а далее — в Польшу.

2. У ПОЛТАВСКИХ ВАЛОВ

«Я и вся моя армия — мы в очень хорошем состоянии. Враг был разбит, отброшен и обращен в бегство при всех столкновениях, которые у нас были с ним. Запорожская армия, следуя примеру генерала Мазепы, только что к нам присоединилась. Она подтверждает торжественной присягой, что не переменит своего решения, пока не спасет своей страны от царя... Положение дел привело к тому, что мы расположились в окрестностях Полтавы, я надеюсь, что последствия этого будут удачны».

Так писал Карл XII в апреле 1709 года своему польскому союзнику Станиславу Лещинскому. Что бы ни делалось в душе у шведского короля, на людях он был спокоен и уверенно говорил о скорой победе.

Армия его сократилась чуть не в половину и очень нуждалась в подкреплении. Но крымские татары не являлись. И турки и крымский хан были уstraшены азовскими приготовлениями Петра. Да и сомневались уже они в победе шведов.

Станислав Лещинский не приходил со своими отрядами, потому что мало кто в Польше пошел бы за ним, да и тех, кто пошел бы, русские войска перехватили бы по дороге.

Шведская армия была накрепко отрезана от всего мира.

Даже отступление за Днепр было теперь невозможно для Карла.

Многие из шведских генералов понимали, в каком страшном положении оказалась армия. Они не одобряли осады Полтавы.

Генерал-квартирмейстер Гилленкрок, главный шведский специалист по осадным работам, прямо спросил у фельдмаршала Реншильда, во всем поддерживающего короля:

— Объясните мне, ради бога, зачем нам осаждают Полтаву? С нашими силами мы уже не можем продолжать войну. Зачем же нам терять людей и время у этой крепости?

— Король хочет развлекаться в ожидании поляков Лещинского, — ответил, улыбаясь, Реншильд.

— Но это развлечение потребует многих человеческих жизней! — резко сказал Гилленкрок. — Поистине король мог бы найти себе лучшее занятие.

Реншильд перестал улыбаться.

— Если такова воля его величества, — так же резко сказал он, — то мы должны выполнить его желание!

Но доведенный до отчаяния Гилленкрок отправился к королю.

— Даже если бы господь бог послал ко мне своего ангела с повелением отступить от Полтавы,— ответил Карл,— то я все равно остался бы здесь!

— Но у нас нет достаточной артиллерии, чтобы разбить укрепления. Придется пускать вперед пехоту и нести страшные потери! Мы останемся без пехоты, ваше величество!

— Ну, Гилленкрок, вы совсем заговорились,— нахмурился Карл.— Наши пушки разбивали бревна потолще, чем эти палисады.

— Конечно, но тогда у нас было вдоволь снарядов! А здесь нужно разбить несколько сотен столбов!

— Ну, раз можно разбить один столб, значит, можно разбить и несколько сотен.

— Можно, ваше величество, можно! — вне себя закричал генерал.— Но когда падут эти палисады, то у нас не останется пороха даже на выстрел из карманного пистолета!

Лицо Карла стало холодным и неподвижным. Ему надоел этот спор.

— Мы все время совершаем дела необыкновенные. Совершим и на этот раз.

— Я боюсь,— пробормотал Гилленкрок, уходя,— что это необыкновенное предприятие будет иметь и конец несбыточный...

3. ШВЕДЫ ИДУТ НА ШТУРМ

В шведской армии царило уныние. Но власть Карла над солдатами была непререкаема, а вера в его боевое счастье сильна. Армия подчинялась своему полководцу.

Полтаву защищало 4270 солдат и 2600 вооруженных горожан. Запасов продовольствия в городе было достаточно. Но мало было пушек и пороху.

Ксмендант крепости полковник Келин был готов драться до последнего солдата.

Несмотря на свои обещания шадить пехоту, Карл 3 апреля попробовал взять город неожиданным ударом. 1500 шведов бросилось на приступ без всякой подготовки.

Защитники легко отбили их.

Тогда в действие вступил Гилленкрок. Шведы стали подводить к полтавским валам траншеи. Земляными работами занимались главным образом запорожцы.

Осажденный гарнизон ответил стремительными вылазками.

7 апреля полковник Келин выслал против передовых шведских позиций 1500 солдат. Они отбросили шведов и запорожцев и разрушили то, что удалось построить и выкопать шведам. Шведы потеряли 200 человек убитыми, русские — 82 убитыми и 150 ранеными.

С этого дня у крепостных валов шла непрерывная кровавая борьба. Шведы подводили траншеи, делали подкопы, закладывали мины.

Осажденные регулярно шли на вылазки, разрушали траншеи, вели контрподкопы, разряжали шведские заряды.

14 апреля Карл под пулями русских стрелков объехал полтавские укрепления. Увидев, что один из участков вала ниже других, он плетью показал на него Реншильду:

— Атаковать надо здесь. Сегодня же. Мне надоело сидение под этими жалкими кучами земли!

На приступ пошло 3000 шведских пехотинцев. Но полковник Келин — опытный офицер — быстро перебросил сюда все свободные силы.

Шведы прорвались на вал. Казалось, вот-вот они хлынут в город. Но русские резервы все прибывали. Наконец, комендант стянул на участке штурма до 4000 штыков — и солдат, и вооруженных горожан. Атакующие были сброшены с вала.

Шведы потеряли до 500 человек, русские — 142 убитыми и 182 ранеными.

Гарнизон крепости нес большие потери. Кончался порох. Было ясно, что без помощи Полтава может пасть.

Петр был в Азове. Русской конницей, блокировавшей шведскую армию, командовал Меншиков. Его отряды стали нападать на шведов со всех сторон, отвлекая их силы от осажденного города.

К концу апреля Карл сосредоточил у Полтавы всю свою армию. Он готовился к решительному штурму.

4. ГОЛОВИН ПРОРЫВАЕТ ОКРУЖЕНИЕ

В ночь на 15 мая из русского лагеря за рекой Ворсклой вышло в полной тишине 900 солдат. Их вел бригадир Головин. Каждый солдат, кроме своего оружия, нес еще груз пороха и свинца.

В темноте колонна подошла к броду на Ворскле, солдаты разделались и, держа над головой оружие, одежду и груз, перешли на берег, занятый шведами. Они переправились в том месте,

где к реке примыкали обширные и глубокие болота. Шведских дозоров потому здесь не было. По пояс, а то и по грудь в болотной жиже шли солдаты Головина в сторону Полтавы...

Болота кончились недалеко от города. Одевшись и приготовившись к бою, солдаты неожиданно ударили на шведский заслон, прорвали его и вышли к полтавским валам.

Теперь у осажденных было довольно зарядов и прибавилось людей.

Что ни день, шведы подвергались жестоким атакам то из Полтавы, то со стороны русских летучих отрядов. Иногда удары эти совпадали. И тогда шведы несли особенно большие потери.

Для связи с осажденным городом Меншиков организовал «артиллерийскую почту». Пушку заряжали полым ядром, в которое вкладывали письмо, и стреляли в определенное место внутри города. А там находили это ядро и вынимали послание. Так же поступали и артиллеристы Келина. Над головами шведов летали русские письма.

4 июня под Полтаву приехал Петр.

На военном совете он предложил готовиться к генеральному бою, чтобы уничтожить шведскую армию. Его поддержал Алларт.

Были среди русских генералов и сторонники другого решения — дать возможность Карлу уйти за Днепр, покинуть российские пределы, не рисковать, ввязываясь в генеральный бой.

Ведь и ослабленная шведская армия — грозный противник, а самого Карла никто еще не побеждал. Ведь шведы станут драться отчаянно — у них нет иного выхода. Так, может быть, дать им отступить?

Но это означало, что война будет длиться и длиться. Карл снова соберется с силами, и снова надо будет ждать вторжения.

Совет решил вести дело к полному разгрому неприятеля.

5. КОРОЛЬ РАНЕН

В ночь на 17 июня Карла разбудил адъютант:

— Ваше величество! С русской стороны какое-то движение!

Карл, спавший не раздеваясь, вскочил на коня и, взяв с собой десяток конных гвардейцев, поскакал туда, где это движение караульные заметили. В темной степи трудно было что-нибудь различить. Вдруг впереди — недалеко от линии шведских кара-

улов — мелькнул огонек. Король с охраной двинулся на огонь. Они заставили лошадей идти шагом, чтобы противник не услышал топота.

Подъехав вплотную к освещенному костром кругу, Карл увидел нескольких казаков из русской армии, беспечно расположившихся на ночлег.

Пришпорив коня, король вынесся в освещенное пространство — к самому костру — и прыгнул на землю. Выстрелив из пистолета в упор в одного из ошеломленных казаков, Карл крикнул:

— Сдавайтесь!

Но казаки, схватив оружие, кинулись в темноту и оттуда стали стрелять в шведов. Пуля попала Карлу в ногу. Зарывав от боли и ярости, король упал. Гвардейцы подхватили его, посадили в седло и, отстреливаясь, увезли в лагерь.

Рана оказалась серьезной — пуля раздробила кость. Потребовалась немедленная операция, которую Карл перенес ни разу не застав. Но теперь он был надолго прикован к постели.

То, что король в такой важный момент выбыл из строя, не придало бодрости шведской армии.

А Петр готовился к решительному часу. Как и подобает большому полководцу, он принимал все возможные меры, чтобы наверняка обеспечить победу. Он стягивал к Полтаве все воинские части, которые только находились в этих районах. Было велено срочно доставить к войску 1000 пудов пороку — пушечного, ружейного и гранатного, большое количество бомб и ядер, 3000 лопат и 1000 кирок для строительства земляных укреплений.

20 июня вся русская армия перешла Ворсклу и остановилась в пяти верстах от шведского лагеря.

Кавалерийские налеты на шведов становились все более дерзкими и массированными.

22 июня в шведский лагерь прибыли послы крымского хана. Хан обещал скоро выступить на помощь королю.

В осажденной Полтаве снова стали подходить к концу боеприпасы.

Русская армия медленно придвигалась к шведской.

Карл XII не мог встать с постели и лежа принимал доклады своих генералов. По этим докладам все шло как нельзя лучше.

21 и 22 июня шведы трижды штурмовали Полтаву. Все три раза им удавалось ворваться на валы. И все три раза их сбрасывали оттуда после яростного рукопашного боя.

За эти два дня русский гарнизон потерял 1319 человек, а шведы — 2200.

Расстояние между шведским лагерем и русской армией сократилось до трех верст...

6. ПЕТР ВЫБИРАЕТ ПОЛЕ БОЯ

Теперь оставалось выбрать поле сражения.

Генералы Алларт и Ренне советовали заманить шведов к деревне Петровке, перед которой лежала довольно широкая равнина, и там дать бой по всем правилам военной науки. Но Петр с ними не согласился. Он хорошо помнил, какую услугу оказала ему при Лесной неровная, покрытая лесами местность.

Он выбрал другое место для генерального сражения.

В двух верстах от шведского лагеря, в лесах, окружавших деревню Яковцы, Петр нашел длинную прогалину. Северный ее конец, расширяясь, упирался в глубокие овраги, а южный выходил к шведскому лагерю под Полтавой.

Петр решил встать в северном конце, лишив шведов свободного маневра. Для нападения на русскую армию у них оставался только один путь — вдоль опушки леса, по прогалине.

Петр приказал устроить укрепленный лагерь — ретраншемент — в том месте, где прогалина расширялась. Но не поперек ее, а вдоль опушки леса — атаковать русские укрепления в лоб шведы теперь не могли. Им пришлось бы перестраиваться для атаки перед русским фронтом.

Петр часами ездил по месту будущего сражения, продумывая каждую деталь, отдавая множество приказаний. Он хотел действовать наверняка.

Поперек прогалины — в полверсте от ретраншемента — Петр велел срочно соорудить 6 редутов. А перпендикулярно к этой линии приказано было поставить еще 4 редута.

После битвы европейские полководцы восхищались остроумием и находчивостью Петра, столь необычно расположившего передовые укрепления. Петру было важно сбить первый наступательный порыв шведов, а придуманное им расположение редутов не только останавливало движение неприятеля, но и рассекало его колонны. И это сыграло большую роль в предстоящей битве...

Русские полки взялись за лопаты.

Петр ничего не забывал. Он помнил, что под Нарвой и на реке Бабич Карлу принесла успех внезапная стремительная

атака. Если на пути шведского наступления встанут редуты, ни о какой внезапности и стремительности речи уже не будет. Петр лишил шведского короля его главного преимущества.

7. ПОЛКОВОДЕЦ ГОВОРИТ С ПОЛКАМИ

24, 25 и 26 июня шло строительство редутов и укрепленного лагеря.

Утром 26 июня Шереметев доложил Петру, что к шведам бежал унтер-офицер Семеновского гвардейского полка. Петр встревожился. Гвардейские унтер-офицеры знали многое. Изменник мог сообщить Карлу о скором подходе 40 000 башкирской и татарской конницы от Урала. Он мог рассказать Карлу о том, что среди русских пехотных полков один целиком состоит из новобранцев.

В эти последние дни перед решающей битвой царь произвел смотр войскам.

В полдень 26 июня он построил пехотные полки и указал каждому полку место в предстоящей битве.

Затем царь объяснил командующему артиллерией генералу Якову Брюсу, как будут расположены батареи.

После этого он поскакал к своей гвардии.

Перед ним застыли преображенцы и семеновцы... Двадцать два года назад пятнадцатилетним мальчишкой собрал он два эти полка. Сколько бурных и страшных событий прошло за эти годы! Стрелецкие бунты, борьба за престол с царевной Софьей, первые походы на Азов, путешествия в европейские страны, разгром под Нарвой... А его гвардейцы... Чего только им не приходилось делать за два десятилетия! Они строили корабли и редуты, они сражались с турками и крымской конницей, они штурмовали крепости и брали на abordаж многопушечные суда. Сколько раз уже мерялись они силами с прославленными шведскими полками!

И вот через несколько часов решится судьба всего дела, всей русской армии, всей России...

Петр снял шляпу и молча всматривался в лица солдат. Многих из них он знал с детства.

Потом он заговорил.

Он говорил о том, что Карл уже назначил шведского генерала Спарре комендантом Москвы, что шведский король уже решил разделить Россию на малые княжества. Он напомнил солдатам, сколько трудов несли они вместе для величия своего государства.

Он напомнил гвардии, что долг каждого солдата и офицера в бою — стоять насмерть:

— Которые на бою уступят место неприятелю, почтутся за нечестных и в числе добрых людей считаются не будут!

Когда Петр кончил говорить, ему ответил от лица всей гвардии генерал-лейтенант Михаил Голицын:

— Государь изволил труд наш, и верность, и храбрость добрых солдат видеть на баталии с Левенгауптом. Целый день воочию стояли с неприятелем, и не смешали шеренг, и места неприятелю не уступили! Четыре раза от пальбы ружья раскалялись так, что действовать и держать в руках невозможно было, а солдаты пальбы не прекращали! Уповаем и здесь такой же подвиг иметь!

— И я на доблесть и верность вашу уповаю, сыны мои! — крикнул Петр и поскакал дальше — к дивизии Алларта...

К вечеру 26 июня 1709 года Петр мог бросить в бой 40 000 штыков и сабель, не считая легкой конницы, главным образом казаков.

8. «ЭТОЙ НОЧЬЮ МЫ АТАКУЕМ!»

Царь был прав, когда решил, что сведения, сообщенные Карлу перебежчиком-семеновцем, ускорят сражение. Поговорив с русским унтер-офицером, король понял, что медлить нельзя.

Вечером двадцать шестого числа он вызвал в свой шатер фельдмаршала Реншильда.

— Этой ночью мы атакуем русских! — сказал король.

Реншильд был поражен. Несколько часов назад, когда они совещались с Карлом, о сражении не было речи. Он начал было говорить, что благоразумнее было бы подождать еще два дня, подготовиться, собрать стоящие в отдалении полки... Но король резко мотнул головой, и фельдмаршал умолк.

— Сообщите командирам полков о предстоящем бое. Передайте им мой приказ: к полуночи всей армии стоять в боевом порядке!

Реншильд поспешно вышел из шатра. Вскоре в лагере началось движение. Кавалеристы седлали коней, пехотинцы чистили оружие, точили штыки, офицеры осматривали место будущего построения...

К полуночи армия выстроилась перед лагерем. Освещенные пламенем костров, разложенных в интервалах между батальонами, и светом факелов, стояли полки, прошедшие со своим королем

Польшу, Саксонию, Литву, выигравшие десятки сражений и никогда не знавшие неудач. Но как поредели за последний год ряды этих полков! Сколько полегло неустрасливых «викингов», конных и пеших, в ледяной украинской степи, в белорусских болотах, под валами маленьких, но отчаянных русских крепостей, сколько полегло их под стенами упрямой Полтавы!..

И все же в ночь на 27 июня 1709 года угрюмые северные воины снова верили в победу. Да, Левенгаупта разбили при Лесной, да, Шлиппенбах терпел поражения в Лифляндии. Но ведь сам король всегда побеждал! Ведь полки, которые вел он сам, не знали поражений! Так будет и в этот раз!

Четверо огромных гвардейцев несли вдоль фронта носилки, в которых полусидел Карл. Иногда он делал знак остановиться и говорил несколько слов солдатам. Говорил, что надеется на их обычную храбрость и что победа, как всегда, будет с ними.

Потом он приказал поставить носилки на землю перед центром построения.

— Я проведу эти последние часы перед боем со своими солдатами.

Движением руки он велел генералам приблизиться.

— Я приглашаю вас, господа, пообедать со мной в шатре царя Петра,— сказал король.— Командовать войсками сегодня будет фельдмаршал Реншильд. Из-за этой нелепой царапины я не могу сесть на коня...

Карла лихорадило, у него был жар, мучительно болела простреленная нога. Он откинулся на изголовье и впал в забытие.

В 2 часа ночи Реншильд велел генералам встать во главе своих колонн и двигаться к русскому лагерю.

— Но еще слишком темно, мы можем сбиться с пути, и колонны придут в беспорядок,— возразил Левенгаупт.

— Командую армией я!— резко ответил ему Реншильд.— Выполняйте приказ!

Шведская армия двинулась.

На русские позиции шло около 15 000 пехоты и кавалерии. Все это были только регулярные шведские части.

Запорожцев и казаков Мазепы вместе с небольшим количеством шведских солдат Карл оставил блокировать Полтаву и охранять обоз.

Несколько конных полков, расположенных далеко от лагеря, к бою не успели.

9. ДРАГУНЫ ПРИНИМАЮТ УДАР

Шведы шли медленно и осторожно. Реншильд с генералами ехал впереди. Карла несли на носилках.

Справа и слева от синих шведских колонн выступали из предутреннего сумрака силуэты могучих деревьев. Слева был Будищенский лес, справа — Яковецкий.

Привядшая от дневного зноя трава на прогалине освежилась за ночь и была покрыта росой.

За Яковецким лесом небо быстро светлело — там вставало солнце.

А впереди шведы слышали непрерывный звонкий стук топоров. Русские торопились достроить 2 из 4 продольных редутов, которые не были еще готовы.

Русские разъезды давно уже заметили движение шведской армии. И когда авангард Карла приблизился к редутам, 17 полков русской конницы стояли в трехсотметровых промежутках между редутами, готовые к бою. Ими командовал князь Александр Меншиков.

Работа на недостроенных редутах прекратилась.

Около трех часов утра 27 июня 1709 года раздался первый залп великой Полтавской битвы. Это русские редуты встретили приближающийся шведский авангард.

Шведская пехота шла 4 колоннами. За ней конница — 6 колоннами.

После первых залпов Реншильд остановил армию. По его приказу конница, пройдя в интервалы между пехотными батальонами, ринулась на эскадроны Меншикова. Реншильд рассчитывал мощным ударом опрокинуть русских драгун, прорвать линию редутов и, не останавливаясь, атаковать главные русские силы.

Несмотря на сильный огонь редутов, шведы галопом доскакали до русской конницы и врубались в ее ряды. Драгуны Меншикова, яростно сопротивляясь, отошли за линию редутов. Вклинившиеся между укреплениями наступающие шведы оказались под перекрестным огнем. Атакующие смешались. Тогда на них ударили русские драгуны и отбросили обратно.

Шведская пехота успела ворваться в недостроенные редуты, но два других продольных укрепления держались.

Снова пошла в атаку конница. И снова Меншиков бросил ей навстречу своих драгун и после жестокой рубки отогнал. Под Меншиковым было убито две лошади — он дрался вместе со

своими конниками. Его помощник — генерал Ренне — был ранен.

Петр внимательно следил за боем. Он понимал, что одним меншиковским полкам не удержать натиска всей шведской армии даже с помощью редутов. Рано или поздно шведы опрокинут конницу. Этого нельзя было допустить. Ведь бой у редутов — только передовой бой. Для главного сражения нужно сохранить конные полки нерасстроенными.

После второй удачной контратаки к Меншикову подсказал посланный Петром офицер и передал приказ отходить к главным силам.

— Невозможно отступить! — закричал Меншиков. — Передай государю, что мы верх берем! Пускай пришлет мне три полка пехоты, и я шведам здесь хребет сломаю! Сейчас снова в палаши пойдем!

И он снова повел своих драгун в атаку и опрокинул передовые шведские эскадроны. Он вернулся из этой схватки, отбив у шведов 14 штандартов и знамен.

Но Петр вовсе не хотел, чтобы передовой кавалерийский бой превращался в генеральную баталию. Он снова велел Меншикову отходить. Он хотел действовать по своему плану. Меншиков опять отказался и снова потребовал пехоты.

А шведы все не могли взять оставшиеся 2 продольных редута. Как и предвидел Петр, эти редуты рассекли наступающие колонны. 6 батальонов генерала Росса и несколько эскадронов генерала Шлиппенбаха оказались значительно правее основных шведских сил. Реншильд с пехотой и конницей стал забирать влево — ближе к Будищенскому лесу, чтобы обойти поперечную линию редутов по опушке. А огонь с продольных редутов и атаки Меншикова все больше и больше отбрасывали Росса и Шлиппенбаха вправо. Наконец связь между Реншильдом и этими генералами прервалась совсем. Росс и Шлиппенбах отвели свои поредевшие батальоны и эскадроны на опушку Яковецкого леса и стали там, не зная, что делать дальше.

Петр сразу заметил это. Он послал Меншикову 5 батальонов пехоты и велел, взяв 5 конных полков, ударить на отрезанные шведские колонны.

Меншиков настиг Росса и Шлиппенбаха в лесу. Неожиданная атака смешала шведские ряды. Началось преследование и истребление. Оба генерала попали в плен.

Вместо Меншикова конницу у редутов возглавил генерал Боур. И когда он получил от царя приказ отводить полки, то немедленно это приказание выполнил. После очередной контр-

атаки Боур неожиданно для противника круто развернул свои эскадроны и галопом увел их с позиции.

Шведская армия ринулась за отступающими русскими драгунами. Проходя между редутами, шведы снова попали под жестокий огонь. Неся потери, они прошли линию укреплений и бросились дальше.

Конные полки Боура, уходя, подняли тучи пыли. За этой пылью шведские генералы не заметили, что их правый фланг вышел к ретраншементу.

И неожиданно для упоенных преследованием полков на них обрушился огонь десятков русских орудий.

Пушки ретраншемента били картечью. Пехота и конница правого фланга хлынули в сторону от ретраншемента, чтобы уйти из-под огня, и смешали остальные части.

Реншильд поспешно отводил армию на опушку Будищенского леса, чтобы перестроить ее и привести в порядок.

10. СУДЬБУ РЕШАЮТ ШТЫКИ

Расчеты Петра оказались совершенно правильными — первый порыв шведской армии разбился о линию редутов. Шведы понесли огромные потери. Отряды Росса и Шлиппенбаха, отсеченные от армии, разгромлены. В тылу у шведов остались 8 редутов с засевшей в них русской пехотой, которая постоянно угрожала противнику.

Петр понял, что надо выводить основные силы из ретраншемента и начинать решающую схватку.

Пока шведы приводили в порядок свои расстроенные полки в Будищенском лесу, русская армия строилась перед своими укреплениями.

Шел седьмой час утра.

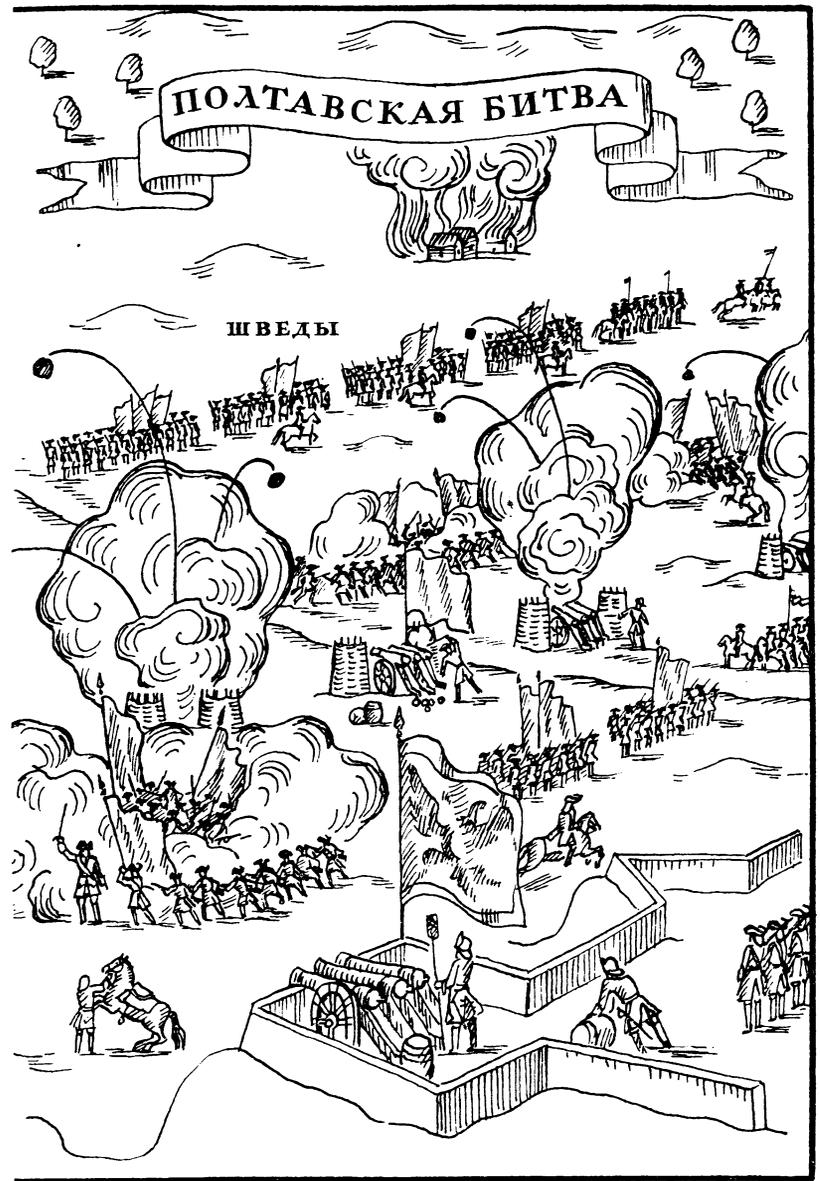
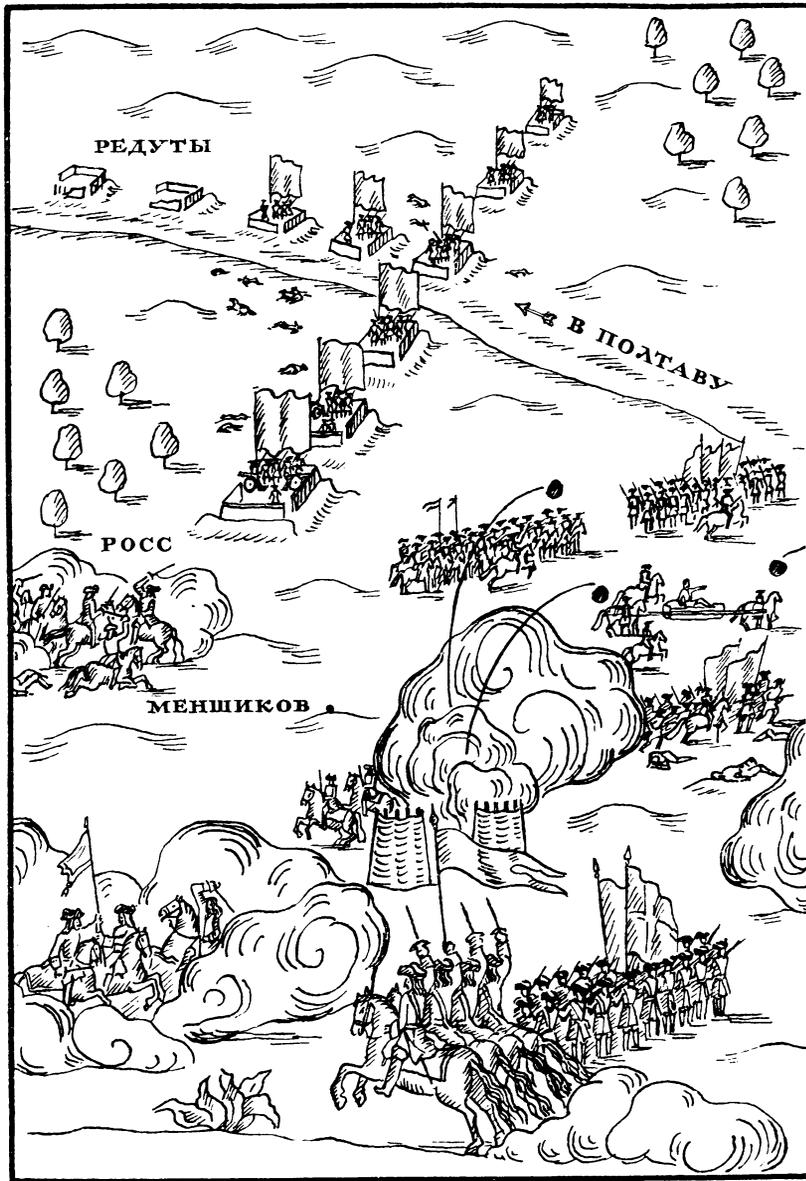
42 батальона русской пехоты выстроились в центре позиции в две линии. Второй батальон каждого полка встал сзади первого батальона, чтобы в случае надобности поддержать его.

На флангах позиции встала конница. 18 полков Боура на правом фланге, 6 лучших драгунских полков Меншикова — на левом.

В ретраншементе было оставлено 6 пехотных полков — это был общевойсковой резерв. Эти полки можно было направить в любое место боя.

Артиллерия встала перед боевыми порядками армии.

Петр выехал к фронту пехоты.

— Воины! — крикнул он. — Вот пришел час, который решит судьбу отечества! И не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество! Не должна вас смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого! Вы сами своими победами доказали, что это ложь! А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!

А на опушке Будищенского леса уже показалась шведская армия... Карла несли на носилках перед наступающим строем.

У шведов было 18 батальонов пехоты и 29 эскадронов кавалерии. Значительно меньше, чем у Петра.

Мощной русской артиллерии шведы могли противопоставить только 4 орудия. Для остальных пушек у них уже не было пороха.

Увидев, насколько шведская боевая линия короче русской, Петр тронул за плечо Шереметева:

— Смотри, Борис Петрович, как бы мой брат Карл, заметив, сколь наши фланги шведские превосходят, назад бы не подался... Надо отвести 6 полков с правого фланга и тем линию укоротить.

Шереметев и князь Репнин, которому было поручено командование всей пехотой, стали уговаривать Петра не сокращать число полков.

Но Петр хотел во что бы то ни стало навязать Карлу решающий бой.

— Победа не от множественного числа войск, а от помощи божьей и от мужества бывает, — сказал он генералам. — Храброму и искусному вождю и равного числа довольно...

6 драгунских полков правого крыла под командой генерала Волконского отошли в тыл и встали вместе с недавно подошедшими казаками гетмана Скоропадского.

В центре русской пехотной линии стоял Новгородский полк, один из лучших, испытанных полков. Но одет он был в этот день в серые мундиры новобранцев. Предполагая, что перебежавший семеновец расскажет шведам о наличии в армии плохо обученного полка новобранцев, Петр решил перехитрить противника.

Шведская армия приближалась.

Было девять часов утра.

Карл издали увидел серые мундиры, выделяющиеся на общем зеленом фоне, и указал на них Реншильду.

Один из шведских полков сомкнул ряды так тесно, что два его батальона по фронту заняли столько же места, сколько зани-

мал фронт одного батальона Новгородского полка. И эта монолитная, сверкающая сплошной линией штыков масса как таран ударила в строй новгородцев.

Расколочив первые ряды русских, шведы штыками и прикладами проламывали себе путь. Они стремились прорвать центр и рассечь русскую армию пополам.

Напор оказался так неистов, что новгородцы подались назад. Минута была страшная. Если бы шведам удался их замысел, положение русских войск стало бы очень опасным: в прорыв хлынули бы другие шведские части, правое и левое крыло армии потеряли бы связь между собой.

Петр спрыгнул с коня и бросился ко второму Новгородскому батальону. Выхватив свою длинную тяжелую шпагу, он повел новгородцев на помощь их однополчанам. Батальон встретил прорвавшихся шведов страшным штыковым ударом и отбросил назад. Сплошная линия центра была восстановлена.

На русские боевые порядки надвигались лучшие шведские полки — Упландский, Кальмарский, Иончепингский, Ниландский, королевская гвардия.

Русская артиллерия в упор била картечью и ядрами. Идущие впереди шведские офицеры почти все погибли в первые полчаса боя.

Ядро попало в носилки, на которых Карла несли впереди наступающих полков. Носилки были разбиты, но Карл уцелел. Он только лишился чувств, ударившись о землю.

Гвардейцы тут же скрестили несколько пик и посадили на них короля.

Орудийный и ружейный огонь русских полков все усиливался. Один за другим были убиты вокруг Карла 24 гвардейца его личной охраны.

Шведы, чтобы избежать губительного огня, стремились скорее сойтись в штыковом бою. Они шли вперед.

И тогда Петр двинул первую линию русских батальонов им навстречу. Начался общий рукопашный бой в тучах горячей желтой пыли.

Многочисленная русская кавалерия стала обходить и теснить усталую шведскую конницу.

Шведская пехота не выдержала встречного удара. Силы ее были подорваны огнем русской артиллерии и маршем на редуты.

К тому месту, где уцелевшие телохранители держали на скрепленных пиках Карла, подлетел на взмыленном коне потерявший голову Реншильд:

— Ваше величество! — закричал он. — Пехота погибла! Молодцы, спасайте короля!

Крик этот услышали окружающие. По шведским рядам стала распространяться паника. Напрасно Левенгаупт, Спарре и Гилленкрюк пытались ободрить солдат.

Шведы побежали.

11. «ХОРОШО ЖЕ ВЫ ОТБЛАГОДАРИЛИ УЧИТЕЛЕЙ!»

В тылу наступающей русской пехоты стояли десятки свежих батальонов второй линии и резерва, готовые поддержать напор дерущихся полков. Но в этом не было надобности. Шведскую армию опрокинули 10 000 солдат первой линии.

Армия Карла отступала в полном беспорядке.

А в это время батальоны, разгромившие в лесу Росса и Шлиппенбаха, взяли штурмом шведский лагерь и захватили все, что там хранилось.

Было одиннадцать часов.

Конница преследовала бегущего неприятеля. А к шатру Петра уже вели пленных шведских генералов и несли знамена.

Принесли разбитые носилки Карла. Но самого короля найти не могли.

— Неужели я не увижу сегодня моего брата Карла? — спрашивал Петр.

Он снял с головы треуголку и увидел, что она прострелена насквозь. Засмеявшись, он показал ее окружающим. Потом он растегнул мундир. Большой медный крест, висевший у него на груди, был погнут ударом пули.

Когда высшие шведские офицеры были собраны в русском лагере, Петр сказал им:

— Мой брат Карл приглашал вас всех в мой шатер на обед. Благодарю вас, что прибыли. А вот брат мой Карл не пожаловал. А я сердечно желал бы с ним нынче отобедать!

Во время обеда Петр поднял первый тост за здоровье своих учителей в ратном деле — шведов.

Шведский министр граф Пипер ответил ему с горькой усмешкой:

— Хорошо же вы, ваше величество, отблагодарили своих учителей!

Петр засмеялся.

А на боевом поле и вокруг редутов лежало более 8000 убитых

шведов. Русские драгуны и казаки рубили по окрестным лесам и полям отставших от армии беглецов.

Русские потеряли убитыми и ранеными 4625 человек.

Через несколько часов после победы Петр написал адмиралу Апраксину на Балтику: «Ныне уже совершенно камень в основание Петербурга положен...»

Вечером того же дня Петр послал генерала Боура с 10 драгунскими полками и генерала Голицына с Семеновским полком вслед шведской армии, отступающей к Днепру.

На следующий день семеновцев и драгун догнал Меншиков и принял начальство над всем отрядом.

12. КАТАСТРОФА У ПЕРЕВОЛОЧНО

Остатки шведской армии уходили по выжженной солнцем пыльной степи. Карла везли в карете. Гвардеец, сидевший на козлах, гнал лошадей. В любой момент могла появиться русская погоня.

Рядом с каретой скакали Левенгаупт и Мазепа.

Скакали всю ночь.

Возле деревни Кобеляки карета сломалась. Короля пересаживали на лошадь и помчались дальше.

Конница шла вплотную за королем и генералами. Пехота отставала.

Вскоре лошадь под Карлом пала от усталости. Его пересадили на другую лошадь и поскакали дальше.

От тряски рана снова открылась. Но не было времени останавливаться и делать перевязку. Уже было известно, что русские догоняют.

В селе Новые Стенжары решили все-таки остановиться на ночлег, чтобы раненый король мог хоть немного отдохнуть. Но не успел Карл заснуть, как его разбудил Левенгаупт:

— Ваше величество! Надо ехать дальше — русские близко.

— Делайте что хотите! — ответил Карл.

29 июня шведы достигли, наконец, села Переволочно на Днепре. Здесь была раньше переправа. Здесь запорожцы держали множество лодок, которыми шведы надеялись воспользоваться. Но еще до Полтавской битвы русский отряд напал на охранявших лодки запорожцев, выбил их из села, а лодки сжег...

С трудом отыскивали несколько лодок, чтобы переправить через Днепр короля, Мазепу и охрану.

Утром 30 июня к Переволочно собралась уцелевшая под Пол-

тавой часть шведской пехоты. Солдаты были так изнурены боем и трехдневным почти безостановочным отступлением по жаркой безводной степи, что отказались выполнять приказы. Генералы хотели немедленно идти к устью реки Ворсклы и переправляться на другой берег — в татарские владения. Но, увидев, что солдаты готовы взбунтоваться, отложили поход и переправу на другой день.

А русские приближались.

Шведские генералы окружили своего короля и стали уговаривать его, не теряя времени, сесть в лодку и переплыть Днепр. За Днепром были турецкие земли.

Ворскла была уже и мельче Днепра, и армии было легче перейти через нее, чем через широкий Днепр. А король со свитой мог переправиться через Днепр на единственной имеющейся лодке.

Карл яростно отказывался бежать. Генералы настаивали.

— Я сяду на коня! — кричал Карл, и лицо его пылало от лихорадки. — Мои солдаты, увидев меня на коне, забудут о поражении! Они ринутся в бой с прежней своей храбростью! Мы победим! В истории было множество случаев, когда армии, только что разбитые, через несколько дней громили торжествующего врага!

Генералы молчали, опустив головы. Они-то знали, что королю не сесть на коня, что солдаты измучены и подавлены, что у армии нет ни пороха, ни пуль... Наконец Карл сдался.

— Легче душе моей расстаться с телом, чем мне с моей армией, — тихо сказал он. — Но уж лучше турецкая земля, чем русский плен...

Он позволил посадить себя в лодку. Несколько гвардейцев сели на весла. Шведский король навсегда покинул страну, которую он еще недавно считал легкой добычей...

Около двух тысяч шведов и запорожцев верхом на конях поплыли за королевской лодкой. Часть из них утонула в Днепре. А выплывшие поскакали за Карлом через пышущую зноем степь к турецкой крепости Очакову.

А через три часа на высотах, окружающих Переволочно, показались передовые разъезды Меншикова.

К утру 1 июля 1709 года остатки шведской армии были полностью блокированы и прижаты к Днепру.

Меншиков прислал к Левенгаупту, командовавшему шведскими полками, парламентаря с требованием сдаться немедленно и безоговорочно.

Левенгаупт собрал командиров полков и спросил у них, будут ли солдаты драться. И получил ответ — солдаты драться не могут и не хотят.

16 000 шведов и запорожцев без боя сложили оружие.

Вторгнувшаяся в Россию шведская армия перестала существовать.

13. ПОБЕДА ОДЕРЖАНА — ВОЙНА НЕ КОНЧЕНА

План разгрома шведской армии, который Петр предложил почти четыре года назад в Жолкиеве, был выполнен. Неприятель измотан, обессилен и уничтожен.

Но погибла только экспедиционная шведская армия. Ее гибель была тяжким ударом для Швеции, однако воевать страна еще могла.

В Польше и Померании шведский генерал Крассау мог собрать около 22 000 штыков и сабель. 10 000 было сосредоточено в Финляндии. В самой Швеции находилось около 30 000 солдат. Станислав Лещинский мог выставить до 15 000 своих сторонников. А главное, Швеция располагала мощным военным флотом, который господствовал у берегов Скандинавии.

Петр понимал: для того чтобы заставить Швецию заключить выгодный для России мир, необходимо наносить ей удар за ударом, теснить ее на море, угрожать ей десантом, отбить у нее последние владения в Германии и Финляндии. Иначе вернувшийся от турок Карл снова сможет собрать большие силы и снова угрожать России.

Борьба не кончена...

Но положение России в Европе сразу же изменилось.

Война за Испанское наследство продолжалась. Франция была в положении почти безнадежном. Только гордость не позволила Людовику XIV подписать мир с Англией, Голландией и Австрией.

Победа Петра под Полтавой встревожила Англию и ее союзников. Если Россия окончательно разгромит шведов, то останется ли она нейтральной? Не вступит ли страна-победительница со своей огромной сильной армией в союз с Францией?

Петр сразу же после Полтавы возобновил военный союз с Августом и предлагал возобновление союза Дании. Это тоже тревожило Англию и Голландию — датские войска сражались против Франции вместе с их армиями. А если Дания начнет войну со Швецией, то она отзовет свои войска.

Теперь английские дипломаты прилагали все усилия, чтобы помирить Петра с Карлом на условиях, приемлемых для Швеции. Но Карл не желал отдавать ни пяди своих владений на Балтике, а Петр после Полтавы хотел оставить за собой все земли, добытые такими трудами и такой кровью.

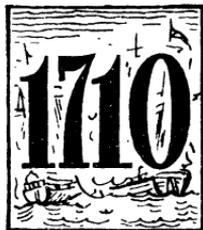
Франция тоже старалась привлечь Россию на свою сторону и помирить со Швецией.

Но Петр твердо шел к цели.

Русские дипломаты сумели заключить союз с Данией, с немецким княжеством Ганновером, заручиться поддержкой Пруссии.

Русские конные полки вступили в Польшу. Станислав Лещинский бежал. Август вернулся на польский престол.

Теперь Петр мог начать наступление на саму Швецию.

ВОЙНА НА БАЛТИКЕ

1. ВПЕРЕДИ — ФИНЛЯНДИЯ

год был бурным. Петр решил в этом году наступать сразу на запад, на север и на юг. В марте сильный русский корпус стремительным броском по льду Финского залива вышел к Выборгу. Более 150 верст по ледяной пустыне... Днем и ночью — один лед.

В начале мая сам царь повел к Выборгу флот среди едва тронувшихся льдов. Несколько раз корабли оказывались на краю гибели. Но флот пробился к крепости.

Выборг пал.

Вслед за ним пал Кексгольм.

Дорога в Финляндию была открыта.

На западе Шереметев взял Ригу и Ревель.

На юге дела шли не так удачно. Русская армия, двинувшаяся против Турции, попала во главе с Петром в окружение на реке Прут. Но после жестокого боя, в котором poleglo 7000 янычар, турки согласились заключить мир. Петру пришлось уступить значительную территорию, но южная граница на некоторое время была в безопасности.

Можно было идти на Финляндию, а оттуда — на Швецию...

Финляндия была сплошь покрыта дремучими лесами. Бурные холодные реки пересекали ее. Многочисленные лесные озера,

болота, овраги — все это помогало обороняться и мешало наступать. В финских лесах можно было выбрать сильные позиции, так хорошо прикрытые самой природой с флангов, что обойти их было почти невозможно. Пришлось бы делать обходы в сотни верст.

Финский берег был изрезан заливами, бухтами. Тысячи мелких островов — шхер — создавали гигантский лабиринт. Большим кораблям здесь делать было нечего. Тут могли действовать только галеры.

Климат Финляндии в петровские времена был еще суровее, чем сейчас, — лютые морозы и глубокие снега зимой, зной и гнус летом. Весной и летом густые туманы. Осенью — бури.

Воевать в Финляндии было трудно.

Немногочисленное население страны — финны жили бедно, еле могли прокормить себя на небольших расчищенных полях и приречных лугах. Где же тут взять провиант и фураж для большой армии?

Но Петр и его генералы по опыту знали: разумным и кропотливым воинским трудом эти трудности можно преодолеть.

Сразу оккупировать всю страну не было никакого смысла, да и возможности не было. Двигаться по бездорожью, когда в лесах рвется связь между походными колоннами, опасно. Неприятель, знающий местность, может бить наступающих по частям. Тащить за собой обозы с запасами в таких условиях невероятно трудно. Зато очень легко оторваться от своих тыловых баз и остаться без продовольствия и пороха.

Снабжение армии на войне не менее важно, чем храбрость и дисциплинированность солдат. Петр это прекрасно понимал. Карл XII, погубивший в России закаленную армию, только что эту истину подтвердил...

И Петр решил вначале двигаться не в глубь Финляндии, а вдоль побережья. Здесь у армии был могучий союзник — галерный флот. Захватив побережье, русская армия отсекала шведский корпус от Швеции. Ведь все подкрепления в Финляндию везли морем.

В прибрежной полосе не могло быть неприступных позиций для обороны. Один фланг — со стороны моря — всегда оставался открытым. Высаженный с галер десант мог обойти и ударить в тыл любой позиции.

У шведов не было галерного флота. А их грозные многопушечные корабли с глубокой осадкой в шхерах были бесполезны.

Но в открытом море и на глубоких местах вблизи берегов шведский флот господствовал.

Летний поход 1712 года удачи русским не принес. Любекер укрепился на сильной позиции. Галеры Боциса могли высадить десант и помочь обойти шведов. Но это привело бы к затяжной операции, а провиант и фураж русского корпуса кончались.

Апраксин и Голицын решили отступить к Выборгу.

Зимнее наступление 1713 года тоже не состоялось — Турция вновь порвала отношения с Россией и грозила новой войной. С трудом удалось этой войны избежать.

Но время не шло даром — войска Ингерманландского корпуса пополнялись рекрутами и переброшенными из других частей России батальонами, всю зиму строились новые галеры и ремонтировались старые.

2. ГАЛЕРЫ — НА ГЕЛЬСИНГФОРС!

2 мая 1713 года русский галерный флот двинулся от Котлина к городу Гельсингфору.

Авангардом командовал сам царь, центром — Апраксин, арьергардом — Боцис.

От Финского залива, еще покрытого редкими льдами, веяло холодом. Но тем, кто сидел на веслах, мерзнуть не приходилось. Работать тяжелым веслом было куда как не легко. А первые трое суток суда шли почти не останавливаясь. Делали по 50—60 верст в сутки. Иногда только, когда дул попутный ветер, ставили паруса и отдыхали от гребли.

Шли вдоль берега. Корабельный флот Крюйса прикрывал галеры со стороны моря. До шхер было от Котлина далеко, и шведский флот мог на этом участке пути напасть на гребные суда.

Но шведы не пришли, а через трое суток русские подошли к шхерам. Галеры двинулись дальше между шхерами, а корабельный флот остался крейсировать у Березовых островов.

8 мая подошли на две версты к Гельсингфору и остановились.

Петр послал бригадира Чернышева с 6 скамповеями на разведку. Скамповеи Чернышева приблизились к самому берегу и вызвали на себя огонь шведских батарей.

Вернувшись, бригадир доложил, что берег укреплен земляным бруствером и в сторону моря смотрят пушки трех батарей. Расположение батарей он показал на карте.

Собран был военный совет — Петр, Апраксин, Голицын, Ботис. Было решено провиантские суда оставить сзади, а остальному флоту идти к городу и завязать перестрелку.

10 мая галеры тремя отрядами развернулись на гельсингфорсском рейде.

Стоя на носу раскачивающейся галеры, глядя на город, на серые валуны побережья, на серые волны, бегущие к берегу, Петр думал о том, что будет он делать, взяв Гельсингфорс. Он думал о будущих трудах — где основать базу флота, куда двинуть галеры после боя...

Но вот ударили первые выстрелы. Шведские ядра с шипением врезались в балтийскую воду. Вот ядро глухо ударило в борт галеры, закричали раненые. С русских прамов — бомбардирских судов — ответили пушки и мортиры.

Петр оглядел рейд. Несколько островов оказались в тылу флота, стесняя его движения в случае маневра. Флот стоял напротив самых укрепленных участков берега.

Петр отдал приказ сдвинуться южнее.

Поднялся ветер. Видно было, как серые валы разбиваются о низкий берег. Высаживать десант в такую погоду было опасно — галеры могло выбросить на отмели, разбить на прибрежных камнях.

Артиллерийская дуэль продолжалась до ночи. А в ночь на 11 мая Петр снова созвал на своей галере генералов.

Они сидели в низкой каюте. Волны били о борта галеры. Пушки молчали, и только на праме время от времени грохала мортира, бросавшая бомбы в горящий Гельсингфорс. Из круглого окошка каюты было видно зарево.

Был совет в Жолкиеве... Был совет в Бешенковичах... Тогда думали: как бы не впустить Карла в Россию, как бы Москву не отдать...

Теперь совет на гельсингфорсском рейде — в шведских водах. Думают, как бы скорее добраться до Стокгольма. Много крови и воды утекло за эти годы...

Петр предложил такой план: основные силы Апраксина и Ботиса высаживаются, как только поуляжется волнение, юго-западнее укреплений, на обширный мыс, и атакуют шведов с тыла и фланга. Галеры царя высаживают десант на гельсингфорсскую косу — прямо перед батареями, чтобы отвлечь внимание шведов. А правее царского отряда пойдет отряд генерала-майора Волконского и полковника Толбухина, героя боев под Петербургом.

Светлая северная ночь не мешала бою. В три часа пополудни русский флот двинулся к берегу. Шведы немедленно открыли бешеный огонь из пушек и ружей. Солдаты на передовых галерах падали один за другим. Все время приходилось сменять убитых и раненых гребцов...

Пока галеры Петра и Волконского атаквали в лоб, отряды Апраксина и Боциса почти без помех высадились в намеченных местах и двинулись к горящему городу. Со стороны их наступления Гельсингфорс был почти не защищен. Командовавший гарнизоном генерал Армфельд не ждал такого глубокого обхода.

Внезапно канонада смолкла... Когда русские батальоны подошли к городу, он был пуст и объят пламенем. Шведы ушли, уводя с собой жителей и предав огню склады и дома.

Гарнизон ушел в город Борго на соединение с корпусом Любекера.

Петр сразу же бросил флот на Борго. Но шведы не приняли боя и отступили.

Следующей крупной целью был город Або, стоящий на побережье вблизи Аландских островов. Петр решил методично и постепенно двигаться вдоль берегов Финского залива, вытесняя врага.

Завоевание Финляндии началось.

3. ПОБЕДУ ВЕЗУТ НА ПЛОТАХ

Чтобы закрепиться в Финляндии, необходимо было разгромить шведский корпус Армфельда.

20 сентября Апраксин выступил к городу Тавастгусу и после форсированного марша подошел к нему. Но Армфельд не стал защищать Тавастгус. Он отступил и занял позицию на реке Пелкиной.

Позиция была выбрана прекрасно. Перед фронтом шведов текла глубокая и быстрая река. Пехота вообще не могла перейти ее вброд, а конница могла перейти только в одном месте — на левом фланге, возле впадения реки в озеро Маллас-веси. Это озеро прикрывало левый фланг Армфельда, а правый фланг упирался в другое озеро — Пялкене-веси.

Шведский берег был выше русского. С русской стороны к реке подходил широкий луг, который отлично простреливался.

Осмотрев местность, Апраксин и Голицын поняли, что прямой атакой Армфельда опрокинуть будет трудно.

— Надо обходить, Федор Матвеевич,— сказал Апраксину Голицын.

Они выехали верхом на опушку могучего соснового леса, подступавшего к приречному лугу. Ближе к озерам среди зеленых сосен и елей толпились ярко-желтые березы и коричнево-красные осины. Небо было прозрачно-голубым, и голубизна его отражалась в реке и глади Маллас-веси.

Все это было так красиво, что залюбовавшийся Апраксин не сразу ответил Голицыну.

— Надо обходить, Федор Матвеевич,— повторил тот.— Если идти в лоб, то солдат без счета положим, а добудем ли викторию — сомнительно...

— Обходить-то обходить,— ответил неторопливый, тучный Апраксин,— да ведь без изрядного числа лодок через озеро не прыгнешь...

— Смотрите! — Голицын указал на лесистый мыс, далеко вдававшийся в озеро.— От шведов не видно, что за сим мысом творится. А мы там свяжем плоты...

Апраксину мысль понравилась. Они поскакали к заливу, скрытому мысом. На берегу стояли могучие сосны, было много и сушняка. Деревья подходили к самой воде. И берег был не болотистый, твердый.

Несколько сотен солдат сразу начали валить лес для плотов.

Остальные полки строили земляные укрепления перед фронтом шведской позиции, устанавливали орудия.

Через три дня плоты были готовы. Голицын отобрал для десанта 6000 лучших солдат.

4000 пехоты и столько же конницы готовились атаковать Армфельда с фронта, чтобы отвлечь внимание.

К вечеру 5 октября 1713 года резко похолодало, небо заволкло тучами. Ночь наступила ненастная. А к утру озеро покрыл густой молочно-белый туман.

Завернувшись в свои суконные плащи, солдаты сидели на мокрых качающихся плотках и ждали сигнала к отплытию.

Около пяти часов утра Голицын спустился к воде и ступил на скользкие бревна.

— Ну что, ребята,— сказал он, разглаживая длинные усы,— продрогли? Вот шведы вас скоро погреют — дайте только до того берега добраться!

Солдаты зашевелились, заулыбались. Они любили своего генерала, который всегда шел с передовым отрядом — и на марше, и в атаку.

Длинными шестью оттолкнулись от берега, повели плоты по мелководью. Когда стало глубоко, заработали длинные, массивные весла. За первым — голицынским — плотом медленно двигались остальные. Тяжелый туман плыл навстречу десанту, оседая тусклыми каплями на войлоке солдатских шляп, на сукне плащей. Сырой пленкой покрылись стволы ружей.

Гребцы старались опускать весла в воду как можно тише. Почти ничего не было видно вокруг. Только иногда в разрывах тумана слабо проступали ветви сосен на правом берегу. Голицын всматривался в берег, стараясь не потерять верное направление.

— Левее, левее, ребята! А то в такие места заплывем, где одни медведи, а шведов и в помине нет!

Не видно было сзади плывущих плотов. Только по слабому плеску можно было понять, что они не отстают...

Скоро должны были доплыть... Солдаты откинули мокрые полы плащей, обтерли руками мундиров ружья, привстали на шатких бревнах... Голицын попробовал, легко ли ходит в ножнах палаш... Водоросли зашуршали по днищу плота, стали цепляться за весла...

— Приготовиться, ребята!

Вдруг туман распахнулся, плот с тяжким хлопаньем сел на торфяную мель и перед Голицыным открылся берег — болотистый луг, опушка сосняка. А на опушке замерли три конных шведских отряда...

— Вперед, ребята!

Солдаты, увязая по колено, ринулись за генералом к берегу. Те, кто выскакивал на сушу, сразу же строились для отражения атаки.

Шведы только сейчас заметили десант — спасибо туману!

Первыми выстроились два полка генерала Бутурлина.

Шведские кавалеристы атаковали десант, но были отброшены огнем и штыками. Однако скоро им на подмогу подошли два пехотных полка.

У русских успел высадиться только первый отряд. Шведская пехота начала бить залпами по батальонам Бутурлина.

Положение отряда стало опасным. С фронта напирали многочисленные шведы — пехота и конница. Сзади плескались ледяные волны озера. Русские солдаты оказались зажатыми между неприятелем и водой.

Шведы готовились броситься в штыки, чтобы опрокинуть поредевшие батальоны в озеро. Но тут из пелены тумана показались два других десантных отряда.

БОЙ НА

РЕКЕ

ПЕЛКИНО

ШВЕДЫ

ШВЕДЫ

ГОЛИЦЫН

О. МАДАС-ВЕСИ

РУССКИЙ ЛАГЕРЬ

С плотов начался ружейный огонь. Высадившись левее Бутурлина, подоспевшие полки стали заходить во фланг шведам.

Голицын повел солдат вперед.

Первыми подались шведские кавалеристы, не выдержав залпов. Лишенная поддержки пехота тоже стала отступать.

А в это время войска Апраксина пошли на штурм главной позиции шведов на реке Пелкиной.

Драгуны форсировали реку на левом фланге, а пехота на небольших плотках перебралась под огнем на шведский берег. Шведы дважды отбрасывали солдат Апраксина к воде. Но с тыла приближалась стрельба. Это наступал десант Голицына.

Корпус Армфельда побежал.

4. АТАКА ПО ПОЯС В СНЕГУ

После поражения при Пелкиной шведские войска пали духом. Король сидел далеко в Бендерах у турок. Разоренная Швеция не могла прислать подкреплений. Все ее силы уходили на войну в Померании с датчанами, саксонцами и русским экспедиционным корпусом. Поскольку Дания снова вошла в союз с Россией, то шведскому правительству приходилось держать армию в самой Швеции — ведь Дания была рядом.

Финское население, видя, что русские одолевают, перестало так активно помогать шведам, как раньше.

Петр все это знал. Русские конные отряды ходили в рейды по самым глухим районам Финляндии — собирали сведения, брали «языков».

Петр понимал, что Армфельду нельзя давать долгих передышек, надо пользоваться унынием в его войсках, усталостью шведского корпуса. И царь приказал Голицыну готовиться к зимней кампании.

Голицын отобрал из пехотных полков лучших солдат и составил из них 8 батальонов — 5588 штыков.

Конницы он брал с собой 2907 сабель. Командовал конницей бригадир Чекин.

Были сформированы и специальные лыжные отряды. Артиллерии брали мало, чтобы легче было двигаться. Обоз тоже был легкий.

Армфельд, узнав о русских приготовлениях, сосредоточил все свои силы у прибрежного города Ваза.

7 февраля 1714 года корпус Голицына выступил к Вазе.

Дорога шла по густым финским лесам. Она еле виднелась

среди непролазных снегов, а иногда во время сильных метелей ее и вовсе заносило. Деревень по пути почти не встречали. Ночевать приходилось прямо на снегу. Тут же у бивака валяли деревья, пилили, кололи дрова. Сырые поленья горели плохо. Едва удавалось сварить жидкую похлебку. А к похлебке было по сухарю на солдата. Припасов взяли с собой совсем мало. С тяжелым обозом по такому пути далеко не ушли бы.

Короткий сон — и снова вперед по еще темному предрасветному лесу.

Гигантские обледенелые ели и сосны смотрели на обмороженных, худых солдат. С трудом шли, утопая в снегу, драгунские и казацкие кони.

Но корпус неуклонно делал в день по 25 верст.

Князь Голицын ехал в кавалерийском авангарде. Все сведения передовых разведывательных отрядов сходились к нему.

Когда подошли близко к расположению шведов, разведка взяла «языков». И Голицын узнал, что у Армфельда около 8000 штыков и сабель да еще 5000 финских ополченцев. Стало быть, силы противника намного превосходят русский корпус.

Но знал Голицын и другое. Знал он, что шведы устали воевать и в победу уже не верят, а согнанные насильно и кое-как вооруженные финские крестьяне серьезной боевой силы не представляют.

Он решил идти вперед и атаковать. Он писал Апраксину: «Ежели неприятель будет отдаляться, буду за ним следовать и около Вазы велю разбить». Голицын не написал: «велю вступить в бой». Он написал: «велю разбить». Он не сомневался в победе.

А в шведском лагере было совсем другое настроение. Сам Армфельд считал необходимым дать бой, чтобы поднять дух полков. Но его офицеры, предвидя поражение, настаивали на отступлении. Командующий их не послушал. Но вдохнуть в них уверенность не мог. Он и сам понимал, что Швеция войну проиграла и одним даже очень удачным боем дело не спасешь...

Армфельд вывел свои войска из Вазы на реку Стор-Кюро возле деревни Лаппола. Шведы встали на большой поляне, через которую проходила дорога на Вазу. Поляну перерезала замерзшая река.

Трое суток шведские полки стояли в снегах, ожидая подхода русских. Наконец дозоры донесли, что Голицын приближается.

Армфельд выстроил войска так, чтобы перекрыть и дорогу

и реку. Ведь по замерзшей реке двигаться в лесах удобнее, чем по узкой дороге.

Но Голицын не собирался атаковать в лоб. Он хотел не просто выиграть бой, но уничтожить врага. Для этого ему надо было отрезать шведам пути отступления.

Русские колонны — левая пехотная, правая конная — рано утром 19 февраля двинулись в сторону Лаппалы. Но, не доходя 1,5 версты до позиций Армфельда, Голицын вывел батальоны и эскадроны на правый берег реки и глубоким обходом повел во фланг и тыл шведам. На реке были оставлены 3 драгунских полка и казаки — прикрывать обоз.

Путь русских батальонов и эскадронов лежал среди скал, по замерзшим болотам и чащам. Огромные сугробы вставали выше человеческого роста. Медленно, но неуклонно солдаты шли за своим генералом. Голицын, высокий, худой, ехал на выносливой казацкой лошади. Щеки его, как у большинства солдат, были обморожены, а длинные светлые усы обледенели. Мороз стоял трескучий.

Шведская разведка донесла Армфельду о русском маневре очень поздно. Он быстро отвел свои войска на левый берег и начал их перестраивать.

Вскоре из леса на противоположной стороне поляны показались первые русские роты.

Шведская артиллерия открыла огонь. Но пушек у шведов было мало. Особого рвения артиллеристы не проявляли. И когда Голицын выдвинул вперед свои орудия, шведская артиллерия и вовсе замолчала. Она сделала всего 64 выстрела.

За это время Голицын успел построить свои войска для боя.

В первой линии встали 5 батальонов пехоты, во второй — 3 батальона. По принятым в то время правилам на флангах должна была стоять конница, а артиллерия рассредоточиться по всему фронту.

Голицын — истинный ученик Петра — все сделал «не по правилам». Он расставил войска так, как того требовали условия, а не военная наука.

Пушки он собрал на флангах. Конницу в эскадронных колоннах поставил позади пехоты в шахматном порядке. Любой эскадрон в случае надобности мог быстро выдвинуться вперед.

Военная наука того времени требовала построения в две линии, а Голицын построил свой корпус в четыре. Он понимал, что Армфельд будет стараться сбить его с позиции и оттеснить в леса и болота. Другого пути для отступления не было.

БОЙ ПРИ Д. ЛАППОЛА

ОБОЗ

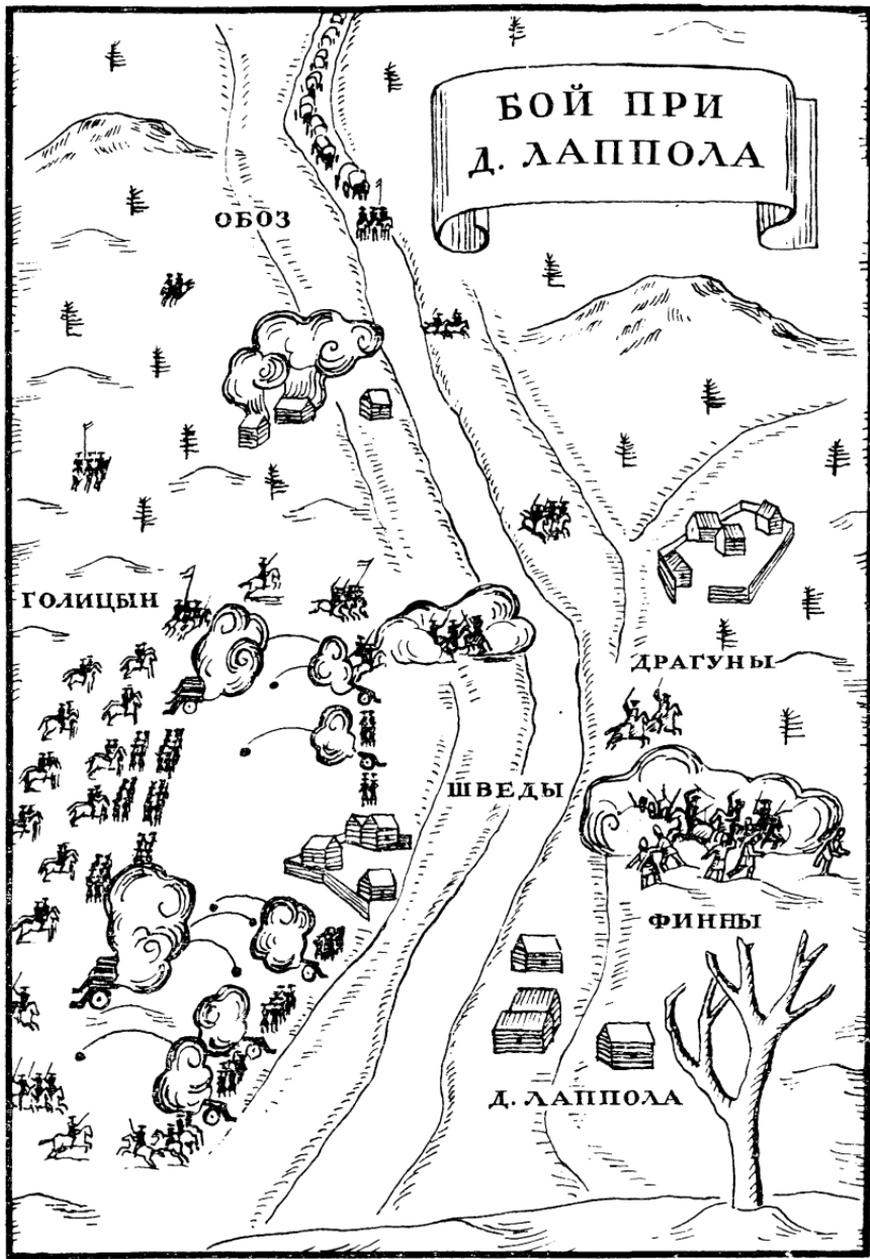
ГОЛИЦЫН

ДРАГУНЫ

ШВЕДЫ

ФИННЫ

Д. ЛАППОЛА

А в лесах не очень-то сохранишь боевой порядок, не очень-то сможешь отбивать атаки преследователей. Для Армфельда был только один выход — опрокинуть русских. Иначе ему грозила полная гибель. Ведь Голицын своим маневром прижал его тылом к поросшим густым лесом скалам. Правый фланг шведов был теперь открыт для атаки по реке — там стояли драгуны и казаки, прикрывавшие обоз. А левый фланг упирался в лес. Отступить организованно в случае поражения Армфельд не мог.

Чтобы не дать шведам прорвать свой боевой порядок или опрокинуть его, Голицын и построил войска в четыре линии. Это было глубокое, мощное построение.

Около полудня шведы пошли вперед, перешли реку. Все передвижения и шведов и русских в тот день совершались медленно — по колено, а то и по пояс в снегу. Подойдя к русским на расстояние ружейного выстрела, неприятельская пехота открыла огонь. «Сколько воевал, а такого сильного огня не видел!» — говорил потом Голицын.

Шведы стреляли и шли вперед. Подпустив их поближе, русская пехота дала залп. Но ряды русских батальонов первой линии уже сильно поредели — шведы были хорошие стрелки.

Армфельд решил, что пришло время для решительного удара. Правое крыло его пехоты бросилось в штыки. Русские батальоны подались, но во фланг атакующим пошли два драгунских эскадрона.

Шведы откатились.

Армфельд тут же бросил вперед два эскадрона и финское ополчение. Дважды атакуя в одном и том же месте, шведы плотно утрамбовали снег перед русским фронтом, затратив на это много сил. И теперь русские пошли в контратаку по этому утрамбованному снегу.

Кавалеристы и необученные, плохо вооруженные финны не выдержали ответного удара и побежали. С левого и правого русских флангов стали разворачиваться драгуны и охватывать противника. Их поддержала сосредоточенная на флангах артиллерия...

Голицын отдал приказ — и по реке в тыл Армфельду, дробя копытами лед, галопом пошли свежие драгунские полки и казачьи сотни.

Большинство шведской конницы, командир которой генерал Ла-Барр не одобрял действий Армфельда, ускакало, не приняв боя.

А с пехотой случилось то, чего так боялся шведский гене-

рал,— ее оттеснили в лес, в глубокие снега, где она оказалась беспомощна.

Бригадир Чекин со своими драгунами около двух верст гнал и рубил бегущего противника. Но и драгунские кони быстро выбивались из сил в сугробах. Погоню пришлось прекратить. Да в ней и не было особой надобности.

В снегах вокруг Лапполы коченело 5133 убитых шведа и финна. 535 человек попало в плен.

Голицын потерял 421 солдата убитыми и 1047 ранеными.

Бой был жестокий, потери тяжелые.

Но задачу свою генерал-лейтенант выполнил блестяще. Шведский корпус в Финляндии перестал существовать.

5. ГАНГУТСКИЙ ТРИУМФ

К весне 1714 года Финляндия была в руках Апраксина. Або снова был занят русскими. Аландские острова лежали рядом. Можно было думать о десанте в Швецию.

Но шведский флот господствовал на Балтике. И это очень затрудняло действия.

Русский галерный флот все возможное время крейсировал вдоль побережья — перевозил припасы, перебрасывал войска. Но галеры непрерывно находились под угрозой — на свободном от шхер участке залива шведы могли неожиданным ударом своих кораблей перехватить и уничтожить их. В открытых водах галера не могла тягаться с большим парусным кораблем. Корабль способен был просто раздавить ее.

В мае корпус Голицына сосредоточился в Або. Но подвозить туда провиант и порох по суше было далеко и трудно. Галеры получили задание — пробиться к Або морем. Без этого войскам Голицына грозил голод.

19 июня Апраксин повел галеры из Гельсингфорса на запад.

Вскоре после выступления русское командование получило известие, что шведский флот стоит у мыса Гангут. Район Гангута был самым опасным для галер — шхер там почти не было. Год назад Боцис так и не смог, несмотря на свою находчивость и храбрость, прорваться мимо Гангута.

Но в этот раз надо было принимать решительные меры. Иначе снабжение армии морем срывалось и высадка десанта в Швецию становилась невозможной.

Апраксин приказал трем гвардейским батальонам занять мыс

Гангут и устроить там батареи, чтобы шведы не могли подойти к нему вплотную.

Русский флот остановился недалеко от мыса в шхерах, а Голицын с несколькими полками двинулся из Або к Гангуту.

Голицын пришел к Гангуту 10 июля. А 20 июля прибыл туда на фрегате сам Петр. Для прорыва были стянуты большие силы — 13 000 солдат, посаженных на галеры.

В шведском флоте, преградившем путь, было 14 больших кораблей, 4 фрегата, несколько небольших парусных судов и 6 галер. Артиллерия шведских судов в открытом бою могла разнести русские галеры.

Произведя разведку, Петр сразу же предложил план действий. Он хотел из бревен и досок построить волок через мыс, перетащить по нему часть галер, чтобы они угрожали шведскому флоту с тыла. Он надеялся, что шведов удастся отвлечь от мыса и главные силы пройдут опасные места.

Петр велел принять все меры предосторожности, чтобы шведы не узнали о строительстве волока. Но они узнали.

Шведский адмирал Ватранг отправил все свои 6 галер в сопровождении фрегата на другую сторону мыса — к тому месту, где кончался волок. Он хотел перехватить русские галеры и расстрелять их у самого берега.

Устройство волока потеряло смысл...

Часть шведской эскадры под командованием вице-адмирала Лилия тоже отошла от главной позиции и встала поодаль.

Это было утром 26 июля.

Петр с Апраксиным наблюдали за действиями шведов с батареи на мысе. Когда Петр увидел, что часть шведских судов ушла дальше от берега и между шведскими позициями образовался разрыв, он решил рискнуть. Ветер совсем утих. Начался штиль.

И тогда 20 русских скамповей под командой капитан-командора Змаевича ринулись в промежуток между шведскими отрядами, обходя главные силы неприятеля со стороны моря.

Ватранг увидел, какую ошибку он допустил, и попытался ее исправить. Шведские корабли снялись с якоря. Шлюпки потащили их на буксире наперерез скамповеям.

Петр, сжав кулаки от волнения, смотрел с берега на это состязание. Гребцы на скамповеях гребли изо всех сил. Шведы явно не успевали. Они открыли огонь, но ядра падали далеко от русских. Шведские матросы в шлюпках скоро выдохлись — тащить огромные корабли тяжело.

Петр отдал приказ, и еще 15 скамповей пошли на прорыв. И они тоже успели.

Теперь по другую сторону мыса скопилось 35 русских галер с экипажами. Они отрезали от эскадры шведские галеры и фрегат.

Стало темнеть, и боевые действия прекратились.

В три часа утра, когда немного рассвело, Петр увидел, что все шведские корабли отбуксированы туда, где вчера прошли скамповей. Но теперь образовался промежуток между неприятельским флотом и берегом.

— Не смекалист Ватранг,— сказал Петр Апраксину, усмехаясь.— Так мы с ним в кошки-мышки славно можем играть!

Утро было ясное, солнечное. На море полный штиль.

В четыре часа утра остальные русские галеры неожиданно пошли вдоль самого берега. Шведы не ожидали этого рывка и растерялись. Только 3 ближайших к берегу корабля, подтянутые шлюпками, оказались на расстоянии пушечного выстрела. Они открыли частый огонь. Но большого вреда причинить не могли. Погибла только одна русская скамповея.

Гангутский заслон был прорван.

Теперь Петр решил уничтожить галерный отряд шведского шаутбенахта Эреншельда, который выстроился к бою в узком заливе за мысом.

Это была нелегкая задача. Шведы славились своим искусством в морских сражениях. Артиллерия отряда Эреншельда почти в четыре раза превосходила всю артиллерию галерного авангарда.

В заливе, занятом шведами, могло развернуться для боя лишь небольшое число русских скамповей.

Атаковать шведов здесь можно было только в лоб.

Немало испытали солдаты Ингерманландского корпуса за два года войны в Финляндии. Они переносили жестокие морозы, прокладывали путь через дремучие леса и скалы; форсировали стремительные ледяные реки; голодали, дробили кирками финский гранит, строя укрепления; гребли бессчетные часы тяжелыми веслами — и в штиль, и в бурю; они били шведов на Пелкине, атакуя с плотов под убийственным огнем; они били шведов под Лаппола, увязая в глубоких сугробах. Но сегодня — 27 июля 1714 года — им предстояло новое и, быть может, самое тяжкое испытание.

С низких скамповей им предстояло штурмовать многопушечный фрегат и высокие шведские галеры. Под огнем в упор

90 шведских пушек и сотен ружей им предстояло карабкаться на неприятельские суда.

На первых русских атакующих скамповеях находилось 257 преображенцев и офицеры четырех пехотных полков. За ними шли еще 20 скамповей с 3000 отборных солдат.

Командовал авангардом генерал Вейде, попавший в плен под Нарвой и вернувшийся после Полтавы.

В третьем часу дня на мачте адмиральской скамповеи взвился синий флаг. Грохнула пушка. Это был сигнал вступать в бой.

С шумным плеском ударили в балтийскую воду сотни весел — скамповеи ринулись к шведской эскадре. Их встретил шквал картечи, ядер и пуль. В страшной тесноте скамповеи ломали друг другу весла. Легкие русские суда раскачивались от толчков, и это мешало стрелять. Наконец им удалось подойти вплотную к противнику. И тут началось самое страшное. Один неверный шаг — и солдат летел в воду под удары весел. Легкая рана — и солдат уже в воде. А в лицо атакующим с высоких вражеских бортов била картечь, гремели ружья, грозили острия штыков. Раз за разом шведы отбрасывали уже ворвавшихся на галеры русских...

Но сзади на атакующие скамповеи напирали резервные суда, прижимая их к шведским галерам и фрегату. И постепенно шведы, несущие немалые потери, стали ослабевать. Бой перекинулся на палубы галер. Дрались в суতোлке тесаками, прикладами, кулаками...

Одна за другой спускали флаги шведские галеры.

Последним сдался фрегат...

Шаутбенахт Эреншельд был взят в плен гренадерами капитана Ингерманландского полка Бакеева.

К пяти часам бой закончился.

Русский флот одержал первую крупную морскую победу.

Главные силы шведской эскадры — корабли Вартанга и Лилия — стояли, скованные штилем. Победоносные русские скамповеи ушли в шхеры за Гангутом.

На другой день поднялся ветер, и Вартанг увел шведский флот.

Вся прибрежная линия Финляндии была в руках Петра.

Вскоре после Гангута русские войска высадились на Аландских островах.

Петр послал морскую разведку обследовать подходы к шведским берегам у Стокгольма...

6. КОНЕЦ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

В Европе закончилась война за Испанское наследство. Теперь европейские государства могли вмешаться в Северную войну. Постепенно объявили войну Швеции Пруссия, Ганновер, Голландия... Но и эти страны, и Дания думали главным образом о том, чтобы разделить шведские владения в Германии. Они ссорились между собой и подозревали Петра в стремлении захватить германские земли. Из-за этого одна за другой срывались намеченные Петром операции, срывались десанты в Швецию, которые Петр планировал провести из Дании датскими и русскими войсками.

Англия не хотела усиления России, опасаясь, что Петр, утвердившись на Балтике, будет конкурировать с ней в торговых делах.

А в Швецию тем временем вернулся из Турции Карл XII. Он нашел страну совершенно разоренной, свои войска — терпящими поражение за поражением. Рассчитывая на силу флота, Карл объявил блокаду всех портов, которые были в руках России или ее союзников, и выслал в море каперские суда. Шведские каперы захватывали торговые корабли любой страны, недружественной Швеции.

Но русский корабельный флот за эти годы вырос и набрался опыта. Теперь русские моряки не только на веслах, но и под парусами могли тягаться со шведскими.

Война была перенесена к шведским берегам.

Уже в 1714 году в сентябре отряд скамповей под командой генерал-майора Головина, который когда-то прорвался в Полтаву, вышел из финского порта Ваза. Скамповей пересекли Ботнический залив и высадили десант на шведском берегу возле города Умео.

Впервые за все 14 лет войны выстрелы раздались на шведской территории. Война пришла в Швецию.

Десант сжег Умео, взял несколько мелких судов и вернулся в Финляндию.

Паника охватила прибрежные шведские города и деревни. В любой момент жители могли ждать нового нападения.

Шведский флот вынужден был крейсировать возле Стокгольма, охраняя столицу.

Страна нищала. В деревнях стояли пустые дома. Невозделанные поля глохли. Умирал скот. Закрывались рудники и мастерские — в них некому было работать. Ведь большинство мужчин

или погибло в России, Польше, Литве, Померании, или служило в действующей армии, или находилось в плену... Замирала торговля. Перед вступлением Карла XII на престол в шведском торговом флоте было 775 судов, а к 1718 году их осталось только 209...

Даже упрямый и воинственный Карл начал понимать, что Швеция победить не может. В 1718 году на Аландских островах открылся мирный конгресс. А Карл между тем вторгся в Норвегию, принадлежавшую тогда Дании, и был убит шальной пулей.

Его царствование не принесло Швеции счастья.

На Аландском конгрессе договориться о мире не удалось.

Прошло еще два года войны. Русские десанты подходили к Стокгольму. 27 июля 1720 года генерал Голицын в морском бою у острова Гренгам — в Аландском архипелаге — взял на бордаж 4 шведских фрегата.

Русские корабли крейсировали по всему Балтийскому морю, уничтожая вражеские каперы и препятствуя шведской торговле.

И только теперь, убедившись в своей полной беспомощности, шведское правительство подписало с Россией знаменитый Ништадтский мир.

Это произошло 30 августа 1721 года.

За Россией остались Лифляндия, Эстляндия, Ингрия с Петербургом и часть Карелии. Финляндия почти вся была возвращена Швеции.

Россия получила необходимый ей выход к Балтике.

Но не только в этом было дело. Россия вышла из тяжелых испытаний куда более сильной, чем была перед войной. Россия стала первоклассной мировой державой. Это была новая Россия.

О Г Л А В Л Е Н И Е

БАЛТИКА — ЭТО ЖИЗНЬ	6
НАРВСКИЙ УРОК	
1. Вперед — Нарва	8
2. Под Нарвой	9
3. Шведский король приближается	10
4. Разгром	12
5. «Надо спасти армию...»	15
6. Сражение проиграно — война не кончена	16
ПЕРВЫЕ УСПЕХИ	
1. Шведы грозят Архангельску	18
2. «Вот они, ваши саксонцы!»	20
3. Европе не до России	22
4. «Мы можем бить шведов!»	23
РОЖДЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА	
1. Бой при Гуммельсофе	25
2. «Сзади смерть! Только вперед!»	27
3. Петр идет в огонь	30
4. Для победы нужна армия	32
5. Карл увяз в Польше	33
6. Рождение Петербурга	34

ВТОРАЯ НАРВА

1. Маскарад	37
2. «Русским дорого обойдутся эти победы!»	39
3. Падение Нарвы	40
4. «Воевать сильно на суше и на море...»	42

ПОРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

1. Шведы идут на Кроншлот	43
2. Боур берет Митаву	45
3. Шереметев разбит под Мур-мызой	47
4. Армия стянута к Гродно	49
5. «Знамена к ногам нашего брата Августа!»	51
6. Астрахань восстала	52

СТРАШНЫЙ ГОД

1. Карл идет на Гродно	54
2. Русская армия заперта	56
3. Карл ведет гренадер	57
4. Армия уходит из-под удара	58
5. Шведы опоздали	60
6. Взятие Астрахани	61
7. Карл в Саксонии	63
8. Ночной абордаж	64
9. Меншиков гонит Мардефельда	66
10. Пусть каждый исполнит свой долг!	69
11. Нашествие неминуемо	70
12. Шведы идут	71

НАШЕСТВИЕ

1. Совет в Бешенковичах	73
2. На Дону поднимается Булавин	74
3. Где ударит Карл?	77
4. Бой на реке Бабич	79
5. Левенгаупт опаздывает	82
6. Карл выручает Росса	84
7. Петербург растет	86
8. Любекер не прошел	87

ДОРОГА К ПОЛТАВЕ

1. Мертвая земля	89
2. «Солдаты, спасайте своего короля!»	90
3. Карл в нерешительности	92
4. Левенгаупт достигнут у Лесной	93

5. Левенгаупт разгромлен	96
6. «Государь, прости князя Репнина!»	98

ПОЛТАВА

1. Карл мечется по Украине	99
2. У полтавских валов	102
3. Шведы идут на штурм	103
4. Головин прорывает окружение	104
5. Король ранен	105
6. Петр выбирает поле боя	107
7. Полководец говорит с полками	108
8. «Этой ночью мы атакуем!»	109
9. Драгуны принимают удар	111
10. Судьбу решают штыки	113
11. «Хорошо же вы отблагодарили учителей!»	118
12. Катастрофа у Переволочно	119
13. Победа одержана — война не кончена	121

ВОЙНА НА БАЛТИКЕ

1. Впереди — Финляндия	122
2. Галеры — на Гельсингфорс!	124
3. Победу везут на плотках	126
4. Атака по пояс в снегу	130
5. Гангутский триумф	135
6. Конец Северной войны	139

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Яков Аркадьевич Гордин

ПУСТЬ КАЖДЫЙ ИСПОЛНИТ СВОЙ ДОЛГ

Повесть о Северной войне

ИБ № 3346

Ответственный редактор *Г. А. Дубровская*

Художественный редактор *А. В. Пащина*

Технические редакторы *Н. И. Лукова* и *И. П. Саенкова*

Корректоры *Ж. Ю. Румянцева* и *Н. А. Сафронова*

ОСР - Давид Титивский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 01.02.79. Подписано к печати 10.09.79. А13854. Формат 60×84^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,85. Тираж 75 000 экз. Заказ № 4311. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Гордин Я. А.

Г68

Пусть каждый исполнит свой долг: Документальная повесть/ Рис. Н. Григорьевой.— М.: Дет. лит., 1979.— 143 с., ил.

В пер.: 55 к.

Документальная повесть из истории нашей Родины о Великой Северной войне (XVIII век), о доблести русских солдат, выигравших битву со шведами.

70803—467
Г М101(03)79 322—79

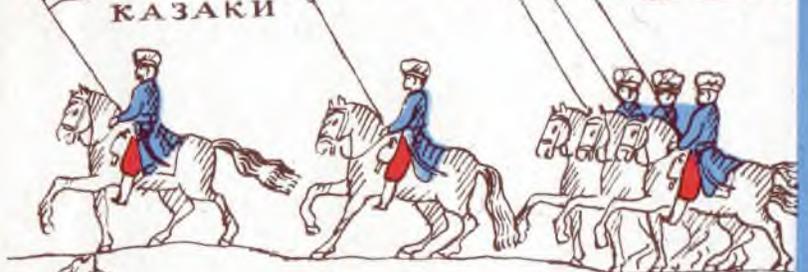
Р2

АРТИЛЛЕРИЯ

КАЗАКИ

ДРАГУНЫ

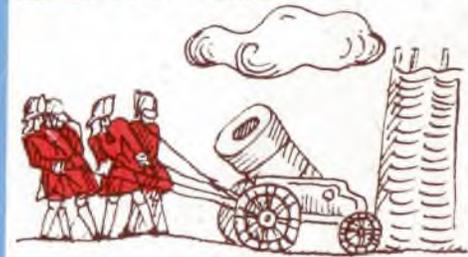
БОТ

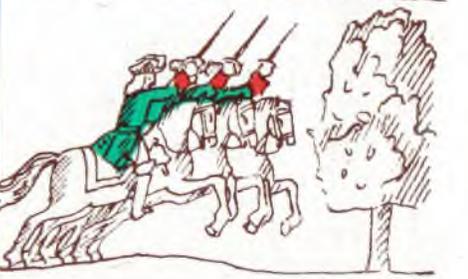
ФРЕГАТ

ПЕХОТА

ГРЕНАДЕРЫ

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»